

Краснодарский университет МВД России
Ставропольский филиал

М.А. Тихоненко

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ И СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

монография

**Ставрополь
2019**

**Научный редактор
доктор философских наук, профессор О.Ю. Колосова**

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Н.В. Нарыков

доктор философских наук, профессор И.С. Бакланов

Тихоненко, М.А.

Парадигматическое и синтагматическое измерение социальной реальности: монография / М.А. Тихоненко.- Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2019.- 153 с.

В монографии рассматривается проблема системного конституирования социальной реальности в контексте семантической коммуникации сквозь призму языка. Раскрыты особенности универсальных констант языка культуры, проанализированы основные направления трансформация языка в современном российском обществе. Монография предназначена для преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

© Тихоненко М.А., 2019

© Ставропольский филиал

Краснодарского университета

МВД России, 2019

Оглавление

Предисловие	3
1. Основные теоретическо-методологические принципы исследования социальной реальности	
1.1. Системно-методологические основания исследования социальной реальности	12
1.2. Эволюция представлений о социальной реальности в истории социально-философской мысли в контексте системного анализа языка	41
1.3. Роль и место языка в системном конституировании социальной реальности	64
2. Специфика формирования социальной реальности в современном обществе	
2.1. Вопросы конструирования социальной реальности в процессе коммуникации	94
2.2. Современные константы языка культуры в парадигме социальной реальности	116
2.3. Основные направления трансформация языка в современном российском обществе	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
ЛИТЕРАТУРА	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Потребность обращения социально-гуманитарного знания, и в первую очередь, социальной философии к исследованию социальной реальности, имеет основополагающее значение на современном этапе развития социума. Социальная реальность – изменяющийся во времени и пространстве феномен. В современных условиях повышается динамика изменений в процессах трансформации всех основных элементов и звеньев ее структур в такой степени, что социум утрачивает признаки тотальности, выстроенности (структурированности). В определенной мере, он проявляется как переменчивая совокупность локальных фрагментов, слабо сообразованных друг с другом, вследствие этого закладываются предпосылки многообразия сценариев его дальнейшего развития. Вместе с тем имеются представления о детерминированности и, в то же время, идеи об универсальной направленности социального развития, его неопределенности и многовариантности.

В складывающихся условиях развития социальной реальности особое значение приобретает социально-философский анализ происходящих изменений. Свое значимое место здесь обретает изучение места и роли языковой реальности, особенностей ее взаимосвязи с социальной реальностью. Это в свою очередь обуславливается тем, что перед современным исследователем социальная реальность предстаёт в виде смыслового универсума, определяющего специфику актуальных форм жизнедеятельности и, так или иначе, активности в направлении поиска творческого решения задач. Неоднозначность представлений о социальной реальности, и особенности ее конституирования в процессе коммуникации делают философское осмысление этого феномена чрезвычайно важным и актуальным. Социальная реальность конституируется языком и конституирует язык. Язык сопровождает все социальные процессы и охватывает все социальные сферы, в нем содержится объективное знание о социальной реальности, которая определяет специфику существования общественных явлений.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные, базовые понятия, положения и концепции, изложенные в трудах отечественных и зарубежных исследователей, в которых нашли свое отражение проблемы анализа социальной

реальности, осмысления коммуникативных практик, конституирования смыслов.

Наибольшую эвристическую ценность для исследования проблемы концептуализации социальной реальности в контексте семантической коммуникации имеет теория систем, структурно-системный подход, позволяющие проанализировать процесс конституирования социальной реальности, механизмы формирования концептуальной картины мира и отдельных элементов и представлений системного подхода, поскольку социальная реальность обладает системной природой.

Понятие «социальная реальность» - объективное явление, отражающее реализм явлений, рожденных и воспроизводимых в обществе, отраженные в константах культуры, конституируемая языком и конституирующая язык. Представляется возможным определить социальную реальность как открытую, динамичную, высокоорганизованную целостность, включающую инвариантную и вариативную части, объединяющую в себе личность, собственно социальную подсистему и культуру, отражающую в константах культуры и в языке специфику существования социальных явлений.

Язык, являясь уникальным феноменом человеческой реальности, социально обусловленным средством, играет ведущую роль в поддержании общих определений реальности, создает особую символическую среду, структурирующую социальные трансформации, создает тезаурус для актуализации потенциальных возможностей понимания смысла происходящих изменений. Язык сам формирует условие существования социальной реальности, объективируя её в языковых знаках. Он является средой социальных трансформаций, а рецепция и генерация информации – механизмом конструирования социальной реальности

Анализ направлений семантической трансформации в процессе коммуникации в современной российской социокультурной среде свидетельствует, что основные изменения, происходящие в ней, могут быть классифицированы как развитие языка, отражающего социальную реальность современного российского общества, его культуру и мышление, объективирующего его.

1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1. Системно-методологические основания исследования социальной реальности

Изучение социальных феноменов и процессов, специфики социальной динамики является непростой процедурой, содержащей в себе множество разнообразных методологических составляющих и концептов. Наиболее известными социально-философскими методами сегодня являются системные, структурно-функциональные, пространственные, временные методы, рассматривающие отдельные социальные подсистемы и их составляющие в функциональной, структурной, причинно-следственной, временной целостности. Невзирая на важность таких методов, все же можно сказать, что они не способны выявить все разнообразие социальных феноменов в их всесторонности, в особенности в современном, неизменно онтологически усложняющемся социуме.

Неизбежно изменяясь, социальная реальность определяет науки, отображающие и исследующие данную реальность. Возрастание важности и значимости субъективных факторов является доминирующей чертой в развитии нынешнего общества в целом и поэтому играет существенную роль в выработке теоретико-методологических оснований современного социально-гуманитарного знания, давая возможность для новой интерпретации его базовых понятий.

В этой связи возникает необходимость поиска ответов на актуальные для социального познания вопросы: должна ли быть создана в этих обстоятельствах единая социальная концепция либо допустимо существование множества таких концепций? Будут ли адекватно истолкованы одни и те же понятия в контексте каждой из этих концепций? Насколько эвристичен полипарадигмальный подход в социальном знании? По мнению С. И. Платоновой, «социальные парадигмы избирательны и односторонни»¹, что определяет фактор более глубокого исследования социальной реальности. Она утверждает, что социальные парадигмы направлены к различным аспектам ситуаций и всевозможным типам действий.

¹ Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания: дис. ... д-ра филос. наук / 09.00.11. Платонова Светлана Ипатовна. Российский ун-т дружбы народов. М., 2014. С. 17.

Одинаковые по своему структурному составу части социальной парадигмы наполняются неодинаковым содержанием в разных парадигмах. Многие парадигмы, как, впрочем, и составляющие их концепции, совершенно не противоречат, а взаимно дополняют друг друга. Можно согласиться с ней в том, что социальные парадигмы необходимо рассматривать «как дополняющие друг друга подходы к изучению социальной реальности»².

На наш взгляд, существует еще один важный вопрос о наличии фундаментальных социальных констант, воспроизводящих универсалии социального бытия, которые могли бы стать опорными точками в осуществлении процесса логики научного познания. Что они представляют собой для социально-философского знания? Все это становится актуальным в настоящее время, когда отмечается расширение области применения познавательного дискурса постмодерна в философскую рефлексию.

Социальная реальность рассматривается и в социологии, и социальной философии. Проанализируем, имеются ли принципиальные отличия в их методологических подходах к исследованию данного феномена.

По мнению К. Х. Момджяна, в истории культуры одним и тем же термином «философия» обозначают два различных стиля мышления о мире (валюативный и рефлексивный), различающиеся по своему подходу к науке, и в том числе, среди прочих, к социологии³.

Валюативный и рефлексивный стили мышления альтернативны по отношению друг к другу. Так, валюативный стиль характеризуется экзистенциальным подходом к бытию, дает оценку смысла мира, используя понятия «должного» и «недолжного», «справедливого» и «несправедливого», «прекрасного» и «безобразного». Тогда как рефлексивная философия дает ответ на один из кантовских вопросов «Что я могу знать?» (и знаю о мире), валюативная философия отвечает на два других: «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?». Яркими представителями валюативной философии являются Сократ, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, К. Ясперс, Н. Бердяев.

² Там же.

³ Момджян К. Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К. Х. Момджян, Д. Г. Подвойский, В. С. Кржевов, А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 17–43

Взгляды данной философии не верифицируются в качестве истины или лжи. Ее содержание представляет собой аксиологическую систему воззрений, нелегко опровергаемых и в такой степени же нелегко обосновываемых. Безусловно, ценностные воззрения бывают общезначимыми и, более того, общеобязательными, но нельзя определенно сказать, являются ли они собой истину или ложь. Их нельзя проверить эмпирически. Такая философия не имеет притязаний на объективную истину, вследствие этого не претендует и на то, чтобы именоваться наукой. Так, для валюативной, или ценностной, философии (в отличие от науки) не столь важен мир, как он есть, в своей логике бытия, представленной индивиду феноменологически. Данная философия направлена не на познание мира, а на его осмысление, то есть на поиск смыслов, конечных целей бытия человека в мире. Валюативная философия рассматривает мир в соотношении с устремлениями человека, оперируя такими этическими категориями, как, например, «добро» и «зло», «справедливость», «долг», «благо».

В отношении социальной философии данного вида, отмечает К. Х. Момджян, можно утверждать, что «она, соответственно, проектирует идеальные модели человеческого общества, конгениальные этим конечным целям»⁴. Иначе говоря, такая философия отражает должное, а не реальное, и является своего рода «социальным проповедничеством»⁵.

По мнению К. Х. Момджяна, валюативная философия, направленная на решение софийных, а не эпистемных задач, и имеет большое значение для общества. В сущности, она и представляет собой в сущности ту системообразующую основу, которая определяет мегасистему культуры человечества, дух времени.

Рефлексивная философия устремлена к познанию сущности бытия, выявляет и разъясняет структуру мира, фундаментальные закономерности его существования, универсальные связи в природе, обществе, мышлении, не зависящие от ценностного субъективного выбора. Она рассматривает вселенную и индивида в качестве объектов, иными словами, направлена на поиск естества

⁴ Момджян К. Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности ... С. 40

⁵ См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее приемственности и изменении / пер. с англ. В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова. М.: 1961. 895 с.

человека, его сути, положения в данном мире. Можно утверждать, что рефлексивная философия представляет собой особую форму научного познания. Представителями такого типа философии, например, являются Аристотель, Б. Спиноза, Л. Витгенштейн, Э. Гуссерль.

Знания о мире, полученные рефлексивной философией, фиксируются на языке суждений истины, в отношении которых возможны верификация, фальсификация и прочие методы, позволяющие разграничить истину и заблуждение.

Надо отметить, что существуют различные трактовки предмета научной философии: субстанциальная, антропологическая, гносеологическая. С точки зрения субстанциальной интерпретации, подобный предмет – это потенциальная целостность мира, проанализированная в контексте субстанциальной всеобщности и интегративного единства, создающих сферу подсистем. Антропологическая трактовка позиционирует философию как науку о предельных основаниях деятельностного, ценностного и познавательного отношения человека к миру. Гносеологическая интерпретация представляет философию, по сути, как теорию познания.

В рамках субстанциального подхода рефлексивную социальную философию можно представить в качестве науки, постигающей надорганическую реальность, являющуюся подсистемой окружающего мира. Необходимо подчеркнуть субстанциальную специфику социальной реальности, ее отличие от прочих видов форм бытия или движения. Важной является специфика системы информации общества, которая связана с абстрактно-логическим, знаково-понятийным мышлением индивида. Существенной характеристикой является адаптивная особенность социальной реальности, предполагающая стремление человека преобразовывать все сферы жизни. Безусловно, определенный интерес представляет свойство социального детерминизма, связанное со способностью субъекта менять поведенческие реакции на безальтернативные стремления. Здесь имеется в виду свобода воли, значительно изменяющая природу социальной закономерности, формы проявления необходимости, случайности и вероятности в деятельности субъектов.

Становится бесспорным, что подобный взгляд на социальную философию представляет ее безусловную связь с теоретической

социологией. Социальная философия и социология проводят системный анализ социального бытия, изучая его в разной степени научной абстракции. Социальная философия изучает общественную жизнь сквозь призму всеобщей субстанциальности и интегративного единства мира и позиционирует ее как субстанциально самостоятельную подсистему данного мира, в то время как социология ведет исследование существования общества в свойственных только ему законах. Социум, то есть мир людей, имеющий неприродные и надприродные признаки, представляет собой объект философского анализа. В социологии же объектом исследования выступает общество, которое есть, по сути, организационная форма воспроизводства социальности, целостность ее сущности и существования.

Социальная философия и социология, находясь в тесной взаимосвязи друг с другом, создают возможность концептуального взаимопроникновения, то есть, по мнению К. Х. Момджяна, «феномен категориально единого философско-социологического знания»⁶. Ю. М. Резник утверждает, что ориентация на соединение «философских выводов» и «общих положений социально-научных дисциплин» основывается на междисциплинарном статусе социальной теории, представляющей собой «органический синтез социально-философского учения об обществе и теоретического ядра общих социальных дисциплин, изучающих различные стороны жизнедеятельности людей в обществе»⁷. В данном отношении связь социальной философии и социологии принципиально отличается от связи философии природы и естествознания, предметно дистанцирующиеся друг от друга и сохраняющие только внешние методологические отношения. Родоначальники социологии полагали, что законы социального мира объективны в той же мере, что и законы природы. Однако уже на исходе девятнадцатого столетия стало приходить понимание того, что науки о природе и науки об обществе и культуре не идентичны, исходя из принципиальных методологических оснований. Рассматривая социальную философию и теоретическую социологию, можно говорить о качественно другой ситуации – их предметном пересечении.

⁶ Момджян К. Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности ... С. 28

⁷ Резник Ю. М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007. С. 317.

Поскольку социальные объекты гораздо более сложные, чем природные, то такие феномены, как «общество», «общественные отношения», «культура», «власть», невозможно исследовать только с помощью эмпирических методов. Необходимо создание концептуальных моделей в рамках науки, хотя имеются определенные трудности, проявляющиеся в неявности закономерностей, родовой и видовой неустойчивости феноменальной реальности и других факторов, вызванных субстанциальной особенностью социума.

Надо отметить, что в категориально-понятийных комплексах, которые используются для описания социальной реальности, имеются весьма непохожие термины, появившиеся в различные исторические периоды развития социально-гуманитарных наук в процессе выполнения разного рода методологических и познавательных исследовательских авторских программ.

В итоге в рамках актуального «категориального портрета» социальной реальности на каждой стадии ее отражения и регистрации имеется достаточно большое количество принципиально не совпадающих между собой совокупностей понятий и подходов.

Для системного анализа социальной реальности, общества и типологии его форм необходима не просто философская культура, но и совершенное владение философской методологией, поскольку без нее невозможно верно найти и сформулировать решение многих проблем.

Поэтому представляется излишним проводить предметные границы в концептуально единый анализ целостной субстанции, в процессе которого осуществляется последовательный транзит от сущности социального к его существованию, а затем – к подлинному историческому бытию. В ходе этого анализа реализуется переход от абстрактного к конкретному, включающий в себя внутрисубъективное развитие системы понятий, сущностную конкретизацию единого предмета.

Радикальная трансформация представлений о законах общественного развития и значимое обновление социально-гуманитарных знаний сопровождалось ростом числа школ, теорий, методологических подходов. Все это вызвало несомненную необходимость структурирования уровней анализа общества, нового определения предметной области социального знания,

задачей которой должно стать исследование не только общества, социума, но и человека «общественного», социального субъекта. Необходимо подчеркнуть, что общество и человек при этом являются в равной степени ключевыми категориями социального знания, которые представляют всевозможные грани социальной реальности.

В социально-гуманитарном знании исторически сформировались два ключевых методологических подхода, исходя из того, что является отправной точкой: личность или общество. В рамках структурных парадигм, которые применяются для исследований на макроуровне, рассматриваются структурирование, функционирование и эволюция общества как целостной системы, социальная стратификация, социальные институты. В интерпретативных парадигмах, в основном на микроуровне, в качестве предмета изучения представлен субъект, личность, человек. Здесь акцентируется внимание на исследовании и трактовке поведения человека и его мотивации. В основании интерпретативных (неклассических, или постклассических, модернистских) парадигм лежит герменевтическая традиция. Здесь трактовка различных жизненных явлений ближе к искусству, чем к конкретному научному знанию в его позитивистской формулировке. Это объясняется тем, что интерпретатор стремится сохранить неповторимый смысл этих явлений в контексте конкретного исторического, социального и культурного развития. Основная цель в данном случае представляет собой попытку объяснения социальной реальности в сочетании с пониманием другой индивидуальности. Объяснения необходимо проводить в соответствии с предписаниями, включенными в процесс интерпретации. Однако необходимо отметить, что сторонники интерпретативной парадигмы в отличие от представителей структурализма обычно не ставят перед собой задачу выявления закономерностей для выработки новых знаний.

Социальная теоретическая феноменология главным образом стремится выявить необходимые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи явлений реального мира и социальных структур. Кроме того, важным является выбор методов, с помощью которых осуществляется субъект-субъектное познание, где исследуются поведение людей, мотивы, их интерпретация и смысл поступков в социокультурном, экономическом, политическом,

лингвистическом и прочих контекстах. Сущность такого подхода состоит в исследовании и трактовке образцов стандартного социального поведения субъектов, в ходе которого конструируется социальная реальность⁸. С точки зрения конструктивизма, при формулировке в некоей символической системе или языке того, что воспринимается субъектом, результирующая символическая репрезентация охватывает часть столь многих функциональных изменений социального опыта, что это дает возможность говорить о конструируемой реальности⁹. Иными словами, происходит конституирование субъектом социальной реальности. А для исследования этого необходимо построить систему понятий, которая бы охватывала множество индивидуальных систем различных социальных субъектов. Сторонники феноменологической парадигмы берут за основу тот факт, что обстоятельства неизменно субъективны, а ценностный мир любого социального субъекта является особым и уникальным. Из этого следует, что исследователь также не может быть в полной мере объективным, а потому, не существует и единственного, универсального истолкования социальной действительности. В соответствии с этим подходом общество и его социальные институты по своей сущности представляют собой то, в чем сами люди видят тот или иной смысл. Это дает основание заключить, что понимание действий субъектов возможно только на осознании ими своих действий в конкретной ситуации. Сущность такого методологического подхода выражена в так называемой «теореме Томаса»: если человеком какая-то ситуация воспринимается как реальная, она в самом деле в итоге становится подлинной.

В науке уже были предприняты усилия для того, чтобы преодолеть методологическое противостояние между структурными и интерпретативными парадигмами, антитезы объективных подходов субъективному. Так, У. Томас и Ф. Знанецкий отмечали в своей значимой для социальной науки работе «Польский крестьянин в Европе и Америке», что имеются две ключевые проблемы, которые всегда являются основой рефлексивной социальной практики: зависимость индивида от социальной организации и культуры и зависимость социальной

⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. [P. L. Berger, T. Lukman]. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁹ См.: Berger P., Kellner H. *Sociology Reinterpreted: An Essay on Method and Vocation*. N.Y. 1981. 49 p.

организации и культуры от индивида. Они считали, что социальная теория обязана охватывать и объективные культурные элементы социальной жизни и субъективные характеристики членов социальной группы, и что эти два вида данных необходимо рассматривать в качестве коррелирующих¹⁰. Мысль об интеграции структурных и интерпретативных парадигм находит свое развитие в трудах П. Бурдьё (структуралистский конструктивизм), Н. Лумана, А. Турена (социология действия — акционизм)¹¹, Э. Гидденса (теория структурирования)¹². Те подходы, которые были предложены ими, дают возможность рассматривать результаты возникновения порядка из «социальной плазмы» хаоса самоорганизующихся систем и, обратные процессы — следствия дезорганизации, саморазрушения и распада социальных структур¹³. Активистский, деятельностный подход предлагают Джеффри Чарльз Александер¹⁴ (неофункционализм), Маргарет Арчер¹⁵ и Петр Штомпка¹⁶ (социология социальных изменений). Классические концепции и методики в социальном знании были направлены на исследование универсальных связей в традиционных обществах закрытого типа, где вся социальная система и ее социальные институты имеют константное общественное и культурное воспроизводство. В таких методиках не учитывался потенциал непросчитанных случайных колебаний и саморегулируемых взаимодействий социальных субъектов. На базе закономерностей, выводимых из анализа и обобщения фактов и рассматриваемых в качестве общих для природы и социума, давался только один прогноз вероятного сценария развития событий, отрицающий альтернативу для любого типа общества. С середины двадцатого века появилось понимание того, что структурный функционализм и конфликтные

¹⁰ См.: Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005. 704 с.

¹¹ См.: Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с франц. Е. А. Самарской; ред. пер. М. Н. Грецкий. М.: Научный мир, 1998. 133 с.

¹² Гидденс Э. Новые правила социологического метода / пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 2 / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 424 с.

¹³ Цит по: Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М., 2002.

¹⁴ Александер Дж. После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество / пер. с англ. Т. В. Дорофеевой // Социология на пороге XXI века. М.: Интеллект, 1998. С. 231–249.

¹⁵ Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества: сборник / пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общ. ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 63–78.

¹⁶ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.

парадигмы весьма однобоко отображают воздействия общества в целом на социальных субъектов.

По мнению В. Ядова¹⁷, некоторые принципы марксизма остаются и сегодня актуальными для понимания сущности процессов общественного развития. В частности, это такие принципы, как, во-первых, осознание значимости экономических факторов и, во-вторых, деятельностный подход к осмыслению проблемы человека. Они могут быть использованы как отправные посылки интегрирующей «метатеории», развиваемой различными исследователями.

Необходимо отметить, что небезупречны и интерпретативные парадигмы вследствие излишней абсолютизации герменевтического подхода, преувеличения значимости субъектности и недостаточной оценки воздействия социально-исторического аспекта в деятельности человека. Неклассические теории и методика, использующие различного рода интерпретации, показали себя малорезультативными в исследовании экономической и политической действительности с неотчетливыми, размытыми пределами. Вследствие этого в настоящее время в социальном познании возникли и приобретают все большую популярность так называемые интегральные (объединительные) парадигмы, в рамках которых рассматривается социальная реальность с учетом объективного и субъективного, социальной структуры и субъекта. Так, например, интегральные парадигмы социологического постмодерна выявляют связь открытых социальных структур и активных социальных субъектов (акторов), определяют новые (постнеклассические) методологические подходы, направленные на познание самовоспроизводящихся и саморегулируемых систем, на преодоление традиционного противопоставления объективного и субъективного, и обуславливают качественно новый этап в развитии социальной теории. Конструктивистские подходы, несмотря на все расхождения их авторов, развивавших свои идеи в разные времена и в разных национальных контекстах, позволили изменить взгляды на сам предмет социологии. Им уже не выступают общество или индивиды, предметом становятся многогранные отношения между коллективными и индивидуальными субъектами и объективированные миры, создаваемые ими и создающие им основу конституирования социальных явлений и их собственных

¹⁷ Ядов В. А. Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Социология. 1998. № 3. С.11–14.

идентитетов. В рамках интегральных парадигм множественные субъекты исследуются и осмысляются и как продукты, и как производители различных социальных отношений. Интерсубъективное измерение социальной реальности здесь дополняется интрасубъективным (измерением множественности идентичностей, конституирующих того же субъекта, его многочисленные образы). Структура социальной ментальности, заключающая в себе очевидные и неявные, подлинные и неверные, сознательные и неосознаваемые формы, противоречива и диалектична. Менталитет определяет то общее, что является первопричиной сознательного и бессознательного, закономерного и эмоционального, то есть это затрагивающий самую сущность источник мышления, умонастроения, мировосприятия, определяющий повседневную жизнь человека. Значит, при изучении процессов социальной трансформации возникает необходимость исследования и анализа не только явных и осознанных ценностно-нормативных представлений людей, но и социально-бессознательных структур, выраженных в форме верований, ритуалов, традиций, обычаев, запечатленных в коллективной памяти той или иной социальной общности. За сознательными, рациональными и явными образами скрыты глубинные пласты коллективной психики, содержащие то бессознательное, которое выражается в символической (в первую очередь в языковой) форме. Скрытые, спонтанные и неосознанные формы поведения социальных субъектов также являются предметом изучения социологии и подвергаются научному анализу. Универсальные ментальные системы мировосприятия и миропонимания, объективируемые в символах, разнятся с научными или философскими, однако определяют повседневное социальное поведение субъекта. Символическая система ментальности и мировосприятия субъекта позволяет обращаться к любым его ценностям и мировоззренческим структурам и оказывать влияние на социальное поведение индивидов. Особенностью человеческого бытия является как бы заранее предписанное диалектическое отношение между отдельностью его с другими людьми, предметами и явлениями мира и внутренне обусловленным тяготением установить и воспроизвести свою всеобъемлемость, объединившись с миром; образовать с ним некую цельность, не утратив при этом совокупности собственных индивидуальных черт, самого себя.

Подобная форма существования субъекта, при которой он оставляет результаты деятельности своей уникальной личности и индивидуальности в других людях, предметах, вещах, произведениях искусства, является сутью феномена человеческого инобытия. Говоря другими словами, передача субъектом некоторых важных и личностно значимых самой сущности его жизни в окружающий мир, предметом нашего внимания делает существование человека в отличных от него носителях, многократное умножение жизни индивидуальности, многочисленность жизненных миров индивида. Другая грань инобытия характеризуется тем, что каждый человек, каждый предмет, вещь содержат в себе следы, результаты влияния чьих-то чувств, эмоций, размышлений, ценностных ориентаций и т. п.

Многие представители социально-гуманитарных наук рассматривали вопрос человеческого инобытия с разных позиций и концепций. Разные интерпретации проблемы человеческого инобытия мы находим в учении о превращенных формах М. Мамардашвили; в концепциях образа мира А. Леонтьева, психологии смысла Д. Леонтьева, в отраженной субъектности А. Петровского и В. Петровского; экзистенциальном анализе В. Франкла; трансперсональной психологии С. Грофа и др. Совокупность результатов многих теоретических исследований в истории социогуманитарного знания (разработки, проведенные К. Марксом в области экономики, З. Фрейдом – в сфере психоанализа, и другие направления изучения мифологий и символизма) стала причиной появления нетипичного понимания каузальности в рамках рассмотрения и описания множества сложных эмпирических явлений, относящихся к самым разным сферам деятельности субъектов. Неаналогичный классическому тип универсализации самих основ причинно-следственной дескрипции предмета исследования, допущение каузальности особого рода породили необходимость в концептуальном аппарате гуманитарных наук в конструировании специального оператора, который означал бы особую онтологическую реальность — «превращенные объекты», или «превращенные формы», вводящего их в множество объектов любой теории, описывающей историческую, социальную, психологическую и любую другую человеческую реальность. Термин «превращенная форма» был предложен К. Марксом, который применил его для

описания отличительных черт построения и способа действия сложных систем связей, которые обнаруживаются в особых формах своего действительного существования¹⁸. Капитализированная стоимость в системе буржуазной экономики, обнаруживающая «способность» к самовозрастанию, наделенная свойствами общественных отношений, находящихся за пределами человеческой деятельности, является примером иррациональной «превращенной формы», проанализированной К. Марксом. Отсюда следует, что превращенная форма существует самостоятельно, обособленно и представляет собой отдельное, обладающее внутренним единством явление или предмет. Она является исходной позицией, особым неделимым образованием, «субстанцией» наблюдаемых свойств при анализе свойств функционирования системы. В данном контексте особую значимость и важность для социально-гуманитарного знания приобретают концепции превращенных форм, получивших свою разработку и анализ в философском учении М. Мамардашвили¹⁹. В соответствии с его теорией, превращенные формы возможно постигнуть и описать только при условии сохранения в анализе всей противоречивость их бытийных эффектов. Отличительной чертой превращенных форм является то, что формы проявления приобретают в данном случае независимое содержательное значение, изолируются, а сущность явления замещается другим отношением, совмещающимся со свойствами вещественного обладателя самой формы (например, в случае символизма) и занимающим место действительного отношения. Прямое отражение содержания в форме в данном конкретном случае исключается, что и определяет основную отличительную позицию от традиционного отношения формы и содержания. Познаваемая форма действительного отношения, обладая самостоятельностью и бытийностью, не схожа с его внутренними связями и играет роль самостоятельной системы в регулировании реальных процессов. Результаты такой трансформации формируют особую субъективную реальность, так как представляются для субъекта не обычной составляющей его субъективного мира, а независимыми и автономными предметами. Данные «видимости», являясь формами постижения действительности во всем ее многообразии, становятся

¹⁸ Маркс К. Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. 3. С. 471–568.

¹⁹ См.: Мамардашвили М. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 269–282.

воплощенными конфигурациями социальных, жизненных представлений и функционируют одновременно неотделимо и независимо от связей, определивших их создание. Они являются основополагающими факторами для всех человеческих реакций, организуя образно-символическое пространство бытия и выявляя отчетливую направленность к образованию систем. В культурной области таковыми являются символические построения, представляющие собой метафоры как символические конструкции, замещающие действительные предметы, являясь при этом особыми формообразованиями с уникальной предметной сущностью. Итак, при рассмотрении превращенных форм, необходимо отметить то, что они заменяют в образно-символическом пространстве формы систем связей, существующие реально и независимо от человеческого сознания, при этом являясь качественно новыми образованиями, в которых промежуточные звенья создают особый функциональный орган, которому присуща квазисубстанциональность. Это обеспечивает реальный факт бытия предметов за пределами их исходных связей, которые исключены, удалены, усечены, заменены новыми отношениями, создающими необходимые условия для инобытия предметов в формах субъективной реальности. Изменения действительных связей в сознании субъекта случаются во время конкретной интерпретации структуры превращенной формы, что относит данное понятие к выражению сущности бессознательного (например, в психике – к так называемому «вытеснению» и сублимации, к бессознательным языковым явлениям, к глубоко личностным семантическим структурам и т. п.) В обстоятельствах модификации действительных связей предмет осуществляет автономное движение, заполняя пропущенные звенья квазисубстанциональными определениями.

Проведенные З. Фрейдом исследования убедительно показали, что зарождающиеся связи замещаются продуктами символической переработки, что близко по функционированию к мифологическому сознанию. Те же самые качественные определенности квазипредмета вызывают каузальные последовательности в структуре связей выражения превращенной формы, а то же самое явление заполненного целого возрождается в реалиях, символизме социального и бессознательного (сновидения, психоневрозы и т. п.). Воспроизводя какие-либо языковые формы,

субъекты думают о высказываемом смысле, а не об особенностях их структуры и законах употребления, что в сознании возмещается своеобразными включениями, компенсируется инстинктивными структурами, что делает возможным трансляцию целых пластов языковой деятельности в область символов. Такое постижение субъективной истины является проявлением основополагающей роли отношений между людьми, субъективной основы в конкретных жизненных обстоятельствах. Интересен опыт С. Кьеркегора, доказывающего несостоятельность научных аргументов в этической и религиозной сферах, поскольку именно в этих областях человеческого бытия субъективная истина определяет мотивацию поведения и принятия решений. В данных ситуациях объективное состояние дел не аргументирует решение жизненных проблем, так как во главу угла ставятся внутренние жизненные ориентиры, выражающие субъективный, предубежденный взгляд человека на жизнь. Процессы и явления внутреннего и внешнего мира, преломляясь сквозь призму индивидуальных отношений субъекта, формируют смысловое пространство субъективной реальности, ту образно-символическую область, в качестве которой и через которую постигается бытие. Субъективные истины наделяют все образы, усваиваемые человеком, определенным субъективным смыслом, что позволяет миру и жизни предстать перед индивидом не в хаотическом беспорядке бессистемного многообразия событий и действий, а в качестве структурированного пространства. Субъект упорядочивает окружающий мир таким образом, что для него становится важной только часть реальности. Именно это создает мир, где теряют смысл традиционные разграничения объекта и субъекта, реальности и способа ее представления, действительного и воображаемого.

Определенный интерес для исследования социальной реальности, на наш взгляд, представляет теория систем.

Равнозначные и непротиворечивые определения системы могут быть даны в различных языках. В данном случае система – это сочетание взаимосвязанных переменных (элементов).

Переменная (элемент системы) не равноценна по значению действительному объекту или какой-то доле целого данного объекта и выступает в качестве одной или нескольких характеристик, признаков объектов, рассматриваемых в этой

системе. Таким образом, тот же самый объект, по-разному описывающий свои характерные, отличительные свойства, может принадлежать различным системам. Понятие «система» представляет собой абстракцию и допускает следующие составляющие части: наблюдатель (исследователь), объект наблюдения и цель, проблема, поставленная наблюдателем, согласно которой выделяются конкретные характеристики объекта и его элементов. В качестве важных аспектов необходимо учесть и средства наблюдения, что ведет к возникновению новых вопросов, затрагивающих взаимоотношения наблюдатель – объект наблюдения – приборы. В дискретном аспекте всякая трансформация значения некоторой переменной, рассматриваемая относительно состояния этой системы, т. е. переход, называется событием.

Далее необходимо дать характеристику понятию связи, взаимодействия и взаимоотношения между составляющими системы. В широком смысле понятие «связь» приравнивается к общелогическому понятию отношения как местного предиката (одноместный предикат, называемый свойством не относится к данному определению). В процессе происходит модификация не только значений элементов системы, но и взаимосвязей, соотношений между этими элементами. Следовательно, множество состояний системы воспроизводится во множестве значений ее элементов и множестве отношений между ними.

Общая теория систем – наука о закономерностях организации, функционирования и развития объектов, представляющих собой различные системы, а также о научных и методологических концепциях их изучения. Теория систем и системный подход имеют ряд характеристик, отличающих их от других научных направлений.

1. В рамках системного подхода и общей теории основополагающим признаком системы признается то, что объект в процессе его формирования, развития и поведения всегда рассматривается как целое. При исследовании объекта как системы составные части данной системы изучаются не отдельно друг от друга, а с учетом их нахождения в составе целого. Системный подход и теория систем ставят своей задачей выявлять и изучать такие общесистемные закономерности, как эмерджентность, коммуникативность, иерархичность, эквифинальность, закон

«необходимого разнообразия», вероятная осуществимость, историчность, самоорганизация.

2. В основе традиционного подхода лежит точка зрения, что проблема сложности – это сведение целого к части, и уяснить целое возможно, только исследовав его части. Противоположная этому система целостности исходит из того, что нельзя понять целое, исследуя только составляющие его части, что целое обладает такими свойствами и качествами, которые отсутствуют у отдельных элементов (закономерность, целостность или эмерджентность). Эта закономерность была выявлена ещё Аристотелем, который сказал, что «сумма свойств частей не есть свойства целого». В XX в. в исследовании вопроса возникновения целостности большую роль играли разработки В. Г. Афанасьева. Основой концепции синергетики Г. Хакена является идея возникновения так называемого синергетического эффекта целостности. Однако, по нашему мнению, термин «эмерджентность», введённый Л. фон Берталанфи и обозначающий появление новых, неожиданных свойств у системы по сравнению с составляющими её элементами, в большей мере соответствует рассматриваемой закономерности, чем термин «синергизм» (совместный, согласованно действующий).

4. В классической науке, базирующейся на механической концепции, по аналогии с механикой системы рассматривались как закрытые. Для отображения живых систем Л. фон Берталанфи показал необходимость понятия открытой системы, т. е. системы, постоянно обменивающейся со средой веществом, энергией и информацией. Таким образом, при изучении систем учитываются внешние условия их существования, организация постоянного взаимодействия с внешней средой. Открытость системы обуславливает её развитие.

5. В теории систем на основе общесистемных закономерностей показано, что инициировать развитие системы может не только открытость, но и внутренне активное начало, негэнтропийные тенденции, противостоящие энтропийным. Этот вывод является хорошей основой для интеграции теории систем с моделью синергетики И. Пригожина.

6. Основной концепцией развития считается наличие противоречий (антагонистических, неантагонистических). В теории

систем показано, что не только противоречия, но и коалиции (А. А. Богданов, А. А. Малиновский,

М. Месарович) могут являться основой развития системы.

Несмотря на то, что заниматься изучением системных исследований специалисты самых разных научных направлений начали лишь во второй половине XX в., нельзя утверждать, что системность была открыта в этот период. Дело в том, что задачей теории систем являлось изучение проблемы взаимодействия части и целого, диалектики этого взаимодействия, что являлось основополагающей идеей многих философских концепций.

Системология явилась причиной возникновения некоторой конкуренции между профессиональными философами и представителями специальных наук. Некоторые представители философского направления склонялись к тому, что системология не является самостоятельной наукой, поскольку она изучает философскую проблематику (философия во все времена играла роль науки наук, обеспечивая их интеграцию и сохранение целостности). Так же одним из путей решения противоречия они предлагали разграничить её с философией, так как системология использует математический аппарат, якобы чуждый философии. Некоторые системологи в противоположность этому стали отстаивать позицию того, что теория систем является некой философской инновацией и даже способна заместить собой традиционные философские системы.

Признавая, что благодаря математизации системология приобретает особую статусность, нельзя пренебрегать, во-первых, тем фактом, что системология работает в направлении не какой-то общенаучной, а философской проблемы, изучая взаиморасположение и связь частей материи в нашем сознании, и, во-вторых, это характерное отличительное свойство, по-видимому, является преходящим, поскольку сейчас или потом и другие области философии будут применять математику с целью наделяния их свойствами результативности и привязки к конкретной социальной реальности и социальной практике.

Общие представления и знания о мире в целом или об отдельных сторонах бытия позволяют позиционировать систему как некоторое соединение, сочетание составляющих, элементов, дисциплин, наук, точек зрения, отображающих отдельные аспекты бытия, но взаимно связанных и воздействующих друг на друга таким образом, что в

итоге они воспроизводят с точностью целостность, присущую объективной реальности, которую отражают.

Система – это категориальная форма отражения в сознании субъекта свойств объектов, представление материи понятными данному субъекту средствами. При рассмотрении самой реальности становятся очевидными такие ее свойства, как континуальность, непрерывность и целостность, т. е. она не состоит из каких-либо априорно заданных частей, выделяемых нами по собственному желанию для удобства исследования или понимания, и которые никогда не встречаются в реальности изолированно друг от друга.

Итак, согласно логике функционирования, вещественные, предметные продукты сознательной деятельности индивида – это системы, а если анализировать их онтологически вне связи с представлениями их создателей, то они представляют собой континуальную целостность.

Таким образом, система – это средство отображения и воспроизведения континуальной целостности с помощью сознания субъекта, его логики, это дискретная модель непрерывного бытия.

Так как система – это прежде всего модель, то она может представлять собой физическую модель, чувственно моделирующую объект, основываясь на данных наших органов чувств и измерительных средств; логическую или математическую модель, при условии что её логика подобна логике моделируемого объекта; имитационную (прагматическую) модель, когда только её целостное поведение (выход) аналогично моделируемому объекту.

Как правило, физические и логические модели претендуют на адекватность отражения исходного объекта как в целом, так и в деталях, и даже приписывают свою системную структуру моделируемому объекту, в то время как имитационные системы – это частные модели, которые не претендуют на адекватность исходного объекта во всех отношениях.

Желаемое будущее, предельный уровень личностной и социально-культурной значимости индивида или сообщества устанавливает система ценностей. Теория систем дает характеристику этому предельному уровню с помощью закономерности эквивиальности. Данная закономерность определяет характерные черты, особенности и как бы предельные возможности системы. Некоторая степень сложности систем вызывает потребность в использовании данного понятия. По Л. фон

Берталанфи, эквифинальность определяется как «способность в отличие от состояния равновесия в закрытых системах, полностью детерминированных начальными условиями... достигать не зависящего от времени состояния, которое не зависит от её начальных условий и определяется исключительно параметрами системы»²⁰. Однако в связи с тем, что происходит усложнение живых организмов по мере эволюции, в разные стадии их жизни можно изучить различные состояния эквифинальности. Чаще всего это возможно пронаблюдать у человека, что является предметом исследований биологов, философов, инженеров и других ученых.

К основным уровням эквифинальности относят материальный уровень, определяемый врождёнными надобностями, нуждами, программами человека (самосохранение); реализующий программу продолжения рода, направленный на создание условий для воспитания потомства, ассоциирующихся традиционно с семьей, семейно-общественным укладом жизни семейно-общественный уровень; эмоциональный уровень, характеризуемый доступными развлечениями, эстетическим восприятием мира, надобностью в проявлении и реализации чувств восхищения, заинтересованности в чем-либо и т. п.; социально-общественный уровень, регламентируемый определенными правилами какого-либо сообщества, зафиксированными в законодательстве, этических нормах, традициях и т. д. (история занимается исследованием эволюции взглядов о данном уровне в различных общественных типах); интеллектуальный уровень, определяемый специфической системой ценностей, ориентированный на формирование творческих способностей личности.

Сформировавшаяся личность обладает всеми уровнями. Вероятно, что для достижения каждого последующего уровня необходимо достижение и прохождение предыдущих. Хотя этот вопрос может быть рассмотрен и с другой стороны: зрелая личность может иметь нерешенные материальные или семейные проблемы (по представлениям тех, у кого этот названный первым уровень является приоритетным). На разных этапах бытия человека рассмотренные ценности занимают разные места в их существовании, разные народы имеют несхожие приоритеты, так

²⁰ Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 42

же и эквивалентность изменяется по мере развития человека и цивилизации.

Наибольший интерес представляет социально-общественный уровень развития мира и его образований. Составными частями общества можно считать локусы²¹, этносы²², основные сферы общественной жизни²³, комплекс вещей, которые присутствуют в деятельности человека, социальных процессах, общественных идеях и «самых» индивидов²⁴, социальные роли и коллективы²⁵, социальные ценности²⁶, отдельные индивиды и социальные общности²⁷, социальные подсистемы²⁸.

При принятии решений в сложных системах применяются не только формальные модели. Например, при системном анализе предпочтение отдается сочетанию формальных и неформальных моделей, использованию методов усиления активности процессов интуиции и опыта субъектов, принимающих решения, носителей системы ценностей, которые должны и могут разрешить противоречия с учётом здравого смысла.

В. А. Жуков конкретизирует уровни развития человека и социума относительно общества²⁹. Им выделяется ситуативное пространство смыслов, при котором каждый субъект (или некая социальная общность, народ, регион, страна) дает ту или иную оценку Другому (другой группе субъектов) – инструментально, т. е. как средство для выполнения необходимых действий. Также В. А. Жуков говорит о социальном пространстве, где личность пытается ставить социально важные цели, в частности, достижение власти, служебного места, материального благосостояния. При этом общественные цели могут считаться вышестоящими относительно индивидуальных. Так, например, Р. Акофф и Ф. Эмери³⁰ обосновали модель общины или системы, которая стремится к идеалу и при которой отказ от локальных подцелей во

²¹ Розов Н. С. Структура социальной онтологии // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 6–12.

²² Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки СПб., 2001. 144 с.

²³ Барулин В. С. Социальная философия: учебник. М., 1993. С. 194.

²⁴ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление М., 1981. С. 21–23.

²⁵ Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 24–33.

²⁶ Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 33–41.

²⁷ Аглуллин И. А. Синергетическое представление социальных систем: концепция моделирования и управления // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции: в 4 т. Т. 2. / сост. В. Лещенко. М., 1996. С. 17.

²⁸ Кузнецова А. П. Показатели социальной системы // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции: в 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 28.

²⁹ Цит. по: Теория систем и системный анализ в управлении организациями: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. М., 2006. 848 с.

³⁰ Месарович М., Мако Д., Такахага И. Теория иерархических многоуровневых систем. М., 1973. 344 с.

имя достижения коллективной цели становится возможным. При анализе уровней развития человека и сообщества В. А. Жуковым рассматривается пространство культуры, характерной чертой которого считается то, что другой субъект (социальная группа) воспринимается в качестве партнёра по воспроизводству и развитию культуры. Всякий субъект уважает право на жизнь другого, все модели его поведения строятся с опорой на данное обстоятельство, отношения между субъектами (социальными группами) строятся на принципе взаимного дополнения, решения принимаются, исходя не из принципа большинства, а посредством взаимных отказов в пользу другого, совершаемых по собственному желанию, на базе диалога, исключая оценочное отношение к партнёру, а дающего право на ошибку. Пространство «вечных смыслов» В. А. Жуков характеризует как уровень, где другой индивид, народ, страна считаются уникальными, исключительными, существующими независимо от других творениями, самооценностью. Данное пространство характеризуется не только признанием права на существование других, но и интересом к Другому, к его системе ценностей, а также потребностью в их заимствовании, консолидации в совместных моделях.

Системный анализ, использующий совокупность методов и моделей на основе сформированной концепции в качестве формализованного представления объектов, методов активизации применения интуиции и опыта экспертов в разных научных областях, ориентирующих их на решение определенной задачи или проблемы, в последнее время принято считать прикладной теорией систем.

В современном научном мире имеются всевозможные направления системного анализа, которые занимаются применением теории систем в изучении различных областей. Применение системного анализа осуществляется среди прочего в стратегическом планировании, в управлении, в деятельности, направляющей и регулирующей общественные отношения в регионах, странах, принятии решений по некоторым видам деятельности при выявлении проблемных ситуаций в процессе функционирования социально-экономических объектов.

Исследование социальной реальности и ее элементов с позиции систем впервые было представлено В. Дильтеем³¹. В двадцатом веке данный подход получил широкое применение и общее признание в качестве инструмента анализа общества как в контексте общей теории систем, представителем которой является Л. фон Берталанфи, так и в многочисленных социологических концепциях, а именно в трудах Т. Парсонса, М. Вебера, П. Бергера и Т. Лукмана.

Системный анализ общества предполагает его рассмотрение в трех взаимосвязанных аспектах.

Первым из них следует назвать структурный аспект, задачей которого является выделение образующих общество частей и их классификация. Последняя должна учитывать наличие разных «этажей» структурного членения общества, к числу которых относится уровень подсистем (наиболее крупных частей, имеющих собственное разветвленное строение), уровень элементов (простейших частей, которые далее не делятся без утраты социального качества) и уровень компонентов (занимающих промежуточное положение между подсистемами и элементами).

Нужно сказать, что задача структурного анализа общества чрезвычайно сложна, поскольку изучаемый объект относится к особому, высшему классу систем с органическим типом целостности. Такие системы качественно отличны от более простых системных объектов.

В системах органического типа целое предшествует своим частям и создает их из себя и для себя. В результате части органических систем находятся в отношениях онтологической взаимоположенности (то есть не могут существовать независимо друг от друга и от системы в целом). Более того, эти части находятся в отношениях композиционного взаимопересечения, как это происходит, например, в обществе, где экономика, политика, искусство, спорт и прочее проникают друг в друга, затрудняя задачи структурного анализа.

Второй аспект системного анализа общества называется интегративным. Его задача – обнаружить устойчивые зависимости между разнообразными частями общественной системы, благодаря чему целостность общества, временно «умерщвленная» структурным анализом, вновь предстает перед исследователем. Различив,

³¹ Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / пер. с нем. под ред. В. А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004. 413 с.

например, субъект и объект, собственность и власть, производство вещей и производство духовных значений, исследователь должен задуматься о связях между этими элементами, компонентами и подсистемами общества, то есть обнаружить устойчивую связь и взаимовлияние между ними. Принципиально важно понять, какой характер имеют связи между частями общества – субординационный или координационный, то есть различаются ли эти части как «определяющие» и «определяемые», или они влияют друг на друга в равной мере.

Наконец, третий аспект системного анализа – динамический – применим только к таким целостным объектам, которые имеют потенцию имманентного изменения и развития. В случае с обществом задачей динамического анализа является установление причин, механизмов и форм его трансформации.

В XX в. появился особый метод анализа – структурализм, применяемый в философии и гуманитарных науках: лингвистике, семиотике, этнографии. Он основан на исследовании структуры изучаемого объекта, в котором выявляются составляющие элементы и подсистемы различного уровня, связи между элементами, подсистемами и всей системой в целом. Общим свойством структуралистских исследований в различных областях гуманитарного знания является понимание изучаемого объекта, главным образом как специфического языка или текста, «написанного» на данном языке, которые рассматриваются как некая система, имеющая внутреннюю структуру. И к этому языку или тексту применяются методы, разработанные в лингвистике.

Структурализм подходит к прогрессу и эволюционизму с позиции принципа релятивизма. С точки зрения представителей структурализма, существует не поступательное развитие социума, а фрагментарные и чаще всего обратимые трансформации (флуктуации) в рамках константной структуры. Исходя из этого, представители структурализма делают ключевое заключение: социальный логос является частным случаем некоторой более фундаментальной структуры, которая представляет собой вероятностное состояние. Социальный логос – это только один из вариантов более общей совокупности. Для лучшего постижения философии, культуры, права, политики нужно не только вычленивать и показывать логос, который управляет данной сферой и организует ее, но изучить почву, из которой он зарождается, и его корни. В

этих структурных корнях преобладает принцип синхронизма, постоянства, в самом крайнем случае – циклических колебаний.

Таким образом, наибольшую эвристическую ценность для нашего исследования имеет теория систем, структурно-системный подход, позволяющие проанализировать процесс конституирования социальной реальности, механизмы формирования концептуальной картины мира и отдельных элементов и представлений системного подхода, поскольку социальная реальность обладает системной природой.

1.2. Эволюция представлений о социальной реальности в истории социально-философской мысли в контексте системного анализа языка

Основополагающие аспекты социальной реальности неоднократно становились объектом изучения философии. Однако необходимо подчеркнуть, что различные подходы к социальной реальности довольно длительное время не были свободны от размышлений о социуме, общественных отношениях, государстве, социальном бытии. Трудности появились тогда, когда исследователи попытались эмпирические трактовки социальной реальности переместить на уровень рационального, рефлексивного анализа.

Полное описание социальной реальности через ее категориальное структурирование и организацию представляет собой трудноразрешимую задачу. С точки зрения классической науки социальная реальность рассматривается в качестве изначальной данности, то есть как объект. Объект – это философская категория, выражающая то, что существует в реальной действительности. Поэтому, говоря о социальной реальности, необходимо провести анализ ее взаимосвязи с категорией «реальность».

Дефиниции «реальность», «реальный», «реалистичный» в современной философской литературе являются, пожалуй, наиболее употребляемыми. Однако, по всей вероятности, это и наиболее многозначные, неотчетливые и трудно эксплицируемые концепты. Их содержание создается и в рамках классической теории, и в сфере рассудка. А, следовательно, им в одинаковой мере присущи черты философского понимания, научной аналитики и житейского утилитарного создания смысла. «Интуитивное и дискурсивное, теоретическое и практическое»³² задают неодинаковые контексты трактовки смысла для анализируемых понятий. Эти разнородные по своему составу содержания, порожденные разными предметными и проблемными полями, в исследовательской деятельности не встречаются порознь. Они неизменно сливаются друг с другом, деформируясь при этом и изменяя исходную целостность замысла и смысла.

³² Пржиленский В. И. Онтологический статус социальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук / 09.00.11. Пржиленский Владимир Игоревич. Ставрополь, 1999. 251 с.

Категория «реальность» характеризует такую особенность объектов как их истинное бытие – либо уже реализовавшееся, либо обладающее необходимой вероятностью стать подлинным явлением, чувственно воспринимаемым или осознаваемым человеком.

Можно согласиться с И. А. Терентьевым, который утверждает, что «категория реальность в качестве своего основания имеет эмпирический опыт людей и ограничивается языковыми формами фиксации этого опыта»³³.

В истории философской мысли за дефиницией «реальность» до настоящего времени не зафиксировано хотя бы в какой-то степени константных и универсальных смыслов, которые обособляли бы его от дефиниции «действительность». Проблема определения и использования понятия «реальность» детерминирована тем, что его употребление мыслителями было довольно частым, но произвольным, в зависимости от контекста, что позволяло трактовать его в качестве «нестромого» синонима понятия «действительность». Во многих европейских языках понятия «реальность» и «действительность» лексически трудно различимы. «Realis» в переводе с латинского означает «вещественный, действительный». В английском языке «reality» – реальность, действительность, факт, явь, данность. Близкое по значению «actuality» – действительность, реальность, актуальность, злободневность. Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель использовал понятие «wirklichkeit», что соответствует в русском языке словам «реальность», «действительность», «факт». В своей работе «Бытие и время» Мартин Хайдеггер оперирует понятием «realität», означающее в переводе с немецкого языка «реальность», «действительность». Аналог французского «réalité» – «действительность, реальность»; la réelle – «действительное».

Лексический анализ не позволяет четко разграничить понятия «реальность» и «действительность». В настоящее время, когда имеется описание множества различных реальностей, и на категориальный статус изъявляют притязание такие реальности, как виртуальная и актуальная, именно философский статус понятия «реальность» необходимо прояснить, выделить основополагающие варианты мыслимых в нем явлений. Только подобным образом можно разграничить смысл между реальностью и

³³ Терентьев И. А. Социальная реальность как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2007.

действительностью, показав основные логические и исторические принципы для вероятных моделей связи реальности и действительности. Определенный интерес представляет позиция С. Н. Оводовой, выделяющей следующие модели отношения этих категорий³⁴:

1) тождество, когда категории «реальность» и «действительность» используются в качестве синонимов. Вследствие этого все смыслы, раскрывающиеся в понятии «действительность», могут быть перенесены на понятие «реальность». В этом случае данные категории используются через запятую, что подчеркивает их равнозначность. Данный подход потенциально не эвристичен, поскольку не дает возможность зафиксировать границы понятий, они переходят друг в друга, утрачивая при этом свою особенность;

2) частичное совпадение, пересечение смыслов понятий «реальность» и «действительность». В основе лежит представление о том, что наличествует некоторая единая область смыслов, где понятия «реальность» и «действительность» переходят друг в друга, и существуют обособленные пространства смысла, где данные понятия имеют собственное значение. Подобная модель актуализирует различную трактовку реальности и действительности, при этом существенно то, что не исключается возможность перехода понятий друг в друга, и их самостоятельность является бесспорной;

3) подчинение, понятие «реальность» является более обширным по объему, чем «действительность», которое входит в него. Реальность трактуется как мир в целом, а действительность – как реальность, которая актуализируется в конкретное время в конкретном пространстве. В этом случае действительность противопоставляется возможности подобно тому, как актуальное – потенциальному, и корреспондируется с действием. Надо подчеркнуть, что необходимо разграничивать «действительное» и «действительность». В соотношении понятий «действие», «действительное» и «действительность» формируется смысловое поле, в рамках которого: действие трактуется как акт, действительное – как характеристика чего-либо в его связи с актуализацией, воплощением в жизнь, действительность же

³⁴ Оводова С. Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 101–104.

представляет собой совокупность частей реальности, то, что реализовано и зафиксировано в момент своей реализации. Действие не может продолжаться всегда, вследствие этого действительное имеет характеристики процессуальности, а действительность – фиксация этой процессуальности в ее пространственно-временных измерениях. Конечность действия – это то, что свидетельствует об отграничении действительности от целостного мира. В рассмотренной модели действительность не является всеобщей и всеобъемлющей, это не мир во всем его многообразии, это только фиксированная часть реальности, которая в этой модели представляет собой всесторонность мира, а, следовательно, она является фоном для реализации действительного и актуализации возможного;

4) обратное подчинение. Понятие «действительность» является более широким в отношении понятия «реальность» и включает его в себя. В онтологии действительность представляет собой подлинное настоящее, подлинное бытие, действительность первична и представляет собой основу для всего прочего. Подлинность действительности свидетельствует о том, что она противоположна иллюзорности, случайности и вероятности. В рамках данного подхода действительность соотносится с подлинным бытием, а реальность представляет собой только слепок, изготовленный с погрешностями, не идентичный истинной подлинной действительности. Реальность представляется вторичной, производной от действительности, и собственно, потому неподлинной. Действительность во всем ее многообразии невозможно познать, она проявляется через реальность. В реальности фиксируются существенные стороны бытия вещей, а действительность охватывает все разнообразные качественные характеристики этих вещей. Из этого следует вывод об относительности реальности: всевозможные проявления действительности порождают различные реальности. Многообразие реальностей сводимо к единой действительности, постижимой только опосредовано. С точки зрения такого подхода действительность корреспондирует с единым, а реальность – с множественным.

Проблема соотношения действительности и реальности опосредуется во многих философских вопросах: о первичности материального или идеального, о первоначале мира, о бытии, о

познаваемости мира, о едином и множественном. Уже в античности были представлены практически все принципиальные подходы, хотя и очень условно и не детализированно. Отсутствие четких формулировок этих понятий не исключает того, что в смысловом поле не существовали рассмотренные подходы. Напротив, посредством так называемого «упаковывания» некоторого объема смысла в определенное слово постепенно выкристаллизовывались понятия. «Коннотат перешел в денотат вследствие возникновения необходимого понятия, уместяющего в себе все нюансы коннотативного пространства»³⁵, – утверждает С. Н. Оводова.

Примером модели обратного подчинения категорий «реальность» и «действительность» может служить философия Парменида, который говорит о множественности реальностей (речь идет об умопостигаемой и чувственной реальностях)³⁶. Не менее существенное влияние на формирование данной модели оказал Демокрит, отрицающий познание действительности: «Ни о чем мы отчетливо не знаем, каково оно в действительности: действительность — в пучине»³⁷. Действительность человеку не доступна непосредственно, она дана ему в измененном смысле, только таком, каковым он представляется, а не таким, каков он есть на самом деле.

В своих сочинениях Платон выражает узловую точку зрения, позже оказавшую влияние на разграничение понятий «действительность» и «реальность». По мнению Платона, мир не является однородным, он разделяется на подлинный (мир идей), первичный и недоступный для познания, и неподлинный (мир теней). Деление мира на две части, одна из которых являет собой сущностную основу бытия, а вторая – явления, соответствует модели обратного подчинения в осмыслении реальности и действительности.

Учение Платона развивают в Средние века схоласты в постулируемом ими разделении мира на божественный и земной. Данная проблема связана с дискурсом реальности, проявившемся в известном споре об универсалиях. Реалисты стремились обосновать реальность идеального мира, истинность его бытия, аргументировать связь идеального мира с миром явлений и

³⁵ Оводова С. Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах. С. 101–104.

³⁶ Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев; Институт философии АН СССР. М.: Наука, 1989. 576 с.

³⁷ Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. С. 220

показать отображение в мире явлений (Граде земном) идеальной сущности (Града Божьего). Для мыслителей Средневековья понятие «бог» обладает реальностью, существованием, оно истинно и вместе с тем является первоосновой для прочего. Такой подход соответствует модели обратного подчинения действительности реальности.

Кроме того, в античной философии представлены и иные модели. Например, Аристотель в «Метафизике» изложил важное для модели подчинения осмысление действительности, описывая ее с точки зрения перехода возможного в действительное через его реализацию³⁸. Аристотель впервые в истории философской мысли обозначил связь действительного с действием, и действительность приобретает значение актуальности, активности. Надо отметить, что хотя Аристотель и не использовал понятие «реальность», но оказал существенное влияние на выработку иного постижения реальности (модель подчинения), что в дальнейшем нашло свое отражение в работах Ф. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля и К. Маркса.

Ф. Шеллинг разграничивает действительное и действительность. Действительное у него связано с опытом, чувственным познанием³⁹, а действительность осмысливается как ограниченная деятельность, корреспондирует с необходимостью, противопоставляясь при этом свободе⁴⁰. Причем для Ф. Шеллинга понятие «реальность» шире, чем понятие «действительность»: «Только *ограниченная* реальность есть для нас *действительность*»⁴¹. Такой подход, во-первых, характеризует модель подчинения (реальность содержит в себе действительность, действительное связано с действием, активностью), во-вторых, разграничивает реальную деятельность и идеальную. Деятельность в этом случае не ограничивается активным процессом лишь в мире явлений (модель частичного совпадения понятий). Реальность здесь характеризуется как нечто подлинно бытующее. Позиционируя что-то как реально существующее, исследователь тем самым определяет его в сферу непреложного. Действительность рассматривается в качестве необходимости, возникшей в результате актуализованной возможности. Вследствие этого формируется зона наложения

³⁸ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 234–245

³⁹ Шеллинг Ф. Философия откровения: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. А. Л. Пестова. СПб.: Наука, 2000. 699 с. С. 97

⁴⁰ Шеллинг Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 396

⁴¹ Там же. С.73

реальности на действительность, называемая реальной действительностью или действительной реальностью, в качестве которой выступает окружающий мир.

Позиции И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля по этому вопросу относятся к различным моделям, из представленной классификации. И. Кант в «Критике чистого разума»⁴², говоря о реальности, использует такие характеристики, как «абсолютная», «эмпирическая», «субъективная», «объективная». Употребление этих предикатов применительно к реальности дает возможность разграничить и типизировать реальность. Как антитеза реальности (имеющей градацию) действительность не имеет промежуточных этапов между безраздельностью подлинного существования и его отрицанием. Следовательно, реальность у И. Канта не тотальна, не однородна, не целостна, а релевантна. Другими словами, существует множество не единообразных реальностей. Имеются всесторонность реальности и ее отсутствие. У И. Канта, с одной стороны, реальность представляет собой категорию качества, с другой стороны, она корреспондирует с явлением. «Реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени)»⁴³, – утверждал немецкий философ. Реальность соотносится с феноменами, формируется субъектом⁴⁴. Таким образом, вне субъекта мир феноменов (реальность) не существует. Реальность представляет собой способ бытия человека во вселенной. Постигание мира совершается через явления, восприятие которых во многом определяется познавательными способностями человека, то есть реальность выстраивается им самим. Это концептуальное соотношение реальности и действительности имеет характер обратного подчинения, где существенным является положение о конструируемой реальности.

По Г. В. Ф. Гегелю, действительность определяется как «единство сущности и существования»⁴⁵. Философом выделяются абсолютная, формальная и реальная действительности. Формальная действительность детерминирует форму, вследствие этого она заключает непосредственно в-себе-бытие, или возможность⁴⁶.

⁴² Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2007. 736 с.

⁴³ Там же. С.161.

⁴⁴ Там же. С.80.

⁴⁵ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. 2-е изд. СПб.: Наука, 2005. С. 482.

⁴⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. С. 495.

Другими словами, формальная действительность делает потенциально вероятной реальную действительность. «Реальная действительность, как таковая, – это прежде всего вещь со многими свойствами, существующий мир; но она не то существование, которое растворяется в явлении, а как действительность она в то же время в-себе-бытие и рефлексия-в-себя; она сохраняется в многообразии простого существования; ее внешнее – это внутреннее отношение лишь к себе самой»⁴⁷. Г. В. Ф. Гегель утверждает, что действительность представляет собой, с одной стороны, деятельность действительность, актуализирующуюся в конкретное время в четко обозначенном пространстве (подчинение), и, с другой стороны, объективное расположение вещей в пространстве (обратное подчинение). Действительность является более широким понятием, в то время как реальная действительность является одним из проявлений этой самой действительности. Можно сказать, что реальная действительность представляет собой актуализирующуюся абсолютную действительность.

В трудах немецких философов И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля не только используются в определенном смысле понятия «реальность» и «действительность», но и имеются конкретные модели их взаимосвязи, направленные на конкретную цель: у И. Канта – критику разума, у Г. В. Ф. Гегеля – абсолютный идеализм.

Очевидно, что особенно значимой для более глубокого осмысления и интерпретации реальности стала материалистическая традиция марксизма. К. Маркс и его последователи уверенно заявляли о существовании объективной реальности (материальной) и субъективной реальности (духовной), отождествляемой, как правило, с сознанием и его функционированием.

В дальнейшем проблема интерпретации понятия «реальность» получила свое развитие в философии Новейшего времени.

Метафизика, развиваемая в работах представителей аналитической философии (аналитической метафизики) Б. Рассела, У. В. О. Куайна, П. Стросона, Р. Чизома, У. Селларса, Н. Прайора⁴⁸, знаменует собой новый период в развитии данной области

⁴⁷ Там же. С. 499.

⁴⁸ Рассел Б. История Западной философии и ее связи с социальными условиями от античности до наших дней. Изд-е 3-е испр. Новосибирск: Сибирское университетское издательство новосибирского университета, 2001. 954 с.

философских исследований. Так, согласно принципам аналитической философии, задача метафизики заключается в поисках решения проблемы содержания и структуры реальности.

Представители данного направления предлагали и новый метод. Утверждая, что философы не имеют особых способностей (будь то интеллектуальная интуиция или мистическое чувство), которые давали бы им доступ к пониманию бытия; они предложили единственно возможный инструмент, которым они могут воспользоваться при рассмотрении любых философских вопросов, в том числе метафизических, – это анализ языка. Лишь детально изучая те или иные суждения или высказывания о мире, которые считаются истинными, можно составить представление о том, какие объекты и сущности имеют реальное бытие. За таким пониманием вопроса стоит убеждение в том, что наиболее общие черты реальности отражены в общей структуре языка и могут быть раскрыты в процессе ее тщательного анализа. Аналитическая метафизика подвергается влиянию «лингвистического поворота» в той же мере, как и все другие области исследования в аналитической философии.

Однако существует вероятность, что, рассматривая реальность сквозь «призму» языка, исследователь вынужден быть обреченным на то, чтобы иметь дело исключительно с миром, первоначально созданным и оформленным концептуальной схемой этого языка. Вследствие этого вопрос о том, что представляет собой реальность сама по себе, независимо от того, какой язык используется для ее описания, попросту теряет смысл. Вопрос взаимосвязи языка и реальности стал главным для аналитической метафизики, так как в его решении состояло оправдание самой этой метафизики.

Представляя собой произведение человека, язык является весьма многогранным и сложным феноменом, выражающимся в большом разнообразии конфигураций. Надо отметить, что человечество имеет множество примеров создания новых языков в различных сферах: в науке, искусстве, технологиях. Языковой призматический анализ реальности неминуемо ведет тому, что образы мира множатся, как в калейдоскопе, и тем самым порождают огромное многообразие реалистических концепций.

Ключевая черта моделей соотношения языка и реальности, сформированных на первом этапе в рамках аналитической философии, заключается в том, что на них преимущественно

оказали воздействие идеи немецкого математика, логика и философа Готлоба Фреге. Построенная им теория новой логики, формально-логического языка и логической семантики определила особенности анализа отношений между языком и теми объектами и явлениями, для изображения которых этот язык используется. В различных вариациях такой анализ делали попытку осуществить Б. Рассел, Л. Витгенштейн и Р. Карнап⁴⁹. Данный подход, по их мнению, имеет неоспоримое преимущество в том, что вследствие ясности логической структуры формального языка и конкретности его правил связи между языковыми единицами и частями структуры мира, которые они описывают, становятся вполне обозримыми. В естественных языках, сформировавшихся стихийно в процессе эволюции под влиянием разных обстоятельств, эти связи не всегда очевидны из-за случайных зависимостей, но при переводе выражений этих языков на логически безупречный язык возникает вероятность раскрытия их онтологических оснований.

Г. Фреге создал концепцию смысла и значения, представляющую собой квинтэссенцию его логической семантики и позволяющую связать посредством знаков языка конкретные и абстрактные вещи. В целом в его концепции связь между языком и внеязыковой реальностью – это простая рефлексия множества слов на множество предметов (математическая интерпретация), поэтому является прямой, конвенциональной и не требующей обоснования. Г. Фреге говорит об использовании готовой системы «язык – мир»⁵⁰. Предложенные им «денотативная» семантика и концепция языка изменили суждения о языке и стали теми факторами, которые обусловили «лингвистический поворот» в философии XX века. По мнению В. И. Пржиленского, лингвистический поворот дал возможность снять концептуальные противоречия между уникальным – универсальным, внешним – внутренним, каузальным – телеологическим⁵¹.

Б. Рассел стал одним из ранних последователей Г. Фреге, используя его концепцию, представив в своем логическом атомизме язык как отображение структуры реальности. Он остановил свой выбор на двухуровневой семантике (знак –

49 Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001. 111с.; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.; Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 387 с.

⁵⁰ Фреге Г. Логические исследования: научное издание. Томск: Водолей, 1997. 127 с.

⁵¹ Пржиленский В. И. Указ. соч.

значение) взамен трехуровневой (знак – смысл – значение). Это выражается в том, что эталоном и квинтэссенцией языка для Б. Рассела является экстенциональный язык с жестко построенной структурой. Кроме того, для языка им выделяется его единственно необходимая функция – репрезентировать внеязыковую сферу. Б. Расселом отношение между именем и его референтом позиционируется как простое и единообразное, а значением имени является некоторая сущность. Такой подход основывается на положении о существовании одного-единственного языка, которому противостоит один-единственный мир. Главная роль в обнаружении простейших элементов реальности отводится логическому анализу языка.

В логическом атомизме Л. Витгенштейна прослеживается очевидное выражение онтологические следствия применения экстенционального языка как образа мира. Самостоятельность атомарных фактов, присутствие в реальности исключительно логической необходимости, – все это характеристики мира, зависящего от принципов экстенциональной логики. Однако, имея логические принципы организации, язык интерпретируется автором «Логико-философского трактата» одновременно и в априористском духе – как нечто такое, что определяет пределы и структуру мира, и рассматривается универсалистски – как тот единственный язык, который является «картиной» одного-единственного мира. Вследствие этого, нарушение границ такого языка невозможно, а потому неосуществимо и описание отношений между языком и миром средствами этого языка.

У Л. Витгенштейна, Дж. Остина и других представителей лингвистического позитивизма понятию «реальность» приписывается ряд разных смыслов («обычный», «естественный», «живой») ⁵². Л. Витгенштейн описывает мир «Я» и утверждает то, что пределы нашего языка обуславливают границы нашего мира, нашей реальности. В основе философии Л. Витгенштейна – стремление увязать реальность и логику посредством достижения абсолютной прозрачности и однозначности языка. Согласно Л. Витгенштейну, реальный мир представляет собой явления и вещи, которые не всегда имеют возможность точного описания ⁵³.

⁵² Аналитическая философия: Избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 191 с.

⁵³ Витгенштейн Л. Указ. соч.

Представители логического позитивизма не приняли теорию Л. Витгенштейна о том, что язык только «изображает», но не проецирует единую для него и мира логическую форму. Ими было предложено другое понимание взаимосвязи языка и мира, которое нашло наиболее глубокое и четкое описание в теории языковых каркасов, разработанной Р. Карнапом. По мнению Р. Карнапа⁵⁴, языковой каркас, который состоит из аналитических и априорных истин, отображающих конкретные установки (определяющие, например, что считать подлинным или недействительным, верным или ошибочным, наличествующим или отсутствующим), закрепляет только формальные, структурные аспекты системы знания и дает ей концептуальную силу. Карнап предложил четко разграничивать внутренние и внешние аспекты существования и признавать познавательную важность лишь за первыми. Здесь имеет место подмена вопроса о связи языка и реальности вопросом об отношениях между языком и «проецируемой» этим языком онтологией. Вместе с отстаиваемой свободой выбора языкового каркаса (принципом терпимости) эта подмена обозначает, что наука о бытии как таковом, обладающая относительным характером, начинает иметь прямую языковую зависимость. То, какой именно языковой каркас мы выбираем, показывает лишь тот факт, что нам оказалось комфортно или полезно для конкретных целей применять именно этот каркас. Таким образом, мы не имеем представления о том, каким образом определяется и определяется ли вообще наше предпочтение в выборе языкового каркаса внеязыковой реальностью. В итоге эта неязыковая реальность трансформируется в ноуменальный мир, превращающийся в бесполезное «допущение», с которым мы не имеем возможности строить когнитивные отношения. Дискуссия между реалистами и их оппонентами заключается в выяснении того, какой именно язык лучше выбрать – язык материальных вещей или язык чувственных данных.

Основополагающими позициями теории Карнапа является то, что он отступил от твердого суждения «универсального» языка и логики, проникающей повсеместно и, кроме того, в его толковании значения обозначилась направленность во взглядах от семантического атомизма к холизму, когда не значение частей

⁵⁴ Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 387 с.

детерминирует смысл целого, а значение целого устанавливает с точностью смысл частей.

Характерная отличительная особенность модели зависимости между языком и реальностью, представленной У. В. О. Куайном⁵⁵, обуславливается общими позициями его философской системы, такими как сциентизм, эмпиризм и бихевиоризм, однако немалое значение здесь имела принадлежность его взглядов семантическому и эпистемологическому холизму. В результате перехода ученого на холистские убеждения связь между языком и реальностью для него перестает быть простой и прозрачной, что в итоге воздействует на истолкование и обоснование реализма.

В качестве важных аспектов исследования П. Стросона⁵⁶ необходимо отметить тот факт, что он видит неполным изучение определенных способов словоупотребления и обращает свой взор к рассмотрению базовой или «глубинной» структуры языка, под которой подразумевает обширное и стабильное «ядро человеческого мышления». Тем не менее, вопрос о правомерности оснований выделения этого ядра так и остался нерешенным. Из вышесказанного становится очевидным, что П. Стросон, по сути, вообще не дифференцирует структуру языка и структуру мира; они воспринимаются им как нечто изначально единое целое, как некий скелет или остов, который служит неотъемлемым фундаментом общения для участвующих в коммуникации людей. Таким образом, П. Стросон не задумывается о соотношении элементов концептуальной схемы и элементов мира, а представления о референции и истине, которые у ранее рассмотренных философов закрепляли эту взаимосвязь, в его модели «язык – мир» приобретают другое назначение.

В неклассической науке закрепляются принципы относительности и дополнительности, что дает возможность признания существования множественных подходов. Такая позиция усиливается пониманием того, что человек не только отражает мир, но и преобразовывает его. Действительность не конституируема человеком, а представлена ему во всей своей всесторонности. Однако такая всесторонность человеком не воспринимается в полном объеме, поэтому реальность, творимая

⁵⁵ Куайн У. В. О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII / пер. с англ. Е. В. Падучевой. М., 1982. С. 87–109.

⁵⁶ Стросон П. Ф. Референция и определенные дескрипции. М.: Языки русской культуры, 1999. 244 с.

человеком, корреспондирует с действительностью, но не отражает ее всецело. Реальность может быть смоделирована, сконструирована и создана – такое представление о реальности (обратное подчинение) становится наиболее распространенным в неклассической и постнеклассической философии.

Например, эта точка зрения свойственна не только неокантианцам, но и представителям философии постмодерна, где признается утопичность овладения единой истиной, истина относительна. Всякая истина увязана с определенной реальностью, в границах которой истина неоспорима. Вариативность реальностей формирует потенциально возможные модели освоения действительности. Истолкование, различным образом комбинирование выделенных прежде в рамках структурализма и семиотики элементов реальностей дали возможность создавать из них новые реальности. В результате усложнения знаково-символьной части реальность все больше отделяется от действительности, что было отмечено Ж. Бодрийяром, активно использующим понятие «симулякр»⁵⁷. Ж. Бодрийяр, говоря о современном мире, характеризует его как истерию производства и воспроизводства реального, проводит связь между симуляцией и симулякром. Симулякр подменяет представление в том случае, если оно, отражая глубинную реальность, видоизменяет ее, скрывает ее наличие или отсутствие, либо принципиально не соотносимо с реальностью. Современный постмодернизм разграничивает копию и симулякр, источником которого является концепт, создающий впечатления и чувственные образы, не представляющие что-то внешнее, а симулирующие идею. Сам Ж. Бодрийяр позиционирует себя нигилистом транспарентности, отвергающим все знаково-символьные формы культуры. Он считает, что «нет больше надежды для смысла».⁵⁸ По мнению Ж. Ф. Лиотара, «надлежит не поставлять реальность, но изобретать намеки на то мыслимое, которое не может быть представлено. И решение этой задачи не дает повода ожидать ни малейшего примирения между различными «языковыми играми»⁵⁹, творящими симулякры, симулякры симулякром и т. д.

Таким образом, та реальность, которая окружает человека, ставится под сомнение. Вымысел же становится в какой-то степени

⁵⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

⁵⁸ Baudrillard. Simulacres et simulation. P., 1981. P. 236

⁵⁹ Лиотар Ж. Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // AdMarginem. Ежегодник-93. М., 1994. С. 307–323.

реальным, поскольку он конструирует собственную непротиворечивую реальность. Игра с гранью между реальностью и ее иллюзорным представлением делает равнозначными текст и реальность. Понятие текста становится всеобъемлющим и включает в себя и реальность, и культуру. Аксиомой в постмодернизме становится утверждение, что все есть текст. Текст представляет собой связанное смысловое полотно (от лат. *textus* – ткань, сплетение), поэтому все состоит из знаков, связанных между собой и образующих эфемерный рисунок реальности. Реальность в постмодернизме субъективна, это не данность – она творима, а потому условна, конвенциональна, трансформируема, изменяема, знаки могут иметь другой порядок связи. Поэтому пропадает чувство реальности, водораздел между реальностью и иллюзией представляется не в такой степени очевидным. Становятся актуальными вопросы о сущности реальности, ее границах, о реальности, в которой находится человек. Реальность делится на множество подвидов: субъективная, объективная, социальная, культурная, актуальная, виртуальная. Все это делает размытыми границы реальности, вследствие этого содержание понятия «реальность» нелегко определить.

Выделение именно социальной реальности из комплекса представлений о мире совершалось крайне медленно и неравномерно. Социальный мир, который отличается и от природы, и от божественной реальности, осознавался не всецело, а частично, и только к концу девятнадцатого века сложилось сравнительно устойчивое представление о социальном мире как о своеобразной и автономной сущности. Трудности, которые связаны с концептуализацией социальной реальности, были и на терминологическом уровне. В латинском языке довольно часто употреблялся корень «*socio*» – «соединять, объединять» и производные от него слова: «*sociabilis*» – «общительный», «*socialis*» – «товарищеский», «*societas*» – «общность, союз», «*socius*» – «общий, сообщник». В европейской культуре производные от данного корня сравнительно широко начали использоваться только во второй половине восемнадцатого века в значении «общество». Это более общее понятие, чем существовавший в эпоху Нового времени латинский термин «*civitas*», под которым имелось в виду прежде всего то явление, которое сегодня называется «гражданским обществом». Производные от «*socio*» применяются в

нынешних европейских языках в значении «общество», тем не менее и в этом случае «общество», как правило, остается сравнительно узким понятием, имеющим отношение только к одному из элементов социального.

Лишь конец девятнадцатого века в рамках деления «наук о природе» и «наук о духе» положил начало активным поискам термина, тождественного всему «человеческому миру».

В. Дильтей первым в качестве такого термина применил понятие «социальная реальность»⁶⁰. В двадцатом веке этот термин приобрел широкое признание благодаря трудам таких представителей феноменологического направления в социологии, как А. Шюц⁶¹, П. Бергер, Т. Лукман⁶² и других. Но, с точки зрения лингвистической практики, термин «социальная реальность» («общественная действительность») не вполне удобен в использовании. Вследствие этого для обозначения всей социальной реальности порой применяются термины «общество» или «культура», но и в этом случае появляются некоторые терминологические проблемы.

Говоря о социальной реальности, А. Шюц отмечал, что она включает в себе и веру и убеждения, являющиеся реальными и ускользающими от эмпирического наблюдения, в силу того, что таковыми их считают люди. Так, например, он говорит о том, что в 1692–1693 гг. магия была частью социальной реальности жителей новоанглийского города Салем, ставшим известным в истории из-за судебного процесса (охота на ведьм). Это, утверждает А. Шюц, должно стать «предметом изучения для общественной науки»⁶³. Далее такой подход получил развитие в произведении П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»⁶⁴. Как отмечают его авторы, ключ к осознанию особенности социологического подхода к определению «реальности» – это использование кавычек. Любой индивид и любая социальная группа располагают своими собственными представлениями о том, что собственно такое реальность («существует на самом деле»). Потому при использовании понятия «реальность» неизменно подразумевается социальная, культурная и индивидуальная

⁶⁰ Дильтей В. Указ. соч.

⁶¹ Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др.; сост.: Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1055 с.

⁶² Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 249 p.

⁶³ Шюц А. Указ. соч.

⁶⁴ Berger P. L., Luckmann T. Op. cit.

относительность этого. Следовательно, такой подход к «реальности» обусловлен исследовательской дистанцией: объектом является не реальность, а представления о ней.

Исследуя «реальность» в целом и «социальную реальность» в частности, целесообразно применять представления, выработанные в рамках системного подхода. Впервые анализ социальной реальности и ее составляющих как систем был осуществлен В. Дильтеем⁶⁵. В двадцатом веке этот подход стал очень востребован в рамках общей теории систем и во всевозможных социологических теориях, в основном в трудах М. Вебера⁶⁶, Т. Парсонса⁶⁷, П. Бергера и Т. Лукмана⁶⁸. В настоящее время это один из общепризнанных инструментов рассмотрения социума.

В контексте этого социальную реальность можно показать как систему, заключающую в себе три подсистемы: 1) личность (включающую мыслительную и поведенческую сторону бытия человека); 2) собственно социальную подсистему и 3) культуру. Необходимо отметить, что существует терминологическая проблема, связанная с разграничением теории и ее практического применения: в английском, как, впрочем, и в русском языке, нельзя использовать термины «социальная реальность» и «социальный мир» во множественном числе. Благодаря категории «социальная реальность» разнообразие социальных явлений получает целостность, определяемую единой природой социального и реализмом социальных явлений. Социальная реальность определяет специфику существования общественных явлений. Она представляет собой объективное явление, отражающее реализм явлений, рожденных и воспроизводимых в обществе.

Социальная действительность – это более узкое понятие, которое обычно связано с четко обозначенным, определенным местом, временем, историческим периодом, этапом общественного развития, конкретными социальными действиями людей, то есть с важным, существенным в данный момент проявлением объекта в определенных обстоятельствах.

Принцип двойного структурирования социальной действительности достаточно ярко представлен в теории «конструктивистского структурализма» П. Бурдьё, отражающей

⁶⁵ Дильтей В. Указ. соч..

⁶⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003. 220 с.

⁶⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект. 2000. 880 с.

⁶⁸ Berger P. L., Luckmann T. Op. cit.

эпистемологический принцип дополнительности⁶⁹. Здесь используется реляционная модель социальной действительности, согласно которой все отношения, имеющиеся в социальном мире являются субъект-объектными, то есть не интерсубъективными, но «не зависящими от воли и сознания индивида» социальными отношениями. Подобно Э. Гидденсу, П. Бурдьё полагает, что «нужно избегать реализма структуры, к которому неизбежно ведет объективизм», который недооценивает людской «первичный (чувственный) опыт». В то же время, утверждает он, «нельзя также впадать в субъективизм, не способный объяснить закономерность социального мира». Антитезой этих подходов, по его мнению, должен быть интегрализм структур и склонность индивидов к действиям⁷⁰.

Социальная возможность – это возможное, вероятное социальное бытие. Социальная возможность и социальная действительность дают характеристику обществу с позиции выявления определенных признаков и форм в процессе его трансформации, формирования.

В классической концепции общества ключевое отличие социальной реальности от других видов реальности (например, физической или биологической) проявляется в совершенном отсутствии в ее структуре объектов, которые имели бы предельный бытийный статус. Все ее компоненты (структуры, институты, процессы) не обладают вещными характеристиками, не наличествуют в физическом пространстве и времени. Над физической реальностью, представляющей первоначало бытия, надстраивается социальная. В современных теориях мыслители отказываются от четкого разграничения универсума и социума, отмечая, что «социальная реальность объективизируется, а физическая реальность социализируется»⁷¹.

По мнению В. И. Пржиленского, социальная реальность становится предельной, или первичной, реальностью для всех прочих реальностей, включая и те, которые связаны с экзистенциальным бытием. Он считает, что «социальная реальность, конституируемая языком и конституирующая язык, производится и воспроизводится практиками агентов-акторов. В то

⁶⁹ Бурдьё П. Начала / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

⁷⁰ Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. т.1. Вып.2. С. 137–151.

⁷¹ Пржиленский В. И. Указ. соч.

же время она является *causa sui*, т. е. причиной самой себя, ибо сама же и порождает агентов-акторов»⁷².

Итак, в результате произошедших в XX в. «антропологического», «лингвистического» и «коммуникационного» «поворотов» в социальной философии трактовка «социальной реальности» претерпела весьма значительные изменения.

Можно сказать, что социальная реальность трактуется, с одной стороны, как действительность социального мира, имеющиеся в действительности социальные объекты, процессы и явления, существование и сущность которых конструируется и воссоздается социокультурными образцами. С другой стороны, социальная реальность интерпретируется как мир конкретного социального субъекта, а также вещи, отношения и сущности, по природе своей субъективные, отвечающие ожиданиям того или иного субъекта. Культура – это общий показатель социальной реальности. Особенную роль при этом играет система социальных норм жизнедеятельности, ценностей, традиции и обычаи, язык, характер коммуникаций, стандарты поведения, предметы материальной культуры. В современной социокультурной среде о социальной реальности можно говорить не иначе как о структуре, не сводимой лишь к индивидуальному сознанию формирующего ее человека, но и как внешней по отношению к сознанию субъектов структуре, о внешней реальности, как о своеобразном мире, задающем рамки и исполняющий определенный контроль над самими индивидами.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно отметить, что понятия «социальная возможность» и «социальная действительность» характеризуют изменчивую часть социума с позиции выявления определенных признаков и форм в процессе его трансформации и формирования.

Понятие «социальная реальность» – объективное явление, отражающее реализм явлений, рожденных и воспроизводимых в обществе; отраженное в константах культуры, конституируемое языком и конституирующее язык. Социальная реальность представляет собой целостность, объединяющую в себе три части: 1) личность (включающую мыслительную и поведенческую сторону

⁷² Там же.

бытия человека); 2) собственно социальную подсистему и 3) культуру.

Представляется возможным определить социальную реальность как открытую, динамичную, высокоорганизованную целостность, включающую инвариантную и вариативную части, объединяющую в себе личность, собственно социальную подсистему и культуру, отражающую в константах культуры и в языке специфику существования социальных явлений.

1.3. Роль и место языка в системном конституировании социальной реальности

Семантическая коммуникация представляет собой знаково-символьную сущность, систему знаков и их связей, через которую координируются ценностно-смысловые формы и структурируются уже имеющиеся или снова появляющиеся представления, образы, воззрения и иные смысловые конструкции. Ключевая роль в семантической коммуникации отводится языку. В настоящее время проблема языка является одной из важных актуальных проблем философского познания. Это связано с тем, что язык – социальное явление, он возникает, функционирует, эволюционирует в обществе, отображает в своем развитии общественные процессы, испытывает воздействие социальных факторов. Язык в социуме реализует такие важные функции, как коммуникативная, когнитивная, номинативная и аккумулятивная.

На протяжении всей истории развития социально-философской мысли теорию языка разрабатывали виднейшие ученые, философы и лингвисты. Язык представляет собой первооснову жизни человека, не только «дом бытия» индивида (М. Хайдеггер), но и его способ бытия, предпосылку развития мышления, инструмент социализации и этнической самоидентификации, ключевое средство коммуникации. Язык создает человека и социум, охватывая фундаментальные области человеческой деятельности – культурную, интеллектуальную, социальную.

В развитии учения о языковой системе важное значение имеют работы, в которых раскрывается роль связей в языке, выделяются наиболее общие типы языковых знаков, таких как фонема, морфема, графема, синтагма (И. А. Бодуэн де Куртенэ)⁷³, а также труды о языковом знаке и языке как системе (Ф. де Соссюр)⁷⁴.

Являясь социальным образованием, язык на протяжении многих лет представляет собой явление, к которому не иссякает интерес у исследователей самых различных научных направлений. Социальные взаимодействия людей являются именно той основой общества, которую можно еще характеризовать как социальную

⁷³ См.: Бодуэн де Куртенэ И. Э. Очерки истории языкознания или лингвистики (глоттологии) // Теория и история языкознания. М., 1974. Вып. 2, С. 36–45.

⁷⁴ См.: Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 280 с.

активность. Данное взаимодействие и является источником всех социальных образований, которые реально живут и действуют в обществе. Являясь социальным феноменом, язык появляется в результате социальной деятельности, в ней работает и функционирует. Это делает необходимым рассмотрение языка в его взаимосвязи с социальной реальностью через призму социальной деятельности с точки зрения социальной философии.

В России в 70-х гг. XIX в Ф. Ф. Фортунатов начал проводить исследования истории языка в тесной взаимосвязи с историей народа. Основоположник Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов указывал на примеры из истории народа, без которых не представляется возможным осмыслить факты деления и схождения разных языков, существования диалектов и языковых контактов.

В своей книге «Язык и революция», вышедшей 1894 году, французский ученый Поль Лафарг рассматривал влияние Великой французской революции на национальный язык. «Язык не может быть отделен от своей социальной среды»⁷⁵, – утверждал он. А. Соммерфельт в работе «Язык и общество» отмечает, что определенный тип человеческого мышления, общественный уклад и разновидность языка связаны между собой.⁷⁶

Социолингвистика представляет собой, пожалуй, одну из самых продуктивных дисциплин, исследующих механизмы языкового взаимодействия. Французский лингвист Антуан Мейе стоял у истоков исследования социальной природы языка⁷⁷. Его утверждение о том, что «язык – явление в высшей степени социальное», стало ключевым для сторонников социологического направления его философии. Имя Антуана Мейе в языкознании обычно относят к французской социологической школе. Социологическое языкознание объединяет в себе течения, школы и некоторые концепции, рассматривающие язык прежде всего как средство человеческой коммуникации, имеющее непосредственное отношение к их общественному статусу, сфере деятельности, образованию, и лишь затем как орудие мышления и как способ выявления эмоций. Социологическая концепция языка делает

⁷⁵ Лафарг П. Язык и революция: Французский язык до и после революции. (Lalanguefrancaiseavantetapreslarevolution) / пер. с фр. Т. Фалькович и Е. Шишмаревой; под ред. и со вступ. ст. В. Гоффеншефера «Лафарг и проблемы языка». М. – Л.: «Academia», 1930. 100 с.

⁷⁶ См.: Соммерфельт А. Язык и общество. М.: Просвещение, 1938. 371 с.

⁷⁷ Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 7ed., 1965. 282 p.

акцент на коммуникативную функцию языка, одновременно признавая его системность и знаковую природу его единиц. Социологическое языкознание рассматривает и применяет результаты исследований в области социальной философии, психологии, социологии и структурной антропологии, современной социолингвистике, антропологической лингвистике, этнолингвистике. Антуан Мейе обращается к философии О. Конта, Э. Дюркгейма, Б. Кроче. Он стремится трактовать большинство языковых явлений с позиции социального подхода, объясняя причины языковых изменений исключительно трансформациями в обществе, использующем данный язык, и позиционируя нацию как «волю к единству». Мейе говорит о социальной дробности языка и наделяет каждую социальную группу специфическими интеллектуальными способностями, а семантические изменения слов объясняет их перемещением, например, из узкой социальной группы в более широкую или наоборот. Заимствования из языка в язык или из диалекта в диалект признаются им одной из значительных причин языкового развития, акцентируется внимание на смешении языков в их эволюционировании. Дифференциация языков, по его мнению, является следствием расселения народов, а унификация (интеграция) объясняется завоеваниями. Социальная обусловленность также проявляется в звуковых трансформациях, возникающих вследствие соответствия языковой системе и общим тенденциям развития, предполагающим лучшее удовлетворение потребностей данного общества.

Анализ языка как социального феномена базируется не только на трудах А. Мейе, но и классиков исследования языка в социальном контексте: И. Гердера, Ф. Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртене, О. Конта, Э. Дюркгейма, Ф. де Соссюра, М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, Э. Сепира, Ж. Вандриеса, Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, В. М. Жирмунского, Б. Гавранека, Дж. Фишмана⁷⁸.

⁷⁸ Herder J.G. Herders Samtliche Werke. Bd. 13 / Hrsg. von Bernhard Suphan, J.G. Herder. Weidmann, 1887. 485 p.; Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.; Бодуэн де Куртене И. Э. Очерки истории языкознания или лингвистики (глоттологии) // Теория и история языкознания. М., 1974. Вып. 2, С. 36–45.; Comte A. Systeme de Politique Positive, OuTraite De Sociologie, Institutant La Religion De L'humanite: Vol. 1–4. 1851–1854.; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: М., 1995. 352 с.; Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 280 с.; Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 159–206.; Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929. 188 с.; Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А. Е. Кибрика. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 2002. 656 с.; Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю / пер. с фр. Ж. Вандриес, проф. Парижского

Так, И. Гердер считал, что язык является не просто инструментом разума, но и связующим звеном от человека к человеку, «великим организатором людей». По мнению Гердера, развиваясь во взаимодействии с мышлением, именно язык имел огромное значение в становлении общества. Наряду с языком важными средствами общения людей и их развития являются наука, ремесло, искусство⁷⁹.

Логически оправданное, подробное, детальное научное рассмотрение языка, происходившее в XIX в., привело к тому, что к середине XX в. вследствие укоренения в науке системного подхода произошло его определение в самостоятельную теорию. В лингвистике противоречивое отношение к системному подходу выразилось в том, что, с одной стороны, многие исследователи выражали ему полную поддержку, что стало причиной появления лингвистического структурализма, основоположником которого считается Фердинанд де Соссюр, а с другой, наблюдалось полное неприятие, выражающееся в позиции сторонников так называемого традиционного языкознания отстоять исторический метод, по их разумению, несовместимый с системным подходом. Методологический аппарат структурной лингвистики дал объяснение целому комплексу противоречивых понятий, что стало причиной возникновения отдельного вектора в философии и научной методологии XX века структурализма и позднее постструктурализма. Во главе угла структурализма находится концепция того, что возможно познать мир и найти доступ к нему именно через язык. Благодаря последователям структурализма было выявлено, что язык соединяет интеллектуальную область с мышлением, со сферой конкретных, ощущаемых реальностей⁸⁰. Иначе говоря, тело и дух связываются посредством языка. По мнению структурных лингвистов, язык обладает особым рода независимостью. Всякие явления действительности, факты, обстоятельства, события, предметы, любое нечто, принадлежащее миру людей, может проникать в язык, достигая с ним однородности

ун-та; примеч. П. С. Кузнецова; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 410 с.; Якубинский Л. П. О диалогической речи // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук, 1933. С. 17–58.; Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.: Наука, 1964. 316 с.; Гавранек Б. О проблематике смешения языков // Новое в лингвистике: Сб. науч. тр. М., 1972. С. 94–111.; Fishman J. A., Solano F. R. Cross-Polity Linguistic Homogeneity and Per-Capita Cross National Product: An Empirical Exploration // Language Problems and Language Planning. 1989. № 13. P. 103–118.

⁷⁹ Цит. по: Гулыга А. В. Гердер. М.: Мысль, 1963. 198 с.

⁸⁰ Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 280 с.

и быть извлеченным из мира телесности путем приобретения имени. Наряду с данным явлением происходит влияние духа на плоть так же посредством языка. Структурными лингвистами впервые была выдвинута идея того, что вещь растворяется в слове, а слово утверждает вещь. Возникла гипотеза Сепира – Уорфа о том, что «формирование мыслей – это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других – весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании»⁸¹. Структуралисты считают систему языка четко оформленной, статичной, с жесткими границами, строго обусловленной, не допускающей двоякого толкования. В соответствии с системным подходом язык рассматривается с позиции анализа сущностных характеристик языковых процессов в векторе глубокой смысловой дифференциации «элементов» и «единиц» языка как части и целого. Языковые элементы языка являются структурными составляющими единиц языка и не обладают независимостью, поскольку отображают только некоторые свойства системы языка, а единицы языка имеют все свойства языковой системы и, являясь неделимыми образованиями, имеют относительную онтологическую и функциональную самостоятельность, образуя первый системообразующий фактор. Понятия «система» и «структура» в языковедении часто отождествляются, однако следует учитывать некоторые разграничивающие их факторы. Система представляет собой, по сути, язык в целом, так как он характеризуется иерархически организованной совокупностью языковых элементов, имеющих относительно жесткие структурные связи, структура же – это строение системы. Иначе говоря, системность – это признак языка, а структурность – это не что иное, как свойство языковой системы,

⁸¹ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. М. – СПб: Terra Fantastica, 2003. С. 102.

«структура языка – это комплекс отношений, связывающих элементы в системы»⁸².

Любая единица языка, являясь элементом системы, не обладает качествами деления в рамках определенного уровня членения текста, она противопоставлена другими единицами подсистемы языка, соответствующей данному уровню, и может быть разложима на единицы низшего уровня. По критерию делимости различают следующие единицы языка: простые (абсолютно неделимые, например морфема как значимая единица или фонема) и сложные (делимые, однако деление обязательно обнаруживает единицы низшего языкового уровня). Совокупности языковых единиц образуют уровни языковой системы. Менее сложные единицы низших уровней языка входят в единицы высших уровней, образуя иерархические отношения. Между единицами одного уровня языка возможны парадигматические и синтагматические отношения.

Можно говорить о двух осях, образующих языковую структуру. Горизонтальная ось представляет собой синтагматические отношения, т. е. все типы отношений между синтагмами языка в языковой цепи, реализующие коммуникативную функцию. Синтагматические отношения прямо не наблюдаемы, имеют последовательную одностороннюю направленность. Элементы языка, выстроенные в синтагматической последовательности, образуют своего рода цепочку однопорядковых элементов, некоторую линейность определенной протяженности, в которой они находятся рядом, один за другим. Логической формулой данных отношений является формула «И – И». Все языковые последовательности имеют свою собственную систему следования составляющих ее элементов, обладающих некими абстрактными или конкретными позициями, принадлежащими той или иной составной части синтагмы⁸³.

Вертикальная ось языковой структуры включает в себя парадигматические отношения однородных единиц, вступающих в ассоциативно-смысловые связи, следуя противопоставительному принципу и функциональному тождеству («ИЛИ – ИЛИ»), в результате которых образуются различные парадигмы. Термин «парадигма» изначально использовался в морфологии со значением

⁸² Попова З. Д. Стернин И. А. Теория языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С.195.

⁸³ СоссюрФ. де. [Sossure F. de.]. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. 432 с.

«образец склонения, спряжения». Например, склонение какого-либо имени существительного по падежам или спряжение глагола по лицам позволит выявить, что образованные словоформы находятся в парадигматических отношениях. В данного рода отношениях могут находиться все языковые единицы на синтаксическом, лексическом, морфологическом и фонетическом уровнях. В речевом акте используется какой-либо из участников парадигматического ряда. Структура языка состоит из самых различных парадигм, которые в свою очередь имеют множество малых парадигм. Например, на морфологическом уровне выделяют парадигму прилагательных. Данная парадигма в свою очередь делится на подпарадигму рода, подпарадигму числа, падежную подпарадигму, подпарадигму полноты и краткости прилагательных, подпарадигмустепеней прилагательных.

Многие исследователи занимались изучением соотношения парадигматических и синтагматических отношений. Ф. де Соссюр выделил в языке две стороны: потенциальную (сам язык) и актуальную (речь). Язык как потенциальная сторона соединяется с областью смыслов. Луи Ельмслев считает, что синтагматические отношения характеризуют речь, процесс, а парадигматические – систему языка. В первом случае элемент языка выполняет функцию дизъюнкции, а во втором этот же самый элемент осуществляет функцию конъюнкции. В тексте языковые сегменты сосуществуют, а при их анализе в системе языка становится понятным, что они образуют парадигмы. Таким образом, именно двойственный характер единиц языка (их функционирование и на парадигматическом уровне, и на синтагматическом) позволяет рассматривать и понимать язык как знаковую систему особого рода⁸⁴.

Представители отечественного языкознания, начиная с М. В. Ломоносова, всегда стремились найти социологическое истолкование многим явлениям языка, доказать его неразрывную связь с обществом. Выдвинутый тезис о тесной связи истории языка и истории общества имел основополагающее значение. Исследование языка в направлении неразрывной взаимосвязи истории языка и истории общества в России началось с появлением работ Ф. Ф. Фортунатова в 70-х гг. Родоначальник Московской

⁸⁴ Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 512 с.

лингвистической школы Ф. Ф. Fortunatov указывал на факты истории народа, которые лежат в основе понимания явлений дробления и слияния различных языков, наличия диалектов и языковых контактов. Ф. И. Буслаев⁸⁵ считал язык не только выражением «мыслительности народной», но и особенностью быта, традиций, сказаний народа. Заявленная Ф. И. Буслаевым тенденция исследования языка в связи с историей народа была в последующем рассмотрена и развита А. А. Потебней⁸⁶, А. А. Шахматовым⁸⁷. Данный подход к изучению языка заложил основы современной науки — лингвокультурологии. В отечественной науке внимание к социолингвистической концепции особенно возросло в первой трети XX века. Были приведены конкретные примеры изменений в лексическом слое языка, первопричиной которых являются значительные социальные явления, модификации, отражающиеся в различных классах общества. Была решена проблема выявления причин и условий формирования национальных языков, поставлен вопрос исследования языка города с его различными социальными типами, отличающимися его от местных говоров и литературного языка.

Все это способствовало определению ключевых задач, решаемых отечественной социолингвистикой, таких как изучение сути языка в качестве социального явления; роль и место языка в развитии общества; разработка методологии социолингвистических изысканий; установление значения социальных причин в эволюции языка; анализ социальной дифференциации языка; изучение вопросов формирования общественных функций языка; гендерные проблемы.

По мнению русского советского языковеда Е. Д. Поливанова, последователя И. А. Бодуэна де Куртенэ, язык подвергается влиянию как внутренних, определяемых системой языка, так и внешних, а именно социальных факторов. Социальные предпосылки в большинстве случаев оказывают не прямое влияние на язык, а косвенное, они могут активизировать или задерживать процесс эволюции языка, но не могут менять ее направление.⁸⁸ В большей степени социальные трансформации имеют

⁸⁵ См.: Буслаев Ф. И. Сочинения: в 3 т. СПб.; Л., 1908–1930.

⁸⁶ См.: Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.

⁸⁷ Цит. по: Макаров В. И., Коготкова Т. С. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) // Отечественные лексикографы: XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 189–220.

⁸⁸ См.: Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. М., 1968. 116 с.

непосредственное отражение только в лексическом слое языка. В первую очередь языковая система подвергается влиянию таких существенных событий в общественной жизни, как бурные общественно-политические сдвиги, развитие рыночной экономики, создание и разрушение государственных и национальных общностей людей, изменение уровня культурной парадигмы, территориальная, социальная, профессиональная, иногда возрастная, гендерная и другие виды дифференциации общества.

Воздействие общества на язык проявляется в самых разных формах. Одним из ярких примеров является социальная дифференциация языка, вызванная социальной неоднородностью общества. Так, многие современные развитые национальные языки делятся на территориальные и социальные диалекты, стало возможным выделение литературного языка как социально и функционально наиболее важной языковой формации, очевидно наличие во многих обществах «мужского» и «женского» языка и т. д. Говоря о формах влияния на язык общественных факторов, следует указать и на обусловленность применения языковых средств социальными характеристиками носителей языка (возрастом, уровнем образованности, профессией и др.), социальными ролями участников общения, ситуацией, ставшей причиной возникновения диалога. В связи с тем, что области использования языка разнообразны и специфичны (сравните науку, СМИ, быт), в языке сформировываются функциональные стили, что является прямым доказательством воздействия возникающих потребностей общества на язык. Формами отражения зависимости языка от жизни общества является и языковая жизнь полиязычных обществ. Исследуются взаимоотношения между обществом и действующими в нем языками, приобретение некоторыми языками статуса международных языков, связи между разными языками, процессы детерминации одного из нескольких языков как государственного языка, средства межкультурной коммуникации. Языковая политика является одним из примеров выражения взаимосвязи языка и общества. В настоящее время в область языковой политики входит та совокупность политических и административных мероприятий, которые сознательно и целенаправленно воздействуют на общество и его институты, влияют на функционирование языка в различных сферах его применения и придают языковому развитию желаемое направление.

Язык – это знаковое содержание человеческого разума, показатель того, как человек понимает и воспринимает окружающую действительность, как способен воспроизводить действительности в мышлении. Язык всегда имеет национальное обрамление. Неразрывность связи языка, сознания, мыслительных процессов, речи отражена в структуре речепорождения, или вербализации мысли.

Речевая деятельность, т. е. способность говорить и выражать словами мысль, имеет два направления: объективно-социальное и индивидуально-психическое. Речевая деятельность – это прежде всего коммуникативный акт, обладающий комплексным характером, поскольку включает в себя совокупность взаимоотношений участников общения и восприятие ими обстановки речи, языка и передаваемой информации.

Зависимость речевого акта и речевой деятельности от социальных процессов проявляется в следующем: во-первых, речевой акт и речевая деятельность осуществляются при наличии стандартных речевых ситуаций и культурного контекста, которые присущи для всех участников коммуникации или для группы говорящих. Структурность речевого акта предполагает не отдельного говорящего, а типового говорящего. Неотъемлемой и обязательной составной частью речевого акта и речевой деятельности является реальный язык и общая структура передаваемой информации, чья принадлежность к обществу делает их социальными. В языкознании этот вопрос получил свое освещение в теории речевых актов. Во-вторых, социальная природа речевого акта и речевой способности проявляется в социальных причинах инициативности речевой деятельности участника общения. Люди говорят не для того, чтобы воспроизвести или показать свои речевые навыки и умения, как делают, например, попугаи, а для того, чтобы передать невербальную информацию. Человек использует средства языка для формулировки своих мыслей, чувств, волеизъявлений, и эта социально обусловленная информация оказывает влияние на слушателя (или читателя). В-третьих, говорящие не могут иметь индифферентное отношение к форме выражения своих мыслей и чувств, к сохранению и трансформации нормы языка. Язык является орудием совершенствования общества, а речевая деятельность – составной частью социальной деятельности человека.

Модельный пример взаимосвязи языка и общества как баланса двух сущностей имеет разработку в структурно-функциональной системе. Данный подход обуславливает изучение языка как социального явления, ставит во главу угла бессознательность лингвистического поведения. Основоположником структуралистской парадигмы является один из «духовных отцов» современности К. Леви-Стросс. Он указывает на то, что язык – это не только культурный маркер, позволяющий дифференцировать человека и животного, но и то, «посредством чего устанавливаются и увековечиваются все формы социальной жизни»⁸⁹. К. Леви-Стросс считает лингвистику основополагающей и фундаментальной наукой применительно к обществу. По мнению ученого, только лингвистика способна встать в один ряд с точными и естественными науками, в то время как все остальные социальные науки еще занимают ступень своей предыстории.

Язык это не только основа общества и культуры, но и определенный образец для исследования и объяснения всех социокультурных событий. К. Леви-Стросс либо прямо утверждает, что система родства есть язык, либо делает это в процессе исследования мифов с дополнением к сказанному о том, что структура мифа является более сложной, чем язык, поскольку в мифе мы наблюдаем не простые термины и отношения, а «связки» тех и других. К. Леви-Стросс полагает, что «надо искать символическое начало общества».

Но самым значимым для К. Леви-Стросса аспектом является тот, в котором отражено, что язык представляет собой условие культуры (она имеет структуру, аналогичную структуре языка). Он отмечает, что «и то, и другое создается посредством оппозиций и корреляций, другими словами, логических отношений. Таким образом, представляется возможным рассматривать язык как фундамент, предназначенный для установления на его основе структур, иногда и более сложных, но аналогичного ему типа, соответствующих культуре, рассматриваемых в ее различных аспектах»⁹⁰.

В своих работах Р. Барт⁹¹, Ю. Хабермас⁹², М. Фуко⁹³, А. Гидденс⁹⁴,

⁸⁹ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С.313.

⁹⁰ Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Серия «Психология без границ»).

⁹¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М, 1994. 616 с.

К. Леви-Стросс⁹⁵, Э. Кассирер⁹⁶ утверждают, что язык, имеет в своем распоряжении средства, позволяющие структурировать мир и объекты. Такая направленность характерна также для трудов Р. Блакара⁹⁷, Дж. Лакоффа⁹⁸, Ф. Уилрайта⁹⁹. Они анализируют содержащиеся в языке социально-культурные направленности и мировоззренческие установки.

Роль символической системы в социальном взаимодействии, конструировании и поддержании социальной реальности рассматривается в рамках социологии Г. Гарфинкелем¹⁰⁰, И. Гофманом¹⁰¹, Дж. Г. Мидом¹⁰², А. Щюцем¹⁰³, П. Бергером и Т. Лукманом¹⁰⁴ и другими мыслителями, ведущими исследования в рамках интеракционистской, феноменологической и этнометодологической парадигм. Дж. Серль¹⁰⁵ придерживается точки зрения, близкой к взглядам П. Бергера и Т. Лукмана.

Методологию исследования символической социальной реальности рассматривают российские ученые И. Мартынюк и Н. Соболева¹⁰⁶.

Н. С. Рябинская анализирует различные подходы к пониманию роли языка в общественных науках¹⁰⁷.

Особое внимание к языку проявляется в социологии знания и социальной феноменологии (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман), направленных на проблему поиска идеальных оснований социальной жизни. В трудах феноменологов представлена точка зрения на общество как на результат социального конструирования,

⁹² Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект // Вопросы философии, 1992, № 4. С. 40–52.

⁹³ Фуко М. Слово и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. 408 с.

⁹⁴ Гиддингс Ф. Основания социологии / пер. с англ. Н. Н. Спиридонова. М., 1898. С. 3–22, 400–418.

⁹⁵ Леви-Стросс К. Указ. соч.

⁹⁶ Кассирер С. Опыт о человеке. М., Гардарики, 1998. 784 с.

⁹⁷ Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1995. С. 88–120.

⁹⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Баранова, А. Морозовой. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.

⁹⁹ Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82–119.

¹⁰⁰ Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение: в 2 т. Том 2. 2002. № 1. С. 42–70.

¹⁰¹ Гофман И. Первичные системы фреймов // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 122–137.

¹⁰² Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социология / под ред. В. И. Добренкова М., 1994.

¹⁰³ Щюц А. О множественных реальностях // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М, 2004. С. 401–455.

¹⁰⁴ Бергер П., Лукман Т. [Berger P. L., Lukman T.] Социальное конструирование реальности... 323 с.

¹⁰⁵ Searle J. R. What is a Speech Act? // Philosophy in America / ed. By M. Black. London. 1965. P. 221–239.

¹⁰⁶ Мартынюк И. Соболева Н. Символическая социальная реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 126–146.

¹⁰⁷ Рябинская Н. С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. 2002. №4. С. 78–91.

проанализированы механизмы подобного конструирования, в центре которых находится язык. Он, как и в теории интеракционизма, играет основную роль в поддержании *общих определений реальности*, закрепляя некоторый набор представлений, составляющих обыденное знание общности, и является главной составляющей системного институционализации¹⁰⁸.

В философских науках в двадцатом веке лингвистика начинает занимать особое положение, обособившись в некоторую лингвофилософскую науку. Язык занял определенное важное место в философии по причине увеличения количества межкультурных контактов, и, как результат, вычленение вопросов о природе смысла, взаимосвязи языка и реальности, языковом мышлении индивида, социума, нации, мыслительная деятельность во время передачи информации с одного языка на другой.

Как уже отмечалось ранее, так называемый «лингвистический поворот»¹⁰⁹ способствовал тому, что первоначально неязыковые дисциплины признали язык в качестве главного для себя объекта исследования, обозначая, что особую эвристическую ценность представляют исследования на стыке «язык – общество». В общем виде данную позицию можно выразить следующим образом: язык сопровождает все социальные процессы и охватывает все социальные сферы, значит в нем должно быть закодировано некоторое объективное знание о социальной реальности, которое, имея специальный инструментарий в виде теорий и методик, можно дешифровать.

Таким образом, бесспорным является понимание языка как социального явления. Языком невозможно овладеть за пределами социального взаимодействия, т. е. без общения с другими людьми. Язык является неотъемлемой частью приобретения и систематизации человеческого опыта.

Жизнь человека, его познавательная и трудовая деятельность носят социальный характер, что предполагает наличие обязательного условия – коммуникации между людьми. Анализ языка, с одной стороны, показывает, что возможность общения способствует сплочению членов социальной группы и объединению людей, что язык является естественным порождением

¹⁰⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.

¹⁰⁹ См.: Rorty R. *The Linguistic Turn; Recent Essays in Philosophical Method*, ed. with an Introduction by R. Rorty. Chicago, University of Chicago Press, 1967. 393 p.

общности экономической жизни и объединения территории. С другой стороны, можно сделать вывод о том, что язык дает возможность человеку ориентироваться в окружающем мире путем отбора и организации своего опыта. Социализация, т. е. способы, которыми люди обретают опыт и усваивают установки, соответствующие их социальным ролям, имеет две цели: содействовать взаимодействию, основываясь на социальные роли и сохранить общество вследствие усвоения сложившихся в нем системы взглядов, мировоззрений и моделей поведения его новыми участниками.

Язык представляет собой абсолютную систему обозначения опыта с помощью знаков в конкретной совокупности причин, обстоятельств, влияющих на поведение, он является носителем многочисленных нюансов экспрессивности, величайшим средством общения и неотъемлемой частью деятельности.

Язык – уникальное особое явление человеческой реальности, он является, пожалуй, единственно возможным способом понимания ее сущности.

Многообразные картины мира, т. е. представления о реальности в различные эпохи воссоздаются благодаря языку, зафиксированной в его единицах информации. Принимая во внимание тот факт, что мышление фиксируется языком, можно сделать вывод о том, что разнообразие языков является причиной сосуществования отличающихся друг от друга реальностей. Социальные действия какого-либо характера получают свою направленность благодаря определенным языковым формам, закрепляющим социокультурные ориентации. Слово – это то, что порождает реальность. Взаимопонимание в таком случае становится возможным благодаря билингвизму и полилингвизму, что в современном мире особенно актуально.

Способ восприятия и концептуализации человеком окружающей его действительности отражается в языке. Система взглядов общества в целом отражается в такой концептуальной реальности, что и представляет собой картину мира. Совокупность знаний и мнений субъекта о мире и относительно реальной или мыслимой действительности закреплены в лексическом, фразеологическом и грамматическом слоях языка и отражают общественно-исторический опыт нации, ее культурное своеобразие. Языковая картина мира является ментально-лингвальным

образованием, составляющими элементами которого являются концепты. Она репрезентирована этническим языком и в нем представлена. Языковая картина мира (ЯКМ) определяет вид взаимоотношений человека к миру, указывает на нормы образа действий, характер поступков человека в мире, влияет на его отношение к миру. Выражаемые в языке смыслы укладываются в некоторую неделимую систему взглядов, представляющую собой своего рода коллективную философию, которая в обязательном порядке навязывается всем представителям какой-либо социокультурной и языковой общности, владеющими нормами языка, активно использующий данный язык (обычно являющийся для них родным). ЯКМ двойственна в своем проявлении. Во-первых, ее двойственный характер проявляется в том, что условия жизни людей, окружающий их материальный мир влияют на их сознание и поведение, отражаясь в их языковой картине мира. Во-вторых, человек постигает его семантику и грамматику в большей степени через призму родного языка, что определяет структуры мышления и поведение. ЯКМ представляет собой субъективный образ объективного мира, она несет в себе черты человеческого способа миропонимания. ЯКМ имеет два основных назначения: объяснительное, обеспечивающее видение мира, и регулятивное, служащее ориентиром человека в мире. Кроме того, можно выделить и такие функции, как именованья предметов и событий, разделения явлений действительности на категории, объяснения результатов, идентификации явлений мира, направленности в окружающем мире, социализации, причисления к определенной культуре, социальной группе, обществу.

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора¹¹⁰, по мнению В. А. Масловой, поскольку в реальности характерные черты национального языка, в которых закодирован являющийся исключительным общественно-исторический опыт конкретной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, своеобразную картину мира, отличающуюся от объективно существующей, а лишь характерную окраску этого мира, порождаемую национальной значимостью предметов, явлений, процессов, особым отношением к ним, которое обуславливается совокупностью отличительных особенностей деятельности, образа жизни и национальной культуры конкретного

¹¹⁰ Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

народа. Самый наглядный пример проявления характера языковой картины представлен в лексическом слое языка. Взаимосвязь картины мира и слова очевидна в непосредственной обращенности лексической системы языка к общественной жизни, социальной направленности, что обуславливает и другие ее особые черты: открытость, проницаемость, множественность составляющих элементов.

Являясь социальным феноменом, язык очень мобилен, особенно в лексической подсистеме языка (словарь и словоупотребление), подвергается трансформациям, спровоцированным экстралингвистическими факторами: переменами в культурной, политической, экономической, производственной и социально-личностной сферах. Все коренные изменения в социуме возникают в процессе наделения другими значениями форм, функций, смыслов и экспрессий общепринятого словоупотребления. Аксиологические и смысловые трансформации выявляют «социальные сценарии» форм отражения реальности в сознании, которые были сформированы для передачи социокультурной информации в соответствии с новой системой условных обозначений, не входивших раньше в общественную сферу и, следовательно, не имеющих какого-либо отображения в языке. Познавательная деятельность исследователей многократно направлялась на анализ особенностей отражения в языке реальности и форм общественного сознания, зависимости скорости развития языка от темпов социальных трансформаций, многообразия действующих языков, от социальных процессов. Социальная обусловленность языка – аксиоматика научного познания современности.

Многочисленные языки и культуры, наличие разнообразных сборников лексического запаса языков для описания социальной реальности, различные принципы осмысления слов – все это вызывает в пределах различного этнокультурного пространства появление «непрозрачных семантических миров», что становится причиной противоречий и разногласий. Подготовка теоретических моделей социального и языкового воздействия друг на друга является прямой задачей социально-гуманитарного знания. В процессе поиска ненасильственных форм взаимодействия в тех обстоятельствах, когда существует разница интересов и

социокультурных ориентаций народов, назревает необходимость решения этих ситуаций.

Следует отметить, что язык создает особую символическую среду, структурирующую социальные трансформации, создает тезаурус для актуализации потенциальных возможностей понимания смысла происходящих изменений. Основные принципы взаимосвязи языка и общества сводятся к следующему. Во-первых, язык, являясь социально обусловленным средством, вместе с тем в качестве «превращенной формы» сам формирует условие существования социальной реальности, объективируя её в языковых знаках. Во-вторых, язык является средой социальных трансформаций, а рецепция и генерация информации – механизмом конструирования социальной реальности¹¹¹.

По мнению М. О. Макушевой, языковые, ментальные и социальные структуры связаны между собой¹¹². Язык репрезентирует структурную организацию общества, имеет связь с конкретной областью социального пространства (совокупностью близко расположенных позиций). Он закрепляет выработанные группой образцы понимания реальности или фреймы. Усвоенный индивидом язык является средством познания и выстраивает его поведение в виде структуры. Являясь совокупными феноменами, концепты коллективного языка несут в себе единство восприятия и оценки, поддерживают солидарность в группе. Изучая и воспринимая характерный языковой вариант, человек приобретает навыки, умения усваивать явления в их типичном проявлении и одинаково со своим окружением. Следовательно, в каждом конкретном речевом акте происходит воспроизведение социальной структуры.

Язык играет самую важную роль в ходе общения, формирования и установления ситуации, так как обеспечивает социальную типизацию и узнавание. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода совокупную философию, которая не обнаруживается при поверхностном рассмотрении и присуща всему лингвокультурному объединению.

¹¹¹ Кабахидзе Е. Л. Лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук / 09.00.11. Кабахидзе Екатерина Львовна. М., 2013. 26 с.

¹¹² Макушева М. О. Языковая репрезентация социальной и институциональной структуры: автореф. дис. ... канд. соц. наук / 22.00.01. Макушева Мария Олеговна. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб, 2013. 228 с.

Категории языка выступают в качестве основы социализации, устанавливая связи между усвоением различных ролей. На основе языка возникает рефлексивная ситуация: языковые категории соединяют личные ощущения с культурой, облачают субъективное содержание в интерперсональную обезличенную конфигурацию. Значит, языковые категории, сформированные внутри общества, составляют основу образования социальной идентичности.

Бесспорным является утверждение, касающееся воздействия языковой категории на мышление применительно к понятиям, обозначающим социальные события и явления, которые не доступны прямому восприятию. Социальная реальность (существование социальных групп, институтов, организаций, движений) опосредована знаковой системой, необходимой для ее фиксации и толкования.

В языкознании нет общепринятого определения понятия «языковой знак». Так, например, знак в исследованиях Ф. де Соссюра есть единство внешней и внутренней сторон, единство означающего и означаемого¹¹³ – следовательно, природа знака имеет двойственный характер. Природа языкового знака своеобразна, по сравнению со знаком вообще. Самые очевидные отличительные черты проявляются в следующем: значение языкового знака имеет контекстуальную зависимость; языковой знак в большинстве случаев обладает обусловленным какими-либо причинами характером; языковой знак имеет много значений; языковой знак обладает экспрессивностью, знак лишен этой характеристики; присутствие в языковом знаке «системы значений» (например, слово всегда относится к другим словам в предложении).

С точки зрения В. А. Виноградова, языковой знак представляет собой языковую сущность (единицу языка или комбинацию единиц), заменяющую или указывающую на внеязыковую сущность (предмет, свойство, отношение, событие, положение дел), когда последняя становится предметом мыслительно-речевой деятельности.¹¹⁴

Языковому знаку не присуща нейтральность. Он определяется общением, обусловленным социально-

¹¹³ Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 280 с.

¹¹⁴ Виноградов В. А. Избранные труды: в 7 кн. М.: Наука, 1975–2003.

экономическими отношениями, и является идеологическим феноменом. В любом обозначении социально значимого феномена изменяют свое содержание интересы различных групп.

Вслед за Ф. де Соссюром языковому знаку дается толкование как двусторонней (билатеральная) сущности, имеющей план содержания (означаемое) и план выражения (означающее).

Отношения плана содержания и плана выражения, означаемого и означающего, могут быть адаптированы под философские категории содержания и формы. Означаемое возможно рассматривать как содержание, а означающее – как форму языкового знака.

Относительно объектов сознания выделяют некоторые функции языковых знаков: номинативную (способность именовать объект), дейктическую (способность свидетельствовать об объекте), экспрессивную (способность являться отражением состояния сознания), сигнификативную (способность обозначать понятие), моделирующую (способность создавать знаковый аналог ситуаций), прагматическую (способность оказывать влияние на человека).

Согласно позиции Ч. Пирса¹¹⁵, распознают три разновидности знаков, прослеживающихся и в языке:

– иконические знаки – полностью соответствующие образам обозначаемого (например, в звуке звукоподражания и образованные от них слова);

– индексальные знаки, выполняющие роль указателя (например, в языке к ним относя указательные местоимения);

– символические знаки – те, в которых связь между означаемым и означающим не определяется ни их природой, ни смежностью их денотатов (лат. *denotare* – «обозначать», *denotat* – «обозначаемый объект») в пространстве, а вытекает из социально определенной условности. К данному типу знаков относится большое количество знаков естественных языков.

Языковые знаки любой естественной языковой системы взаимодействуют друг с другом определенным образом, формируя некоторое единство и целостность. Каждый элемент языка (звук, слово, морфема, словосочетание, предложение и др.)

¹¹⁵ Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. с англ. В. В. Кирюшенко, М. В. Колопотина СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского в-та СПбГУ; Алетея, 2000. 352 с.

существует не обособленно, а в противопоставлении с другими составляющими языковой системы и исследуется с точки зрения его релевантности и функциональности.

В языке вычленяется целая совокупность однородных взаимосвязанных понятий: подсистемы языка; элементы языка; парадигматические и синтагматические связи языковых знаков; знаковые свойства языка; функциональные характеристики знаков языка; внутренняя организация языковых знаков; внешние и внутренние связи в языке; синхрония и диахрония и др.

Сочетаясь друг с другом, строго конкретные классы единиц языка вступают в синтагматические отношения, устанавливающиеся на всех уровнях языка. Существуют законы сочетания фонем, функционирующие на фонологическом уровне, морфемы сочетаются в соответствии с определенным порядком на морфологическом уровне и т. д. – до предложений. Разнообразие языковых синтагм неисчерпаемо. Языковые знаки вступают в парадигматические отношения. Парадигма – набор, система форм одного слова. Языковая система представляет собой сочетание синтагм и парадигм знаков языка с правильным соотношением элементов. Главной отличительной чертой парадигматических отношений от синтагматических является то, что они не линейны и не одновременны в потоке речи или тексте. Под парадигматическими отношениями подразумевают соотношения между элементами языка, объединенными в сознании говорящего ассоциациями.

Важнейшие формы языкового сознания составляют те языковые категории, с помощью которых носитель языка придает порядок приобретенным знаниям о себе и о мире, и которые создают все необходимые условия для единства языка как системы во всех его индивидуальных проявлениях. Вопрос языковых категорий приобретает особое значение еще и потому, что язык, являясь важной семиотической системой и социальным явлением, отличается проявлением функций в различных формах и видах и поэтому способен выступать в многообразных своих качествах. Проблема того, что языковые категории являются определенными концептуальными структурами, или формами отражения мира в языке, находит свое подтверждение в общности и близкой взаимной связи всех когнитивных процессов, а именно, в процессах категоризации и концептуализации. Качества и

характеристики, имеющиеся в сознании людей в виде тех или иных концептов, не относятся к одному конкретному объекту, а применяются к определенным классам объектов. Таким образом, и в языке, функциями которого является хранение, обработка, трансляция и толкование различных знаний, категории как классы языковых объектов с общими отличительными концептуальными свойствами и чертами, особый формат получают знания о мире, о языке, как одной из его составляющих, о способах их обработки и понимания человеком.

Очевидно, что языковые категории представляют собой неотъемлемую лингвистическую фиксацию сферы действий, ценностей, целей и норм, лежащих в основе деятельности и функционирования ряда социальных институтов, регулирующих поведение агентов. В соответствии с веберинским подходом, они имеют место в виде совокупности социальных действий, которые структурированы соответствующими понятиями. В этом смысле можно говорить о знаковом характере реальности.

В ежедневном общении членов общества отражаются и обретают смысл все аспекты социальной реальности. Понимание коммуникации как социально-вариативного, связанного с групповыми практиками явления придает этой перспективе определенный уклон. Являясь социально дифференцированной, знаковая система позволяет определять связь между социальным институтом и культурными практиками, в том числе языковыми, конкретной социальной общности людей.

Воспроизведение разных социальных языковых практик основывается на проведении разграничений между ними, обуславливающими возникновение системы социальных различий. Последние составляют основу субъективного аспекта социальной структуры, который мы понимаем как общее знание социальных пределов и представление о социальных различиях. Языковые практики маркируются в соответствии с обслуживаемой зоной социального пространства и оцениваются посредством переноса оценки с группы на ее культурные практики.

Чтобы определить логику дальнейшего развития общества, необходимо выявить представления о социальной реальности и самом человеке.

Особый интерес представляет многообразие частных тем, изучение которых может помочь как в исследовании данных сфер, так и в уточнении положений общего подхода:

– изучение категорий, с опорой на которые в современном российском обществе происходит типизация социальных групп и оценка языковых практик социума. Очевидно, что членение социального пространства не константно. Примером может служить возникновение ранее не существовавших понятий, таких, как «яппи» или «богемная буржуазия» в Западной Европе и их перенос на российское общество; вычленение каких-то своеобразных групп, разграничение (например, размежевание интеллигенции и интеллектуалов); изменение значения старых категорий. В этих случаях в сферу внимания попадает и то, в пределах какой социальной общности или института появилось данное определение и какая цель им достигается. Исследование и анализ определений, отражающих важные социальные разграничения, может помочь раскрыть тенденции изменения в социальной структуре общества;

– выявление роли языкового знака и передаваемого им социального опыта в социализации как средства выработки идентичности, овладения комплексом норм и ролей. Такое исследование, например, позволяет выявить изменения в тендерной структуре современной общественной жизни;

– языковой знак и социальный опыт, транслируемый им, играют определенную роль в становлении и функционировании социальных институтов и социальных движений. Изучение базовых концептов, нарративов дает возможность проследить подвижки в изменении социального института или процесс образования социального движения. Эти знаки могут изучаться в том числе в аспекте борьбы за их переопределение, которая ведется различными группами.

Философский анализ языка совершенствует социальную реальность, способствует повышению профессионализма в различных областях теоретического знания и практики. Сама единица языка, называющая отдельные понятия, становится первоисточником рассуждений. Слово начинает выполнять функцию информационной ячейки. В философии слово является первостепенным инструментом ее экспериментального опыта и способом закрепления ее достижений. Мир, зафиксированный в

языке человека, становится объектом человеческой деятельности. Философия вносит поправки в процессе наложения языковой картины мира на реальность и в определенной степени управляет конструкцией мира, прежде всего в социальном аспекте.

Происходит кодировка общего в социальной деятельности в устройстве и организации языка, т. е. кодируется форма деятельности, тем самым обуславливая сохранение этой деятельности в идеальном плане. В этой связи именно социальная деятельность определяет природу языка как фиксирование общего в социальной деятельности и выступает как его основание.

Отражая форму деятельности, язык указывает на образ реальной действительности, который существует в деятельности на основе ее содержания. В языке образ также должен иметь внешнюю оболочку, материальный носитель и этим носителем является знак. Из этого вытекает, что природа языка является двойственной. Эта двойственность обусловлена единством в языке знака и образа. Двойственная природа языка, следовательно, вытекает из противоречивого характера человеческой деятельности, выраженного в понятиях: содержание и форма, единичное и общее, материальное и идеальное, качество и количество.

Таким образом, язык, являясь уникальным феноменом человеческой реальности, социально обусловленным средством, играет ведущую роль в поддержании общих определений реальности, создает особую символическую среду, структурирующую социальные трансформации, создает тезаурус для актуализации потенциальных возможностей понимания смысла происходящих изменений.

Язык сам формирует условие существования социальной реальности, объективируя её в языковых знаках. Он является средой социальных трансформаций, а рецепция и генерация информации – механизмом конструирования социальной реальности.

2. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1 Вопросы конструирования социальной реальности в процессе коммуникации

Исходя из нашего определения социальной реальности как открытой, динамичной, высокоорганизованной, целостности, объединяющей в себе личность, собственно социальную подсистему и культуру, отражающей в константах культуры и в языке специфику существования социальных явлений, рассмотрим особенности формирования социальной реальности в той ее части, что касается личности.

Один из способов анализа проблемы взаимоотношений личности и социума – это идея социального конструирования реальности, основывающаяся на том, что реальность в той или иной степени формируется, конструируется человеком. «Реальность» представляет собой только ту реальность, которая принимается и воспринимается субъектами в таком ее свойстве. При этом дефиниция «социальная» указывает на значимость того, что реальность обязательна при условии человеческого взаимодействия, иными словами, в интерсубъективном мире, если применять систему терминов феноменологии.

Говоря о социальном конструировании, необходимо учитывать наличие двух его векторов: социальное конструирование реальности, где реальность – это прежде всего внешний мир или мир материальных объектов, и социальное конструирование социальной реальности, представляющей собой реальность особой организации – межчеловеческую, коммуникативную реальность. Причем необходимо отметить, что оба уровня функционируют через сообщение, связь и взаимодействие с прочими.

Понятие «личность» представляется как одно из наиболее подходящих для называния и определения субъекта конструирования, так как оно дает возможность не только акцентировать внимание на единичном представителе социума, его интересах и нуждах, но и принимать его в единстве его социальных отношений, фиксировать общественный характер человеческой бытийности. Безусловно, необходимо акцентировать значимость языка в последовательном конструировании, так как он не только

осуществляет экспрессивную функцию, но и дает возможность выполнять когнитивные операции, в процессе которых, например, вырабатываются абстрактные и стандартные представления, являющиеся важными для повседневности, и, кроме того, обеспечивает коммуникацию между личностями, итогом которой является создание столь существенных для социальной жизни конструкций. Язык создает универсальное пространство конструирования реальности и универсальную среду бытия человека. Сегодня трудно представить себе, что человек может не использовать возможности языка, поскольку он является неотъемлемой частью его жизни. Этим обусловлен тот факт, что язык представляет собой бытийное пространство реальности, коммуникации и содержит языковые структуры. Конструирование имеет языковую совокупность определяющих черт, поскольку язык является наиболее универсальным средством коммуникации и познания. Более того, язык является обязательным составным элементом бытия личности, каждая личность укореняется в языке. Язык является тем основанием, которое, по существу, связывает личность и конструируемую ею реальность.

Направление социального конструирования реальности исследуется в первую очередь в теориях феноменологической философии и социологии, основой которых является работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»¹¹⁶. Важно заметить, что данный подход развивался под влиянием прагматизма, «понимающей социологии» М. Вебера¹¹⁷, идей символического интеракционизма, феноменологической социологии А. Шютца¹¹⁸, феноменологии Э. Гуссерля¹¹⁹.

Концепция социального конструирования реальности связана с концептом «жизненный мир», основным понятием позднего периода философии Э. Гуссерля¹²⁰. Потенциал выявления его инвариантных структур философ видит в критическом отношении к научным абстракциям посредством проблематизации

¹¹⁶ Бергер П., Лукман Т. [Berger P. L., Lukman T.] Социальное конструирование реальности...

¹¹⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003. 220 с.

¹¹⁸ Шютц Альфред. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

¹¹⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн., М., 2000. 752 с.

¹²⁰ Гуссерль Э. Там же.

основополагающих признаков субъективности. Такие характеристики, как пространственность, темпоральность, каузальность, вещьность, интерсубъективность, не создаются субъектом, однако задают область самой субъективности. В пределах инвариантов жизненного мира появляется то, что возможно отождествить с областью субъективного. А. Шюц интерпретирует концепт «жизненный мир», который разработал и ввел и Э. Гуссерль, как систему глубинных типических образов социальной реальности, превращенных в архетип и придающих социальной реальности интерсубъективный смысл.

Кроме того, надо сказать, что в истории философии имеются образцы развития идеи конструирования реальности. Например, в радикальном конструктивизме Э. фон Глазерсфельда¹²¹, П. Вацлавика¹²², У. Матураны, Ф. Варелы¹²³ прослеживается непосредственная связь данной концепции с идеями античных философов Ксенофана, Протагора, скептиков, а также Дж. Вико, Дж. Беркли, И. Канта, Ж. Пиаже. Однако радикальный конструктивизм не заостряет внимание на социально-философской проблематике, основываясь, главным образом, на эпистемологическом аспекте конструирования, а не на онтологическом или социальном: познание в данном случае воспринимается как неотъемлемый, функциональный процесс конструктивных действий субъекта, как условие для приобретения субъектом опыта, оно носит адаптивный характер (направленный на приобретение необходимых в конкретных условиях навыков и выживание) и, соответственно, практический характер. Социальный конструкционизм (К. Джерджен¹²⁴, Р. Харре¹²⁵, С. Московичи¹²⁶, Дж. Шоттер¹²⁷),

¹²¹ Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 59–81.

¹²² Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО, 2000. 320 с.

¹²³ Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания // Социологический журнал. Институт социологии РАН (Москва). 2003. № 2. / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 168–179.

¹²⁴ Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / пер с англ. А. М. Корбута; под общ. ред. А. А. Полонникова. Мн.: БГУ, 2003. 232 с.

¹²⁵ Харре Р. Конструкционизм и основания знания [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 94–103. URL: http://ec.chelib.ru:8080/cgi/irbis64r_12/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=SKS&P21DBN=SKS&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=

¹²⁶ Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.

ставящий во главу угла проблемы отношений, процессов общения, имеет в большей степени психологическую направленность. Так, например, Кеннет Дж. Джерджен заявлял, что «с точки зрения конструкциониста социально-психологическое исследование способно участвовать в сотворении новых форм культурной жизни. Разрабатывая новые теоретические языки, исследовательские практики, формы выражения и методы вмешательства, психология создает благоприятные условия для культурной трансформации»¹²⁸.

Отношения «индивид – общество», несомненно, являются ключевыми и для радикального конструктивизма, и для теории социального конструирования реальности, и для социального конструкционизма. Однако только теория социального конструирования реальности делает акцент именно на социологической и социально-философской интерпретации процесса конструирования реальности. И радикальный конструктивизм, и социальный конструкционизм оппозиционируют принятие знания как способа воспроизводить изменения реального мира, того, что зарождается в сознании посредством непосредственного наблюдения. Принципиальная разница между этими направлениями состоит в том, что необходимо определить, происходит ли познание и конструирование реальности в каком-либо социальном пространстве (социальный конструкционизм) или же оно обязательно ограничено только индивидуальным сознанием, а социальность – лишь абстракция, представляющая собой на самом деле некоторую схожесть представлений у индивидов (радикальный конструктивизм).

Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, по большому счету, не затрагивает онтологию, направленную на постижение того, что являет собой бытие, подлинный мир, независимый от человеческого сознания. Эта теория направлена на выявление механизмов, дающих возможность людям вместе конструировать реальность, а проблема соответствия созданной конструкции действительности не столь существенна. Значимо только то, насколько она одобряется и принимается социумом. В той степени, в какой при помощи таких конструкций в

¹²⁷ Шоттер Дж. Конструирование «ресурсных или взаимодействующих» сообществ: внедрение новой (диалогической) практики в наши практики // «Коммуникативный поворот» современного образования: Сб. научн. статей. Мн.: Пропилеи, 2004. С. 90–138.

¹²⁸ Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / пер с англ. А. М. Корбута; под общ. ред. А. А. Полонникова. Мн.: БГУ, 2003. 232 с.

процессе человеческого сосуществования решаются практические задачи, конструкции воспроизводятся и существуют в обществе. Радикальный конструктивизм направлен в большей мере на эпистемологические проблемы, а теория социального конструирования реальности рассматривает механизмы, благодаря которым создается реальность.

Определенный интерес для нашего исследования представляет точка зрения Э. Ю. Панитковой¹²⁹, которая, основываясь на подходах конструктивизма, утверждает то, что люди проецируют на мир «сетку», конструируют его, исходя из своей человеческой, биологической, психологической организации. Под конструкцией она понимает деятельность субъекта и/или ее итог; то, что инициирует появление чего-то нового в отличие от окружающей действительности, из которой она строится.

Конструирование реальности совершается, главным образом, при помощи знаков и символов. Это определяет главную роль языка, представляющего собой систему накопленных смыслов и жизненного опыта, транслирующихся новым поколениям. Критериями необходимости и целесообразности, актуальности конструкций выступают как опыт взаимодействия с миром, так и точки зрения других людей, что определяет потребность анализа проблемы взаимодействия и взаимопонимания.

Любой человек смотрит на мир в соответствии со своей будущностью, теми условиями, в которых находится. Если исходить из осознания того, что в социуме для благополучного бытия человека необходимым условием является взаимодействие с другими людьми, центральной проблемой является проблема понимания, без которого невозможна никакая связь. А. Щюц, несмотря на отрицание полного понимания стороннего подразумеваемого смысла, заявляет о важности постановки себя на место другого человека, а также о роли самоистолкования в деле понимания другого¹³⁰.

Учитывая тот факт, что индивидуальные различия непреодолимы, замкнутость «Я» не представляется возможным превозмочь, исчерпывающее понимание «Другого» невозможно, единственно возможным решением видется конструирование

¹²⁹ Паниткова Э. Ю. Понятие «языковая личность» и проблема социального конструирования реальности: автореф. дис.... канд. филос. наук / 09.00.11. Паниткова Эллина Юрьевна. Сев. (Арктический) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2012. 23 с.

¹³⁰ Щюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом ... М., 2004.

общезначимых, схожих, т. е. внешне понятных, конвенциональных миров для того, чтобы, функционируя в этом знаково-символическом пространстве, привести к взаимным проникновениям.

Назначением семиотической и символической реальности считается «примирение» с разнообразными переживаниями, связанными с недоступностью для эмпирического познания или не основанными на опыте, приспособление к ним, а также функция онтологической безопасности, регулирования жизни, предохранения от хаоса, страха смерти. Знаково-символическая реальность характеризуется открытостью для интерпретации (как говорил А. Шюц, любой знак, будучи поданным, осмыслен), и мы вовлечены в процесс герменевтики, наполняя, таким образом, знаки и символы своими смыслами, то есть нашу жизнь – смыслом.

Без доступа к действительности, людям, учитывая их когнитивную сущность, не представляется возможным жить в бессмысленном мире, и они начинают конструировать реальность внутри своего сознания. Основной позицией конструктивизма является то, что люди «придумывают» для самих себя порядок, в соответствии с которым существует мир, забывая, что сами его изобретают, а затем переживают его как нечто «реальное». Учитывая главные принципы радикального конструктивизма, можно сделать вывод о том, что если мир, в котором мы существуем и который познаем, конструируется нами, то его восприятие его нами как чего-то относительно стабильного не вызывает вопросов.

Любому живущему в этом мире субъекту необходимо, чтобы происходило совпадение конструкций, так как им жизненно необходимо наладить различные виды взаимодействия между собой. Это становится возможным в первую очередь за счет нашего непосредственного отношения к общему роду *homo sapiens*. Выполняя схожие действия, делая попытки почувствовать себя «на месте» другого человека, мы настойчиво добиваемся взаимного понимания. Но, тем не менее, для того, чтобы наладить взаимодействия, имеющие положительный результат и удачное завершение, этого нередко бывает недостаточно. Таким образом, возникает необходимость в упорядочивании мира с помощью стандартов, паттернов, эталонов, ритуалов, традиций, стержневым из которых является язык. Язык обеспечивает сплоченность групп,

функционирование институтов. При помощи одного конструкта (языка) воспроизводятся и создаются иные конструкты.

В. В. Красных в контексте теории коммуникации вводит понятие «коммуникативная личность»¹³¹. Можно говорить о необходимости изучать ее и как речевую личность, то есть принимая во внимание речевую активность, в которой она проявилась, коммуникативные акты с ее участием. Он утверждает, что каждый субъект как «человек говорящий» в любой точке своего речевого процесса проявляется как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность.¹³² Однако такое разграничение имеет дискуссионный характер в связи с тем, что признаки, на основании которых производится вычленение единиц языковой личности, имеют недостаточную обоснованность и нередко разноплановы. Можно согласиться с В. И. Карасиком, определяющим коммуникативную личность как не затрагивающий частностей тип носителя культурных, языковых, деятельностных и коммуникативных характеристик, ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций.¹³³

Человеческая коммуникация – это процесс обмена, трансляции, получения разнообразных сведений, мыслей, сообщений, осуществляемый в ходе взаимодействия двух и более языковых личностей, с целью какого-либо влияния на собеседника, необходимого для выработки общего (до определенного предела) взгляда на вещи и действия с ними, для осуществления совместной деятельности. Так, как коммуникация в таком контексте имеет в своей основе процесс обмена, передачи, получения информации, то количество ее участников всегда больше или равно двум. К данной предлагаемой дефиниции могут быть отнесены и случаи вербализуемых внутренних разговоров, монологической автокоммуникации (если рассматривать данные случаи как «внутренний» разговор с предполагаемым собеседником или реальным партнером), также «общение» человека с самим собой, со своим alter ego; однако в подобных ситуациях возникают различные нюансы, которые не позволяют однозначно отнести такого рода «общение» к подобным в прямом смысле этого слова.

¹³¹Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.

¹³²Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. С 51.

¹³³Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.

Возможно деление коммуникации на успешную и неуспешную. Успешная коммуникация – это прежде всего адекватная коммуникация, результатом которой считается практически абсолютное, но обязательно удовлетворяющее потребности и цели общающихся, обоюдное понимание и согласие сторон. Неуспешная коммуникация имеет признаки коммуникативного сбоя и коммуникативного провала, характеризующихся неадекватной коммуникацией, полным непониманием участниками коммуникации друг друга, фрагментарным взаимопониманием коммуникантов. Среди причин, определяющих адекватную коммуникацию, а именно успешное ее течение, в числе главных также необходимо вычленить некоторое сходство «знаний» коммуникантов. Последователи теории речевой коммуникации отстаивают существенность определенного единства социального опыта, хотя и говорят о его неполноте¹³⁴. Понятия «общность социального опыта» и «общий фонд знаний» могут быть отождествлены, при условии анализа данных явлений с позиции рассмотрения конкретного коммуникационного акта и осмысления социального опыта как совокупности знаний и представлений, получаемых субъектом в ходе социализации. Обоюдное понимание и согласие сторон достижимо при обязательном выполнении следующих условий: 1) коммуниканты должны обладать общностью знаний об используемом языке и общностью навыков речевого общения, 2) участники общения должны иметь общие знания о мире в форме образов сознаний¹³⁵. Первое, бесспорно, сопоставляемо с общностью лингвистических когнитивных структур, второе – феноменологических. Говоря иначе, абсолютно понятно, что для коммуникации участникам общения необходимо единство знаковых средств и некоторые общие позиции социального опыта. И хотя второе условие труднодостижимо, тем не менее можно говорить о потенциальной вероятности области пересечения индивидуальных когнитивных пространств участников коммуникации, достаточной для адекватной коммуникации.

По мнению Ю. А. Шрейдера, «идеальная коммуникационная ситуация» имеет место не при полном совпадении смысла и

¹³⁴ Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания М., 1996, С. 7–22.

¹³⁵ Там же.

содержания, так как это, в принципе, неосуществимо, а в том случае, когда происходит согласование содержания, которое автор облачил в текст, с получаемой адресатом семантической информации. Для этого необходимо не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементами – «фокальных точек»¹³⁶. Последние имеют связь не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией. Как достоверно заявляют И. Н. Горелов и К. Ф. Седов, незнание действительности, которая стоит за высказыванием, может стать причиной коммуникативных недоразумений¹³⁷.

Для успеха коммуникации необходим, по мнению М. Л. Макарова, коллективный фонд знаний и верований, а именно, у коммуникантов в феноменологическом поле обязательным является общий комплект контекстуальных пропозиций — общий пресуппозиционный фонд, без которого совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или невозможна¹³⁸. Пресуппозиция представляет собой общий фонд знаний и опыт, общие исходные данные, которыми обладают участники коммуникации. Иными словами, можно говорить о наличии зоны пересечения когнитивных пространств коммуникантов, которая становится актуальной в процессе общения, значима «здесь и сейчас».

Особого внимания для нашего исследования, на наш взгляд, заслуживает анализ интеракционной модели коммуникации, которая предполагает рассмотрение речевого взаимодействия с позиции изучения социально-культурных условий коммуникации. Данная модель основывается на следующем принципе: общение происходит не как передача информации, а как представление смыслов, не всегда направленных на реципиента. Коммуникативный акт совершается при любых условиях, независимо от интенции говорящего это делать и расчета данного высказывания на восприятие слушающим. Действие, бездействие, речь, молчание могут оказаться коммуникативно значимыми в

¹³⁶ Шрейдер Ю. А. Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980. С. 32–48.

¹³⁷ Горелов И. Н. Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. Изд-е 3-е, переработанное и дополненное. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. 304 с.

¹³⁸ Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.

определенных ситуациях. Для интеракционной модели коммуникации характерна ситуативная обусловленность речи, что проявляется в использовании обширного социально-культурного контекста.

Семантическая коммуникация представляет собой выраженные смыслы, проявляемые явно или скрыто, реально существующие, являющиеся составной частью ситуации, имеющие свою рефлексию в дискурсе и важные, своевременные для коммуникативного акта. Термин «дискурс» одновременно общеизвестный и недостаточно определенный, был предложен Ю. Хабермасом для определения вида речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни. В научной лингвистической литературе под дискурсом принято понимать комплекс текстов с учетом их экстралингвистических параметров; для социологии, социальной семиотики и политологии дискурс определяется как общение, характеризуемое реализацией определенных дискурсивных практик (по Фуко); в логике, социологии и социальной семиотике, философии, дискурс – это прежде всего тип речевой коммуникации, основывающийся на рациональном критическом рассмотрении ценностей, норм и правил социальной жизни (по Хабермасу). Коммуникация без дискурса не представляется возможной, так как дискурс, содержащий в себе лингвистические и экстралингвистические компоненты, выявляется в коммуникации и в ней работает, выполняет свои функции. Коммуникативное сознание обуславливает коммуникативное поведение индивида. Сознание человека «есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, понятий»¹³⁹. Коммуникативное сознание – это «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека».¹⁴⁰ Это набор ментальных коммуникативных категорий, совокупность общепринятых и обязательных для членов общества правил коммуникации, коммуникативные установки сознания. Языковое сознание,

¹³⁹ Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. С. 61.

¹⁴⁰ Попова З. Д. Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. С. 29.

представляющее собой знание системы средств языковых, их значений и правил применения в речи, является одной из составляющих коммуникативного сознания субъекта. В языковом сознании посредством ассоциаций образуются семантические поля, близкие по значению лексические единицы объединяются в общности. Выявленное семантическое поле состоит из центра и периферии, для которой характерно ослабевание связей между словами. Основные смысловые содержания слов, образующие различные семантические поля, придают конкретизации в речевом контексте. В нашем сознании слова связываются по смыслу и по форме, однако важно понимать, что связь по форме значительно слабее смысловой связи.

Ассоциации, под которыми мы понимаем связь между отдельными психическими актами, такими как представления, мысли, эмоции, при которой один называет другой, могут быть синтагматическими (например, дом – большой, светлый, построить) или парадигматическими (дом – жилище, шалаш, убежище; дом – любовь, уют т. д.) Парадигматические ассоциации, в свою очередь, могут образовать отношения синонимии (причина – следствие), антонимии (рано – поздно), гиперонимии (учитель – преподаватель), гипонимии (цветок – роза). Очевидно, что ассоциации во многом имеют национальную детерминированность и маркированность, что приводит к их различию у представителей разных культур. А. А. Залевская иллюстрирует данное утверждение следующим примером¹⁴¹: русская нация имеет одну ассоциацию со словом «хлеб» – это соль, реакция французов – вино, у немцев и американцев – масло, узбеки в первую очередь думают о чае, когда слышат слово «хлеб». Кроме того, что ассоциации национально обусловлены, они отражают и тот социум, к которому принадлежат: «тройка» – оценка у обучающегося в средней школе; лошадей – у русского человека в конце IX– начале XX веков; орган НКВД – у государственных служащих и простых граждан советского периода; костюм – у модельера, вид шагов – у фигуриста, фортепианная пьеса Родиона Щедрина – у музыкантов.

Разница между языковым и коммуникативным сознанием видна в следующем примере. Так, при коммуникативной ситуации выражения комплимента, языковое сознание содержит информацию о формулах, применяемых для комплиментов (о

¹⁴¹ Залевская А. А. Введение в психолингвистику М., 1999. 349 с.

языковых единицах для комплимента: Вы прекрасно выглядите; Вы молодо выглядите; Какое у вас тонкое чувство юмора; Какой у вас изысканный вкус; Вы, как всегда, неотразимы; Отличное платье (костюм, галстук); Круто выглядишь), а также об их дифференцированных значениях (комплименты разным адресатам (различие по половому признаку, возрастному, социальному и т. д.). Данная информация является принадлежностью языкового сознания человека. Коммуникативному сознанию «принадлежит» информация о том, как надо говорить комплимент (с какой интонацией, на какой дистанции, в какой ситуации); кому можно сказать комплимент, а кому нет; как можно сказать комплимент (прямо или косвенно); как обратиться к человеку с комплиментом (на вы или на ты); чему можно сделать комплимент (внешнему виду, стараниям, поведению, умениям). Языковое сознание, понимаемое в рассмотренном нами смысле, является составной частью коммуникативного, но не исчерпывается им.¹⁴²

Коммуникативное сознание формируется из совокупности ментальных коммуникативных категорий и концептов, заключающих в себе знания об устройстве и организации самой коммуникации, наборе общественных установок и положений, лежащих в основе общения, а также коммуникативные принципы сознания.

Исследование и анализ коммуникативного сознания исходит из изучения и описания составляющих его элементов, вычленения того, что образует коммуникативное сознание. Коммуникативное сознание включает контекстные, интеракциональные и языковые знания.¹⁴³

Контекстные знания имеют статус внеязыковых, но являются коммуникативно-релевантными и входят в качестве неотъемлемой составной части в коммуникативное сознание языковой личности. Являясь компонентом коммуникативного сознания, контекстные знания не несут в себе собственно коммуникативного характера, но обеспечивают постижение взаимоотношений участников общения в процессе коммуникации. Это та совокупность знаний, которая необходима для того, чтобы определить разновидность коммуникативной ситуации, получить сведения об области и

¹⁴²См.: Попова З. Д. Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. С. 29.

¹⁴³ Гришаева Л. И. Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. 4-е издание. М.: Академия 2007. С. 270-271.

обстановке общения, выявить степень формальности или неформальности акта; понять коммуникативный статус участников общения, который зависит от социальных и коммуникативно-ролевых отношений между ними, физической и социальной дистанции между коммуникантами, с темой и предметом общения.

Интеракциональные знания устанавливают тематику и степень уместности данного разговора, возможных в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Эти знания влияют на то, какие виды речевых актов разумно применить и в какой последовательности их надо производить. Они определяют возможные виды реакции на те или иные речевые акты собеседника.

Языковые знания – это совокупность сведений о системе языка, о правилах образования и функционирования единиц языка, о том, какими языковыми средствами (словами, выражениями, интонацией) необходимо выразить какое-либо коммуникативное намерение. Языковые знания – это языковое сознание индивида.

Коммуникативное сознание является неотъемлемой составной частью языкового сознания. Наука о коммуникативном поведении изучает как само вербальное и сопровождающее его невербальное поведение человека во время общения, объективируемое речевой деятельностью говорящего в процессе коммуникативного акта, так и социальные, социально-психологические идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением, конкретные стереотипы мышления и поведения, определенные поведенческие рекомендации по реализации принципов, существующие как некоторые абстракции, как обязательные составляющие коммуникативного сознания человека, определяющие его настоящее коммуникативное поведение.

Язык можно рассматривать с точки зрения двух взаимопротиворечащих суждений, каждое из которых истинно и допускает одинаково убедительное логическое обоснование. С одной стороны, язык рассматривается как результат человеческой деятельности, как своего рода соглашение, так как факт его наличия вне тех, кто думает и говорит на нем, невозможен, с другой стороны, очевидна сила языкового воздействия, более того, для любого социума язык был и остается лишь продуктом. Антиномичная характеристика языка, таким образом, выступает

подтверждением одного из главных положений идеи социального конструирования реальности: сотворенный человеком продукт воздействует на своего создателя.

Язык – это обязательная часть жизни человека: человек сообщает о себе как о личности, проявляет себя в мире главным образом посредством языковой коммуникации, с помощью языка человек как личность вступает в социальные отношения, подчиняется определенному порядку и правилам межличностные связи, язык хранит в себе все накопленные народами знания и жизненный опыт, передающийся из поколения в поколение и т. д. Все это обуславливает особое положение языка и позволяет ему диктовать условия своему создателю.

Язык, бесспорно, имеет влияние на сознание каждого индивида. Происходит это в связи с тем, что человек постигает и принимает язык как некий факт, переданный ему обществом. Овладение языком становится обязательным условием жизни человека позволяющим подчинить своему влиянию внешний мир, приобрести способность к существованию в окружающей среде, выстроить взаимоотношения с другими. Язык имеет непосредственную близкую связь с процессами нашего мышления, без него невозможно понижение окружающей действительности. Гипотеза лингвистической относительности (гипотеза Сепира – Уорфа), предполагающая, что структура языка влияет на мировосприятие и мировоззрение его носителей, предпринимает попытку привести доказательства, что наше мышление обуславливается языком, усвоение которого происходит в процессе социализации. До настоящего времени спорным остается вопрос о том, какова степень влияния отличительных черт национальных языков на мышление и поведение людей.

Так или иначе, исходным пунктом является коммуникативная личность, формулирующаяся и проявляющая себя в языке, сквозь язык: без личности не может быть ни речевого общения, ни социального взаимодействия. Если принять во внимание такой признак языка, как амбивалентность, то станет понятно, что, с одной стороны, происходит подчинение языка личностью в связи с удовлетворением потребностей в общении, когнитивных и экспрессивных нужд, с другой стороны, возникает вынужденное принятие стандартов и правил, предписанных им. Противостояние

этих направлений представляется ключевым противоречием в формировании и развитии коммуникативной личности.

В соответствии с вышеприведенными обстоятельствами представлены два уровня в структуре коммуникативной личности: языковой уровень, т. е. уровень знания языка как такового, предполагающий владение фонетической, лексической, грамматической, синтаксической и стилистической системами языка; и уровень речи, т. е. уровень использования языка. Данные уровни могут быть представлены шире, а именно: уровень типизаций, конвенций, правил (уровень парадигм, инварианта), уровень ситуативности (уровень синтагм, вариативности), включающий в себя коммуникативное поведение, мотивы, стратегии общения и т. д. Выделенные уровни связаны друг с другом, так как, с одной стороны, правила и нормы находят свою реализацию в контексте, с другой – взаимодействие в различных ситуациях становится причиной появления правил. Уровни типизаций и ситуативности могут проявлять себя как в языковой среде, так и за ее пределами.

Идеализации, типизации, конвенции, абстракции, парадигмы, социокультурные образцы представляют собой обязательные составляющие социальной реальности, формируемой людьми, и прочно обосновываются в устройстве и организации повседневного мышления, придавая порядок реальности и приводя ее к «доверяемой». П. Бергер и Т. Лукман утверждают, что типизации являются главными механизмами социального конструирования реальности.

Типизации сами по себе будут иметь значение в конструировании реальности при условии взаимности и одобрения со стороны группы. В общем смысле роль конвенций в конструировании реальности заключается в содействии тому, что какие-либо явления будут рассматриваться группой как реальные. Любая группа может сконструировать свой собственный особый мир во время взаимодействия, и этот мир будет постоянно интерпретироваться участниками группы. Наше существование происходит не просто в мире, а в непрерывно трактуемом нами мире, в мире конкретных типизаций, толкований, интерпретаций, в мире порядка.

Типизации являются одновременно и средством успешного общения, и его результатом. При этом в повседневной жизни

происходит не только применение окончательно сформировавшихся типизаций для трактовки окружающих и явлений повседневной жизни, но во взаимодействии имеет место и процесс выработки новых, тех, которые обеспечат им согласие с другими и с окружающим миром. Значит, повседневное взаимодействие характеризуется как непрерывное выполнение герменевтических операций, а само общество – как процесс понимания.

Типизации существуют как вне языка, так и непосредственно в самом языке, являющемся основной сферой их функционирования и экспликации. Язык как система знаков представляет собой хранилище типизаций (словарь и синтаксис повседневного языка именуется Шюцем «типизирующим медиумом *par excellence*») и предоставляет их для использования, а речь как использование языка в разнообразных ситуациях дает возможность выработки типизаций.

Социальная реальность есть коммуникативный процесс, поскольку она ежедневно возобновляется или творчески восстанавливается по средствам установленных коммуникативных актов. С помощью речи происходит не только процесс понимания друг друга, но и формирование нашей совместной реальности. Достоверно и то, что intersубъективность инициирует разговор, и то, что разговор делает возможной intersубъективность.

Можно также говорить о постоянном процессе конструирования реальности, поскольку она представляет собой «процесс исполнения», что особо выделяется в пределах этнометодологии, согласно которой, взаимные отношения могут быть объяснены как установление правил, как процесс разъяснения их значений. Интерпретируя явления, человек строит и собственное взаимодействие, в действительности представляющее собой уже объективную социальную структуру. Позиции философской герменевтики в данном рассмотрении приобретают особую актуальность. Они имеют прямое отношение к проблемам повседневной коммуникативной и интерпретативной деятельности.

Когда речь идет о взаимоотношении типизаций и ситуативности, особое внимание заслуживает рассмотрение антитеза двух традиций в аналитической философии: репрезентационизма и интенционализма. Интересна интерпретация данного вопроса,

представленная Г. Г. Хазагеровым¹⁴⁴, решающим проблему путем анализа двух «осей»: «оси интенции» и «оси конвенции». Данное видение проблемы отношения типизаций дает возможность не отрицать ни одну из концепций, принимать их опосредованную связь и уклоняться от спорных утверждений относительно истинности/ложности оснований репрезентационизма/интенционализма. Безусловно, владеть языком не значит просто знать его: это умение применять данное знание при осуществлении определенных коммуникативных вопросов в требуемых или обстоятельствах.

Установки и положения, лежащие в основе процессов конструирования реальности, имеют первостепенную значимость, но, с одной стороны, они не могут выполняться безукоризненно в любой ситуации взаимодействия, поскольку каждый индивид – это единственный в своем роде феномен, имеющий свои мотивы, идеи, понимание ситуации и в конце концов свое настроение в момент совершения какого-либо действия. Правила необходимо корректировать, подвергать личностной переработке, «подгонять» к определенному контексту применительно к конкретной ситуации. В социальных коммуникациях особую значимость имеет не только сам текст (его формальный план), но и *кон*-текст и *под*-текст, требующие дополнительной глубокой интерпретации. Контекст, в свою очередь, важен и в лингвистическом плане, и в плане социальном.

Полное скептицизма отношение к коммуникативным нормам (в частности, к коммуникативным постулатам Г. П. Грайса¹⁴⁵) связано с тем, что в повседневном дискурсе они подвергаются намеренному и ненамеренному нарушению. Более того, наряду с конвенциональностью в языковой и речевой деятельности определенное место занимает игровой момент (хотя игры также основываются на правилах). В целом знаку свойственно стремиться к константности, он обладает относительным постоянством во времени, однако данное его качество располагается в непосредственной близости со свойством переменчивости, выражающейся в том, что знак расширяет границы или плана выражения, или плана содержания. При этом вариативность

¹⁴⁴ Хазагеров Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 01–02. С. 40–62.

¹⁴⁵ Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 217–237.

должна иметь некоторые пределы для обеспечения сохранности устойчивости системы.

Коммуникативные постулаты могут также нарушаться ввиду того, что говорящие намеренно действуют агонистически. Данному виду поведения характерны конфликтность, отсутствие взаимных уступок, желание обидеть, унижить собеседника, намеренная разрозненность усилий и т. д. Однако рассмотренные формы социального и речевого поведения выходят за рамки рассмотрения данной работы: с точки зрения социального конструирования реальности, а также с позиций социального взаимодействия данное поведение принято считать неэффективным.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что уровень ситуативности, применения правил, норм и установок, уровень речи также существенен, как и уровень правил. В связи с этим можно назвать такие свойства ежедневного общения, как наделение слова в практике его употребления эмоциональными и ассоциативными «отделками» (fringes), «социальное распределение знания», увеличение границ и «размытости» лексического значения слова, отсутствие определенности в языке обыденности, что, не соответствуя обычным представлениям, создает все необходимые условия для продуктивности языка.

Реальность повседневной жизни составлена из многообразных подсистем, функционирование которых определяется наличием различных социальных групп. Вхождение в состав конкретной нации или народа, отнесенность к какой-либо профессии, возрастной категории, полу означает принадлежность к особой подсистеме, которая обладает определенным запасом знания, опытом, константами и системами ценностей, своим «частным кодом». Символика и знаковость общения, имеющая вербальный и невербальный характер, приобретают большее значение в более закрытых группах.

Необходимо отметить, что существуют разные аспекты функционирования языка, обеспечивающие бытие различных социальных общностей, представляющих собой совокупность индивидов, объединенных одинаковыми условиями жизнедеятельности, ценностями, интересами, нормами, социальной связью (нации, профессиональные, гендерные объединения, молодежь и т. д.).

В языке накапливаются и сберегаются знания национальной культуры и культуры в целом, определяется форма ее существования. Социальный генезис нашего знания о мире по большей части является «социально одобренным». Родной язык транслирует данное знание, а словарный состав, морфология и синтаксис неизменно воспроизводят ту систему релевантностей, которая одобрена тем или иным языковым сообществом. Обязательными составляющими элементами национального языкового сознания являются не только структуры языка, но и традиционные установки общения, нормы и правила речи. Несмотря на противоречивость гипотезы лингвистической относительности и других учений, убеждающих, что используемый людьми язык обуславливает их мышление, важно учитывать, что формальное и смысловое своеобразие языков предполагает самые разнообразные способы конструирования мира.

Язык, несомненно, является одним из «маркеров» этничности, одной из самых важных этнических ценностей, но он есть и первостепенный этноразличительный признак: благодаря национальному языку становится очевидным рубеж между «своими» и «чужими». В результате применения данного разграничения проявляется инвективизация лиц, представляющих интересы другого народа.

Следует заметить, что профессиональный образ мира предполагает наличие не только некоторого запаса знаний, но и связанный с ними терминологический аппарат. Более того, зачастую, представители профессиональных сообществ говорят на профессиональном жаргоне, характеризующемся определенной манерой речевого поведения, употреблением конкретных сниженных лексических единиц и т. д. Отличительными чертами профессиональных языков являются коммуникативная ограниченность, адресованность избранным, овладение ими позволяет носителю заявить о профессионализме и отнести себя к сообществу, окружению, определить его принадлежность к некоторой группе, а группе установить его тождественность с ней и принять как «своего», вследствие чего появилось понятие «профессиональный образ мира».

Многими исследователями вычленяются константные черты женского и мужского коммуникативного поведения. Следует сказать, что есть и те, кто не выражает согласие с данной позицией,

часто устанавливается недостаточность оснований для категоричного вывода о присущих необходимых, существенных и неотъемлемых чертах мужской и женской речи: обращается внимание на то, что данные специфики есть лишь тенденции употребления. В теории гендерной лингвистики говорится, что отмеченные отличия ярко проявляются в неформальном общении, а выравнивание социального положения ведет к их сглаживанию. Половое разграничение имеет и другое измерение в языке: существует мнение, что сам язык имеет ориентацию на мужчин и утверждает их доминирование в социальном пространстве, что является проявлением «лингвистического сексизма».

Язык может также являться одной из главных характеристик возрастных общностей. Например, основная функция молодежного языка заключается в определении и утверждении себя как представителя молодежной среды: язык несет функцию своеобразной «визитной карточки», пароля, дает понять окружению о принадлежности к молодежному кругу общения, а также занять обособленное от взрослых положение. Язык молодежи является как бы способом творческого выражения своей индивидуальности, служащий приемом карнавализации, некой «коллективной маской».

Приведенный выше анализ роли языка подтверждает неразрывную связь сознания и бытия социальных групп с языком. Социальные группы конструируют свои реальности, и в этом процессе языку принадлежит решающая роль. Язык сопровождает социум абсолютно во всех сферах человеческой деятельности, ему отводится главная роль в накоплении, трансляции знаний. Язык отражает социальное устройство общества, он является средством разграничения социальных групп друг от друга, но, с другой стороны, он является и средством объединения участников того или иного сообщества.

Особую значимость имеет вопрос реификации, затрагивающий социальный порядок и выражающийся в системе социальных институтов. Наряду с тем, что люди нуждаются в определенных операциях, обеспечивающих «онтологический порядок», нельзя не учитывать то, что сформированные людьми модели, объективируясь, реифицируясь, предстают по отношению к ним как внешняя сила. В теории социального конструирования реальности особая значимость придается тому, что социальный

порядок представляет собой лишь следствие деятельности индивидов, вернее, непрерывное человеческое производство, в большей или меньшей степени удовлетворяющее потребности людей, и никаким другим онтологическим статусом обладать не может. Существование социальных институтов обеспечивается их непрерывающимся воспроизводством в повседневных практиках индивидов. С данной позиции возможно соотнесение социальных институтов с языком.

Если сравнить идеи теории социального конструирования реальности с идеями структурализма, то можно сделать следующий вывод: структурализм в целом был направлен на идею вне- и надындивидуальной детерминированности бытия и сознания, а теория социального конструирования реальности отвергает абсолютную зависимость людей от структур, стремясь показать диалектику взаимоотношений индивида и общества.

Опираясь на сравнение концепций теории социального конструирования реальности с идеями теории речевых актов можно заключить, что, хотя в теории социального конструирования не акцентируется внимание на перформативах, процессы хабиутализации, объективации и т. д. несут в себе смысл «перформативности».

Роль языка для функционирования социальных институтов настолько велика, что очевидным становится следующий факт: язык имеет очень тесную связь с существованием, воспроизводством социальных институтов, так как именно язык обеспечивает передачу от поколения к поколению соответствующих знаний, приводящих к легитимации институтов новыми поколениями. Без фиксации речи в письменном слове немислим переход к цивилизации, без фиксированного слова неосуществимыми становятся такие формы общественного сознания, как право, философия, наука.

Социальный мир – это конструкция, творение, созданное нами. Именно этим обусловлена необходимость понимания ответственности за свою деятельность.

Таким образом, социальная реальность представляет собой коммуникативный процесс, реализуемый коммуникативными (языковыми) личностями. Коммуникативная личность – это обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных действий, ценностей, знаний,

установок и поведенческих реакций. В процессе коммуникации социальная реальность конструируется на уровне типизаций, (парадигм, инварианта) и уровне ситуативности (синтагм, вариативности), Данные уровни взаимосвязаны.

2.2 Современные константы языка культуры в парадигме социальной реальности

Семантическая коммуникация представляет собой знаково-символьную сущность, систему знаков и их связей, через которую координируются ценностно-смысловые формы и структурируются уже имеющиеся или снова появляющиеся представления, образы, воззрения и иные смысловые конструкции. Раскрытие внутреннего смысла, структур интеграции в контексте символизма и концептуализма требует рассмотрения процессов проявления и функционирования универсальных констант в социуме и культуре¹⁴⁶.

Говоря о понятии парадигмы, необходимо отметить, что первыми его стали употреблять древнегреческие философы. Понятие «образец» (от греч. *παράδειγμα*, *paradeigma*)¹⁴⁷, «парадигма» представляет собой один из терминов, присущих философии Платона, ту ключевую идею, исходя из которой, представляется возможным создавать прочие идеи или предметный мир в целом¹⁴⁸. Так, в его трудах парадигма интерпретировалась в качестве образца, модели, прообраза применительно к эйдосу, а также как обоснование: «Так разъясни же мне относительно этой идеи – что именно она собой представляет, дабы, взирая на неё и пользуясь ею как образцом, я называл бы...».¹⁴⁹

В современной западноевропейской философии понятие парадигмы появилось благодаря Томасу Сэмюэлу Куну, который использовал его при характеристике такого социального института, как наука. Изначально он считал, что парадигмы – это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений».¹⁵⁰ Данное им определение парадигмы стало до такой степени эвристичным, что повлекло за собой в западноевропейской культуре возможность объяснения специфики развития науки как социального института. Впоследствии Томас Сэмюэл Кун расширил предложенный им термин до «дисциплинарной

¹⁴⁶ Kiernan J., Meier J., Xiqiao W. Negotiating Languages and Cultures: Enacting Translingualism through a Translation Assignment // *Composition Studies*. 2016. Vol. 44. Issue 1. P. 89–107.

¹⁴⁷ См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. С. И. Соболевского. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1958. 860 с.

¹⁴⁸ Платон. Евтифрон / Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.

¹⁴⁹ Там же. С. 255.

¹⁵⁰ Кун Т. Структура научных революций: монография / пер. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. С. 11.

матрицы»¹⁵¹, в которую он включил, помимо первоначального феномена самой парадигмы, и «символические обобщения», и «метафизические части парадигм», то есть «убеждения в специфических моделях», содержащих «эвристические варианты». В силу этого данные «метафизические части парадигм» обеспечивают «научную группу предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами»¹⁵². По мнению Т. С. Куна, структура дисциплинарной матрицы также включает ценности, которые, «оказываются принятыми среди различных сообществ более широко, чем символические обобщения или концептуальные модели»¹⁵³. Парадигма, интерпретируемая в первом значении, при этом стала частью дисциплинарной матрицы наравне с символическими обобщениями, метафизическими составляющими и ценностями. Т. С. Кун уже рассматривает её как «образец»¹⁵⁴.

Т. С. Кун представил присутствие и функции парадигмы в науке как социальном институте, отметив основные проявления как раз в прескриптивности, полагая, что парадигма не в полной мере раскрывает вероятный потенциал поиска новых научных позиций и подходов.

Представляется возможным говорить о том, что и Платон, и Т. С. Кун, по существу, рассматривают одно и то же явление – некий инвариантный социальный механизм, выявляемый в социуме как неотъемлемый компонент познавательных процессов и деятельности в целом, действующий аналогично на всех структурных уровнях и во всех сферах социальной системы общества. Имеется в виду, что социум – это исторически сложившееся конкретное сообщество людей (народ, этнос, население), связанное социальными взаимодействиями. В рамках социально-гуманитарного знания при изучении социума этот инвариант выявлялся не раз, но при этом неодинаково именовался исследователями. Такие разночтения объясняются тем, что подобный инвариант в любом исследовании обнаруживался при использовании неодинаковых методологических предпосылок, в различных социальных сферах бытия, на всех его уровнях.

¹⁵¹ См.: Кун Т. Структура научных революций / пер. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. С. 229.

¹⁵² Там же. С. 230-231.

¹⁵³ Там же. С. 232.

¹⁵⁴ Там же. С. 235.

Одну из первых, древнейших форм действия данного инвариантного механизма представляет собой миф. Древнегреческий термин μῦθος означал наравне с общепризнанным в настоящее время понятием ещё и другие – «совет, указание» (μῦθον ἀμείνονα νοῆσαι Ном.)¹⁵⁵, «предмет обсуждения», «вопрос». С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский считают, что «всё происходившее в мифическом времени приобретает значение парадигмы..., рассматривается как прецедент, служащий образцом для воспроизведения уже в силу того, что данный прецедент имел место в «первоначальные времена»»¹⁵⁶. Б. Малиновский утверждал, что функции мифа в древних обществах были утилитарны. В них миф направлен на поддержание традиции и константность племенной культуры, «кодифицирует мысль, укрепляет мораль, предлагает определённые правила поведения и санкционирует обряды, рационализирует и оправдывает социальные установления»¹⁵⁷, иными словами, осуществляет, помимо прочих, и парадигмальные функции. Клод Леви-Стросс говорит о парадигматической структуре мифа¹⁵⁸. Бесспорно, такой инвариантный феномен связан с традициями.

Рут Бенедикт определяет этот же инвариант как паттерн культуры¹⁵⁹, у Кребера Альфреда Луиса он представлен как культурный паттерн¹⁶⁰. Очень сходны с инвариантом «парадигма» экзистенциальные целеустановки, рассматриваемые А. Я. Флиером. По его мнению, они выступают регуляторами как сознания людей, так и их социального поведения¹⁶¹. Можно утверждать, что парадигма представляет собой некоторую разновидность таких целеустановок. Кроме того, отмечается связь и очевидная схожесть между экзистенциальными целеустановками и эпистемами Мишеля Фуко. А. Я. Флиер отмечает, что «доминантное проблемное поле, которое на том или ином историческом этапе определяет иерархию понятий мировоззрения и мотиваций деятельности общества»¹⁶², не тождественно целеустановкам. Это, скорее, источник, обстоятельство, приводящее к их формированию. Эпистема у М.

¹⁵⁵ См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь... М., 1958.

¹⁵⁶ Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология (вступительная статья) // Мифы народов мира. Энциклопедия: 2 т. Т. 1 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия. 1991. С.13.

¹⁵⁷ Цит. по: Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология ... С. 17.

¹⁵⁸ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

¹⁵⁹ Patterns of Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p.

¹⁶⁰ Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. 2004, М.: РОССПЭН. 1006 с.

¹⁶¹ Флиер А. Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры, 2011, № 2. С.7.

¹⁶² Там же.

Фуко представлена в качестве исторического априори, которое задает условие вероятных форм культуры и конкретных форм знания. При этом в ее ядре присутствуют неявные структуры, обуславливающие способ упорядочивания всего того, что обладает подлинным и самостоятельным (вещественным или метафизическим) бытием в словах и выявляемые в системе синхронических изоморфизмов феноменов культуры. Иными словами, эпистема есть культурная универсалия, определяющая способ структурирования мира.

Такой инвариант рассматривается Эдвардом де Боно в управленческом, творческом, психологическом контексте в качестве паттерна мышления — константной совокупности связей, закрепленных в индивидуальной или коллективной памяти¹⁶³. Паттерны выступают для социальных субъектов в качестве средства коммуникации. Он утверждает, что «паттернообразующее поведение составляет основу восприятия», появляются «такие аспекты восприятия, как распознавание, дифференциация, поляризация, центрирование, юмор, озарение, творчество»¹⁶⁴, а кроме того это дает возможность оценить достоинства и несовершенство языка. Система кодов становится результативнее, эволюционируя в знак, язык и письменность.

Главными признаками паттерна, согласно де Боно, являются:

1) способность активизироваться полностью при активизации каждой своей части. Это получает название «код». В частности, иногда достаточно услышать название памятного для человека места, чтобы навеять на него воспоминания. То есть всякая часть паттерна представляет собой код, запускающий весь паттерн;

2) контроль над вниманием. В случае если мощный паттерн овладевает вниманием, все происходящее может восприниматься сквозь его призму;

3) способность к росту. Паттерны увеличиваются, соединяются с прочими паттернами или поглощают их. Не имеется естественного механизма для того, чтобы прекратить рост паттерна. Паттерн может перестать соответствовать актуальной информации, но его рост продолжится;

¹⁶³ См.: Эдвард де Боно. Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач = *LateralThinkingAnIntroduction*. М.: Альпина Паблишер, 2015. 172 с.

¹⁶⁴ Эдвард де Боно. Я прав – вы заблуждаетесь. М.: Изд-во «Попурри», 2006. 368 с. С. 14.

4) постоянство. Вследствие этой особенности паттерн может применяться для коммуникаций. Именно потому бывает весьма непросто поменять отживший паттерн;

5) инкапсуляция. Паттерн направлен на совершенное овладение включенной в него информацией, становящейся, в результате, доступной только лишь в границах этого паттерна, даже если при этом она касается и других паттернов;

6) хронологичность. Паттерны создаются по мере поступления информации и потому находятся в зависимости от очередности её поступления. Это значит, что размещение информации в паттерне хуже, чем могло бы быть, что не исключает потенциальную возможность создания безукоризненной модели.

И. Гофман в своей теории рассматривает инвариант в качестве фрейма.¹⁶⁵ Терминологические аналоги фрейма – рамка, схема, план, шаблон, штамп, сценарий, гештальт, прообраз, парадигма (в лингвистике), дисциплинарная матрица (в наукознании). В трудах отечественных мыслителей он нередко рассматривается как культурный образец.¹⁶⁶ Парадигму научно-познавательную и парадигму взаимодействия выделяет Э. А. Орлова¹⁶⁷. Она предложила понятие «привычных паттернов активности», рассматриваемых в качестве сравнительно стабильных последовательностей «взаимосвязанных физических и интеллектуальных операций, предназначенных для выполнения определённых функций», зачастую осуществляемых «автоматически»¹⁶⁸. На наш взгляд, такое понятие представляет собой близкую производную от понятия «парадигма». Е. Я. Режабек, А. А. Филатова анализируют инвариантный механизм, трактуя его в качестве «когнитивных паттернов, внедрившихся в сознание любого человека, аппаратное обеспечение интеллекта»¹⁶⁹.

В рамках синергетики инвариант рассматривается как трансдисциплинарный концепт, именуемый репликатором. Он

¹⁶⁵ Цит. по: Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 42.

¹⁶⁶ См., напр.: Аванесова Г. А. Образец культурный // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 325–326.

¹⁶⁷ Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.

¹⁶⁸ Орлова Э. А. Понятие «Образ жизни» в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. 2011, № 2. С. 34.

¹⁶⁹ Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология: учебное пособие. СПб.: Алетейя, 2010. 316 с. С. 13.

универсален для любых сложных самоорганизующихся систем. В некоторых исследованиях, согласно Б. Н. Пойзнеру, инвариант фигурирует как «мем», «культурген», «стиль жизни», «культурон»¹⁷⁰.

Тем не менее атрибутивная, в том числе предписывающая, особенность показанного инвариантного механизма относительно парадигмы при любых условиях постоянна. В сфере познавательных процессов это не только тривиальное воспроизводство (репликация) отдельных объемов знаний и технологий, обеспечивающее культурную целостность и устойчивость общества на том или ином этапе истории (например, подходов, стереотипов, форм власти и управления), но и их критичное оценивание по принципу «подобия – отличия» с целью воспрепятствования реализации и распространению тех, которые имеют отличия от общепринятых форм. В сфере социальных связей, отношений и взаимодействий такой инвариант не только осуществляет интегрирующие функции (например, дает возможность ощутить единство), но и позволяет различным социальным группам не отождествлять себя с теми, кто следует отличным от принятых ими образцам, парадигмам, паттернам, эпистемам. Такие функции отвечают религиозным, политическим и другим идеологическим установкам. Помимо прочего, инвариант выражается в конформности, то есть в овладении установленными групповыми нормами, привычками и ценностями, представляющими собой «необходимый аспект социализации личности и предпосылка нормального функционирования любой социальной системы»¹⁷¹. Однако, надо отметить, с точки зрения автора работ в области социальной психологии Сержа Московичи¹⁷², в конфликтной ситуации возможно согласие большинства (социальной группы) или его частью с точкой зрения меньшинства (индивида), то есть это есть противоположный конформности процесс.¹⁷³

Так или иначе, фундаментальные универсальные операции – сравнение и различение – представляют собой исходные точки исследования действия инвариантного феномена. Как раз на них и

170 Пойзнер Б. Н. Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и их схемах // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс–Традиция, 2009. С. 85–95.

171 Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Издание 3-е. М.: Сов.энцикл., 1969–1978.

172 Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.

173 Словарь практического психолога. Минск, Харвест, 1988. С. 239–240.

основывает свою теорию системного исследования Никлас Луман, утверждая, что отправной точкой всякого системно-теоретического анализа выступает отличие системы от окружающего мира. Такое отличие он определяет как «парадигма теории систем».¹⁷⁴ Действительно, функционирование парадигмы неизменно начинается со сравнения и обнаружения отличий в когнитивном аспекте и раскрывается на итогах этих операций. Это верно для всех конфигураций данного инварианта.

Бесспорно, генезис и особенность такого инварианта имеют социальные характеристики. Он является имманентным общественному бытию и социальному действию, поскольку выступает в качестве одного из механизмов культуры.

Парадигма (миф, паттерн, эпистема, константа, образец) при всей ее независимости и важности появляется и присутствует в сознании, иными словами, она продуцируется сознанием в исторически конкретном социуме. Вследствие этого рассматриваемый инвариант можно представить как парадигмальный артефакт¹⁷⁵, культурный объект. Термин «парадигма» в этом случае выступает в качестве конкретной формы бытия парадигмального артефакта, его реальности. Как известно, артефакт – это искусственно сотворенный объект социокультурной информации, смысложизненных значений, средство коммуникации, предмет культуры в следующих ключевых сферах ее существования: духовная, материальная культура, культура человеческих взаимоотношений.

Сегодня наблюдается расширение рамок употребления понятия парадигмы, оно «вырастает до общекультурного уровня, захватывая наряду с наукой также искусство и религию»¹⁷⁶, – считает Р. Г. Баранцев. Ряд ученых высказывают точку зрения о парадигмальной функции культурологии¹⁷⁷.

Необходимо указать на субъектность парадигмального артефакта. Он тесно корреспондирует с действующим субъектом, так как, по сути, является его инструментом. Для действующего социального субъекта парадигмальный артефакт определяет и

¹⁷⁴ Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. С. 42, 44.

¹⁷⁵ Лалетин Д. А. Культурология. Учебное пособие. Воронеж: ВГПУ. 2008. 264 с.

¹⁷⁶ Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 5.

¹⁷⁷ См.: Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии, 2008, № 11. С. 26–27.; Запесоцкий А. С., Марков А. П. Становление культурологической парадигмы. СПб.: СПбГУП, 2007. 56 с.; Запесоцкий А. С., Марков А. П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии, 2010, № 8. С. 76–88.

устанавливает познавательные пределы, рамки, методы и операции, он является некой методологической матрицей.

Парадигмальный артефакт определяет в большей степени предпочтительные в данных условиях для данного субъекта образцы действий, оценок, выбора целей. В таком контексте парадигмальный артефакт обуславливает методологию и методы в отношении деятельности социальной природы.

Однако в силу того, что парадигмальный артефакт действует на личностном уровне исторически конкретного социального субъекта, для отдельных субъектов со временем появляется возможность и необходимость существовать за рамками общеустановленной парадигмы, меняя их или формируя другие парадигмы. Этот процесс является творческим, сопряженным со многими социальными факторами (обстоятельствами, ресурсами, доминирующими принципами, идеологиями). Так или иначе, субъектность представляет собой главный уровень и причину формирования парадигмального артефакта, его действия, эволюции, транзита к другим парадигмам. Именно данным обстоятельством обусловлена тесная взаимосвязь парадигмы и культуры.

Исходя из субъектности парадигмы, можно определить ее основное качество – инструментальность. Еще Платон использовал дефиницию «парадигма» в качестве средства сравнения, оценки, создания идей и вещного мира. В настоящее время парадигма является особым орудием деятельности как процесса объективирования и претворения в жизнь цели. Познание представляет собой одну из форм деятельности. Деятельность в данном контексте является подлинно бытующим феноменом, а не категорией. Следовательно, под деятельностью имеется в виду единое сравнительно автономное действие, часть бытия социального субъекта, который возникает с мотивации и заканчивается достижением цели. А. Н. Леонтьев характеризует это как отдельные (особенные) деятельности¹⁷⁸. Это сравнительно обособленный процесс. По существу, понятию «отдельные деятельности», данному А. Н. Леонтьевым, тождественно понятие «паттерны активности», предложенное Э. А. Орловой.¹⁷⁹ Бесспорно, такие

¹⁷⁸ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во политической литературы, 1975. С. 109.

¹⁷⁹ Орлова Э. А. Понятие «Образ жизни» в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. 2011, № 2. С. 34.

отдельные (особенные) деятельности, или паттерны активности, реализуются как составляющие целостного континуума реальной деятельности человека. Они являются по отношению друг к другу основаниями, началами, результатами, итогами. Однако во всякой подобной составляющей (отдельной деятельности или паттерне активности) существует одинаковая очередность стадий. Начальные стадии неизменно связаны с психическим аспектом, как то: мотивация, определение целей и задач. Завершающей стадией становится некоторая система знаний, или практика, физическое действие. Завершающая стадия остается связанной с психикой, информацией для таких типов деятельности, как гносеологическая (главным образом научная), религиозная, философская, так как в этом случае целью становится понимание и объяснение. Все эти стадии представляют собой нераздельную целостность такой конкретной отдельной деятельности.

Парадигмальный артефакт как производная психики и сознания наделен прескриптивными, предписывающими и другими функциями парадигмы. Он приобрел довольно широкое распространение в социальной реальности. Сходные функции могут приобретать, а значит, становиться парадигмами различные производные психической деятельности, такие, например, как принципы, концепты, догмы, технологические модели. Никлас Луман, говоря об отдельных начальных принципах системного подхода, определяет их как парадигмы.¹⁸⁰

Существенно, что на данной стадии социальный субъект поставлен перед необходимостью действовать, основываясь на опыте, личном и общественном, содержащем оценки и общеустановленные сведения о различного рода технологиях, в том числе социальных. Из этого можно сделать вывод о связи парадигмы с мировоззрением. Парадигмальный артефакт появляется на базе мировосприятия и миропонимания, он в большей степени определяется мировоззрением как его производное, конкретизация и итог.

Парадигмальный артефакт, с одной стороны, устанавливает сценарии последующих действий, представляет собой связующее звено между мотивацией, целеполаганием и непосредственно целеосуществлением, предшествует заключительным этапам выполнения поставленных задач. Парадигмальный артефакт представляет собой матрицу возможностей, так как включает в себя

¹⁸⁰ Там же. С. 28-29.

знания о совокупности общепринятых, устоявшихся и апробированных методов, приемов и средств, необходимых для достижения цели. С другой стороны, парадигмальный артефакт выполняет функции фильтра, отделяя недопустимые или представляющиеся неосуществимыми алгоритмы действий, находя для социального субъекта возможности альтернативы. Парадигмальный артефакт (парадигма) как средство, таким образом, устанавливает потребность в отказе от каких-либо алгоритмов и технологий, знаний и традиций, возможность их запрета. Парадигмальный артефакт определяется культурой: мировоззренческими установками, обычаями, закрепившимися нормами, общепринятыми технологиями, так как совокупность взглядов, принципов и убеждений, личный и имеющийся у сообщества опыт, установленные знания о технологиях и прочее есть обязательные черты и компоненты реальной (локальной) культуры.

Говорить о парадигме возможно только в контексте ее взаимодействия с некоторым актором – каким-либо субъектом, сообществом или социальной группой. В определении «социальной парадигмы» Ф. Капры актором выступает сообщество. Он понимает парадигму как «совокупность понятий, ценностей, представлений и практик, разделяемая сообществом и формирующая определенное видение реальности, на основе которого сообщество организует само себя»¹⁸¹.

Каждый уровень действующих субъектов, от личности до профессионального сообщества, класса, группы, этноса, всегда предполагает наличие парадигмы, характерные особенности которой меняются в соответствии со спецификой деятельности субъекта и горизонтом принятия (распространённости).

В повседневной культуре так же происходит варьирование парадигм в разных горизонтах и для каждого конкретного субъекта. Однако в обыденной культуре эта вариативность менее разнообразна, чем на уровне специализированной культуры, между парадигмами профессиональных групп. Поэтому парадигмальный артефакт необходимо соотносить не только с понятием парадигмы, но и парадигматики, определяемой как совокупность личностных и групповых парадигмальных артефактов и парадигм.

¹⁸¹ Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003. 336 с.

Дисциплинарная матрица Т. Куна представляет собой не что иное, как парадигматику научного сообщества, а динамика развития науки осуществляется именно в границах парадигматики. Существуют конкретные исторические типы парадигматики и парадигмальности.

Определяясь актуальной культурой, парадигматика формируется в рамках исторического типа парадигмальности. Она представляет собой личностные, групповые и прочие парадигмы, отличающиеся друг от друга отдельными чертами, но принадлежащие в каждую эпоху к одному конкретному культурно-историческому континууму парадигмальных артефактов. Следовательно, парадигмальность изменяется в ходе развития человечества, при этом исторический тип парадигмальности не всегда целиком и полностью соответствует градации эпох, предлагаемой историками. На различных этапах социокультурной эволюции парадигмальность представлена по-разному. Например, социокультурная парадигма западноевропейского общества содержит в себе некоторую систему прочно устоявшихся идей и ценностей, среди которых, например, осознание Вселенной как некоего механического способа организации, использующего простые «строительные» конструкции; точка зрения о теле человека как машине; представление о бытии в социуме как конкурентной борьбе за выживание; уверенность в том, что абсолютный материальный прогресс осуществляется через экономическое и научно-техническое развитие; и, наконец, последнее, но не менее существенное, – убежденность в том, что общество, в котором женщина слывет существом «второго сорта», развивается согласно естественному природному закону.

Итак, как ранее отмечалось, основополагающие качества парадигмальности обуславливаются главным образом мироощущением и миропониманием, мировоззрением и картиной мира, характерной для конкретной исторической эпохи.

Исторически, этнически, социально научно детерминированные категории мировоззрения находят свое отражение в системе семантических форм, представляющих собой лингвокультурную парадигму. Лингвокультурная парадигма включает в себя концепты, категориальные слова, прецедентные имена культуры. Семантические формы являются основой парадигмы, которая пронизана значимыми представлениями.

Слова корреспондируют между собой фонетически и семантически. Из сходных либо противоположных по смыслу слов формируются смысловые системы – парадигмы. Так, в частности, между понятиями «настоящее», «прошлое», «будущее», «давно», «недавно», «в скором времени» прослеживается определенная закономерность. Они корреспондируют с одной и той же «точкой» – временем события, о котором идет речь, по-разному дистанцируясь от него.

Субъект, изъясняющийся на определенном языке, сохраняет свойственные ему системы смыслов в памяти. Возможно, разграничение и классификация их в сознании не является излишне жесткими, но тем не менее ощущаются говорящим. Существование парадигм очень важно. Предпочтенное для коммуникации слово воспринимается в контексте прочих, включенных в ту же парадигму. Вследствие этого предпочтение сообщает дополнительные смыслы высказыванию. Например, если вместо слова «лицо» использованы его синонимы «лик», «физиономия», применение их в том или ином аспекте может дать представление о говорящем и транслируемом им смысле высказывания. Такая характеристика становится дополнительным смыслом. Следует отметить, что, по мнению Ю. С. Степанова, дополнительные, «пассивные» свойства содержания понятия актуальны только для отдельных социальных групп¹⁸².

Согласно точке зрения Ю. С. Степанова, «в понятиях, концептах»¹⁸³ содержатся константы культуры, ценности культуры. По его мнению, концепт – это «явление того же порядка, что и понятие».¹⁸⁴ Ю. С. Степанов отмечает: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее».¹⁸⁵ Он рассматривает культуру как «совокупность концептов и отношений между ними», проявляющихся в разнообразных «рядах» (главным образом, в «эволюционных семиотических рядах», и, кроме того,

¹⁸² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд.2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 48.

¹⁸³ Там же. С.43.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С. 43.

«парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах»¹⁸⁶. Академик Д. С. Лихачев в этой связи пишет, что «...язык в потенциальной форме его концептов – воплощение всей культуры народа...»¹⁸⁷. А. Вежицкая определяет концепты в качестве инструментов постижения реальности. Их можно представить средствами семантической коммуникации в виде отдельных объяснительных конструкций¹⁸⁸.

Константа в культуре представляет собой концепт, который существует постоянно либо весьма продолжительное время. Помимо того, термину «константа» может быть сообщено и второе значение – некий устойчивый принцип культуры. Принцип создания алфавитов, который в дальнейшем проецируются в разных культурах на представлениях об устройстве мира можно отнести именно к константам-принципам («Число», «Счет», «Письмо», «Алфавит»). Концепты подразделяются на априорные (доопытные) и апостериорные (опытные, эмпирические)¹⁸⁹. В современной науке существует точка зрения, что к априорным, кроме таких концептов, как «Единичность», «Множественность», «Число», относят также «значимость» слов естественного языка (интенционалы), концепт «Цивилизация». Апостериорными концептами культуры являются, например, «Любовь», «Вера», «Радость», «Свои», «Чужие», «Родная земля», «Действие», «Ремесло».

Концепты культуры представляют собой имена абстрактных понятий, вследствие этого культурная информация тут связана с сигнификатом, то есть с понятийной основой.

Национальная концептосфера формируется из системы личных, коллективных, классовых, национальных и универсальных концептов, иными словами, концептов, которые имеют смысложизненную ценность. В частности, универсальными являются такие основные концепты, как «Родина», «Мать», «Семья», «Свобода», «Любовь», «Вера», «Дружба», на базе которых складываются национальные культурные ценности. Помимо названных также необходимо отметить такие фундаментальные универсальные концепты, как «Время», «Пространство», «Причинность». Собственно, существование единых,

¹⁸⁶ Там же. С.40.

¹⁸⁷ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 28–37.

¹⁸⁸ Вежицкая А. Семантические универсалии и описание 45 языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 434.

¹⁸⁹ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 84.

универсальных концептов обуславливает взаимопонимание между народами. В то же время любая нация располагает собственной шкалой мировоззрения, своей ценностной шкалой. Любая культура создает свои собственные стереотипы сознания и поведения, основывающиеся на своем представлении о мире.

Ю. С. Степанов выделяет такие универсальные концепты русской культуры (константы культуры), как «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Страх», «Любовь», «Вера»¹⁹⁰. В список основополагающих концептов им включены и их производные, имеющие определенную значимость в русской духовном бытии в настоящее время. Он считает, что, рассматривая концепт «Страх», необходимо проанализировать концепт «Грех», разбирая, концепт «Человек, Личность», следует обратить внимание, по крайней мере, еще на два других – «Гений» и «Ангел», а концепт «Деньги» требует рассмотрения концептов «Торговля» и «Бизнес»¹⁹¹. Так, например, концепт «Мир» в культурном отношении является производным от концепта «Свои» – «Чужие», в нем сочетаются компоненты-концепты «Место (пространство)», «Свои, свой народ» и «Закон, законность», а значит, в большей или меньшей степени также и концепт «Мораль, этика». Ключевым, однако, является понятие «место, пространство», а все прочие – либо производными от него, либо присоединенными к нему.

Константная система знаний, идеалов, ценностей и прочих форм бытия культуры сохраняется в языке. Сегодня общепризнанной является точка зрения на то, что как в культуре, так и в языке всякого народа наличествует универсальное (общечеловеческое) и национально-особенное. Наряду с этим в каждой национальной культуре существуют свойственные исключительно ей культурные смыслы, зафиксированные в процессе семантической коммуникации, морально-нравственных нормах, принципах, специфике поведения. Ментальность народа проявляется в наиболее значимых культурных концептах семантической коммуникации. На основе анализа научных трудов можно определить менталитет как некоторую глубинную структуру сознания, которая зависит от социокультурных, географических и иных факторов. Специфика национальных менталитетов обнаруживается исключительно на уровне

¹⁹⁰ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С. 5.

¹⁹¹ Там же. С. 6.

семантической, наивной, но не концептуальной картины мира¹⁹² (Ю. Д. Апресян, Е. С. Яковлева, О. А. Корнилов). Семантическая картина мира – это специфика мышления, интеллекта, культуры, истории какой-либо нации, отображенные в том или ином языке. Иными словами, это некий образец, шаблон, сквозь призму которого субъект воспринимает внешний мир. Семантическая, языковая картина мира является уникальным субъективным взглядом на действительность, содержащей объекты как прямой, так и опосредованной реальности, к которой относятся такие составные части культуры, как мифы, предания, легенды, религиозные убеждения.

Е. Ю. Шоркина приводит пример того, как самобытно отображается в различных семантических конструкциях окружающий человека мир. Так, она утверждает, что понятие «снег» у северных народов имеет до двадцати градаций, а у обитателей пустыни существует до тридцати наименований, обозначающих песок. В русском языке при обозначении часов используется многозначный вариант этого концепта (часы наручные, песочные, настольные), а в романо-германской группе языков это понятие обозначается различными словами. Представителям племени Наваха весь мир, по-видимому, кажется активным, функциональным, поскольку в их языке все слова – отглагольные. Известно, что в немецком языке существует много слов для обозначения храбрости, смелости, а во французском – чувств, любви, взаимоотношений¹⁹³.

Хотя такой концепт, как «Русский характер» представляется сегодня нелегким предметом для анализа, тем не менее, по нашему мнению, определенный интерес представляют доводы Е. О. Кузьминой о том, что русское «авось» точно воспроизводит специфику русской культуры и русского национального характера¹⁹⁴. В соответствии с данными толковых словарей «авось» – это «может быть, возможно». Помимо этого, в русском языке существует частица «может быть», имеющая аналоги в

¹⁹² См.: Русская языковая картина мира и системная лексикография / сост.: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.; Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.; Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

¹⁹³ Шоркина Е. Ю. Проблема вариативности языковой картины мира [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2015. № 9. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/09/1690> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁹⁴ Кузьмина Е. О. Метафизическая сущность «авось», «небось» и «как-нибудь» как средство выражения ментальности русского народа // Филология и лингвистика в современном обществе. М., 2012. С. 33–38.

европейских семантических структурах. Но слово «авось» имеет несколько иной смысл, нежели «возможно», хотя при переводе на английский язык за отсутствием точного термина, как правило, употребляют «perhaps» – «возможно». Однако не всегда «perhaps» тождественно русскому «авось» (например, «Perhaps John did it?» – «Авось Иван это сделал?»)¹⁹⁵. В пользу того, что «авось» является важным понятием в русском менталитете, свидетельствует тот факт, что существует целая группа родственных слов и выражений, таких как: наречное сочетание «на авось», существительные – «авоська» (предстоящий желанный случай, везение, удача) и «авоська» (сетчатая сумка, которая могла бы пригодиться, будь она под рукой), глагол «авоськать» (иметь привычку употреблять это слово; отправляться на авось, на удачу, на безрассудную отвагу; беспечно доверять). О большой значимости русского «авось» свидетельствует немалое число передаваемых из поколения в поколение народных пословиц и поговорок: «Авось, да небось, да как-нибудь», «Держись за авось, пока не сорвалось», «Полечат, авось залечат», «Авось – вся надежда наша», «Русский на авось и взрос», «Русский человек любит авось»¹⁹⁶. Каков же смысл русского «авось»? По сути, это позиция, истолковывающая бытие как непредсказуемое: нет смысла строить планы и стремиться воплощать их в жизнь; нельзя целесообразно устраивать свою жизнь, так как ее невозможно проконтролировать; остается только надеяться на удачу. Если все хорошо, то лишь оттого, что попросту «подфартило», а отнюдь не оттого, что человек овладел неким знанием или умениями и подчинил себе окружающий мир.

Язык культуры выступает как универсальная константа, способствующая преемственности идей и смыслов социального бытия. Константа определяется смыслами, условиями и формами реализации культуры¹⁹⁷. Язык, заключающий в себе смысловые и идейные составляющие бытия, приобретающие в процессе исторического развития символический характер, несет в себе особое значение для культуры. Являясь символом культуры, язык может быть исследован с позиции анализа особенностей константных знаков, переходящих из поколения в поколение.

¹⁹⁵ Цит. по Шоркина Е. Ю. Проблема вариативности языковой картины мира [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2015. № 9. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/09/1690> (дата обращения: 26.01.2017).

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Санжеева Л. В., ТоузНойманн Б. М. Язык культуры как константа // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 50–57.

Лингвистика дает возможность изучать систему языка, проводя вневременный квантитативный анализ, рассматривающий коммуникативные свойства человека и общества. Существование любого языкового элемента возможно только во взаимосвязи с другими элементами культуры. Системный анализ позволяет упорядочить язык константы как знак в культуре. Язык культуры, передаваясь каждому последующему поколению, может менять внешние незначительные знаки, при этом, как константа формирует твердый фундамент для сохранения основ бытия.

Язык и культура имеют неразрывную связь, они взаимозависимы, так как создают общепринятые и обязательные, соответствующие нормам правила и не утрачиваемые ценности. Язык как знаковая языковая форма, представляющая собой устойчивые константы и культурные формы; обряды, обычаи, ритуалы синхронно входят в процесс исторического развития человека и общества, образуя смыслы бытия, рождаемые в процессе деятельности.

Существование языков культуры на протяжении долгого периода времени является бесспорным фактом. В ходе культурно-исторического развития вырабатываются направляющие символические языки константы. Константа языка может приобретать любое значение, так как является неизменным средством общения и задает вектор религиозных, мифологических и других представлений об устройстве мира в различных культурных пространствах. В связи с тем, что нами рассматривается именно культурная константа, то ориентиром, образцом для оценки, становится язык, обеспечивающий неизменность символов культуры. Из этого следует, что язык культуры является основой существования человека и общества.

В процессе всего исторического формирования общества, на разных стадиях развития экономических, социально-политических и культурных аспектов человечество претерпевает изменения качественного своеобразия различных языков в рамках определенных эпох. Становление языка в культуре как целостной системы происходит таким образом, что каждый элемент имеет непосредственную или прямо не наблюдаемую связь с другими элементами системы. Эта устойчивая и стационарная система транслируется в культуре и постигается индивидами в процессе деятельности. Проблема происхождения языка кроется во внеязыковой реальности, эмпирический анализ позволяет найти

истоки ее решения в реальности ментальной. Как было отмечено немецким филологом В. Гумбольдтом, человек является человеком только благодаря языку, а для того чтобы создать язык, он уже должен быть человеком. В. Гумбольдт определил абсолютно новый вектор изучения языка, который был понят им как «самодеятельное начало»¹⁹⁸. Язык образует реально существующее пространство, в котором между миром внешних явлений и внутренним миром человека создаются знаки культуры.

Язык – исторически развивающееся явление с закономерным постепенным усложнением ранних звуков в определенные формы. Основополагающее значение сведений древней письменности или этнографических данных в истории зарождения и последующего развития всевозможных социальных институтов и идеологических форм очевидно. А. И. Белич, рассматривая взаимосвязь внутренней и внешней формы в языках, говорит о том, что внутренняя форма – это не что иное, как значение или функция языковых явлений, а проявление этого значения в языке является внешней формой: «...Внешняя форма указанного рода основывается на внутренней, являющейся в языках последствием естественного отношения между понятиями... Внутренняя форма является поводом и обоснованием внешней формы...».¹⁹⁹

Самое главное и существенное в бытии человека заложено в смыслах, передаваемых через язык. У каждой исторически сложившейся общности людей создается свой уникальный язык культуры. Являясь целостной структурно-функциональной системой, где каждый элемент несет определенную нагрузку, культура определяет своей основой язык, транслирующий первостепенные формы и способы бытия индивида. Язык определяет место человека в мире, устанавливая смысловое направление жизненного процесса, сопоставляет проблему отношения человека к природе и социокультурное бытие. Культурные элементы составляют структурно-функциональные системы, формирующие область социального пространства, монолитность которого достигается посредством их языковых качеств. Отсюда следует признание того факта, что культура не способна существовать вне языка, поскольку именно язык

¹⁹⁸ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.

¹⁹⁹ Белич А. И. Внутренняя и внешняя языковая форма // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 3. М., 1946. С.181.

выстраивает смысловые и ценностные ориентиры, задает направление деятельности в ее реальной и ирреальной действительности, в духовной и материальной области бытия.

Взаимодействие человека с окружающей действительностью и совокупность его поступков на определенном культурно-историческом этапе, происходит в соответствии со сложившемся языком, взятым в его конкретным содержанием и рассматриваемым в качестве основы культурных особенностей соответствующего времени. Сквозь призму языка культура транслирует мировоззрение данного периода развития и становления общества, определяя не только постижение, но и переживание человеком мира.

Исторические, культурные, социальные опыты познания составляют основу содержания человеческого знания о мире, формами проявления которых являются религия, мифы, наука. Разные культуры обладают различными константными языковыми единицами, имеющими как общие инвариантные, так и особые изменчивые черты. В каждый временной период все эти черты находят свое место в сознании индивида, образуя общее целое, так как сознание в реальности – это не абстрактное явление, а развивающееся общественное и индивидуальное сознание, находящие свое воплощение в языке.

Язык представляет собой не просто систему знаков, передающих информацию, – это комплекс константных структурных элементов, создающих необходимые условия для осуществления социальных связей и взаимодействий человека, общества, природы и культуры, в котором отражена вся сложность происходящих в социуме процессов в их последовательном проявлении и развитии.

В. Гумбольдт объясняет особую связь языка и культуры тем, что национальный культурный характер воспроизводится в языке посредством особого видения мира. Смысловое единство этих двух относительно самостоятельных феноменов достигается через значения языковых знаков, благодаря чему язык становится постоянной константой по отношению не только к культуре, но и к другим различным проявлениям бытия.

В константах культуры определяется сущность миропонимания, они играют определяющую роль в когнитивных процессах и выступают инструментарием чувственно артикулированного мироощущения, мировосприятия,

миропредставления и миропереживания, являющихся специфическими для конкретной культурной эпохи. Итак, константы культуры являются своего рода ориентиром, на который направлены и в котором находят свое место образцы каждой культуры, тем самым выполняя еще одну важнейшую функцию – обеспечение взаимопонимания в процессе коммуникации, что создает условия для формирования единого и вместе с тем многообразного мира.

Итак, социальная парадигма – это определенная система понятий, ценностей, взглядов и социальных практик, которые разделяются социумом и создают определённое восприятие реальности, на основании чего социум самоорганизуется.

Парадигма социальной реальности представляет собой инвариант, ту неизменную часть, что является основой существования социума, культуры и находит свое отражение в социокультурных образцах, универсальных константах семантической коммуникации.

Культура – одна из составляющих социальной реальности. Социальная реальность воспроизводит реализм явлений, рожденных и повторяемых в обществе, что находит свое отражение в константах культуры, конституируется языком и конституирует язык социальных субъектов.

Универсальные константы языка культуры, способствуют преемственности идей и смыслов социальной реальности, создают социальное пространство, знаки культуры между миром внешних явлений и внутренним миром человека.

2.3. Основные направления трансформации языка в современном российском обществе

В рамках исследования социальной реальности в каждом историческом периоде особенно актуальной является проблема значительности и глубины трансформации в языковой системе, инициированная новыми социальными условиями бытования языка. Бесспорно, можно утверждать, что существует непосредственная связь между решающими событиями в истории языка и истории общественного развития. Кроме того, в современном социально-гуманитарном знании выяснены и более тонкие зависимости языковых преобразований от социальных факторов, хотя, на первый взгляд, такая зависимость неочевидна.

Тем не менее, эта зависимость существует, но она прямо не наблюдаема и имеет рефлексивный, опосредованный характер. В системе языка – в совокупности языковых элементов, в степени их дифференциации, в наличии или отсутствии тех или иных единиц – отражается влияние социальных факторов на функционирование языка. Языковые изменения имеют двойственную природу, так как язык «проявляет двоякую зависимость своей эволюции – от среды, в которой он существует, с одной стороны, и от его внутреннего механизма и устройства, с другой»²⁰⁰. Один из представителей социологического подхода в лингвистике А. Мейе считал, что изменения в языке связаны с социальными условиями, в которых живут его носители, поскольку сам язык существует только благодаря обществу²⁰¹. Многие лингвисты-социологи полагали, что причина языковых изменений заключается во влиянии экстралингвистических факторов, но в то же время признавали наличие внутриязыковых изменений (Ф. Боас, Э. Сепир, В. Матезиус, Б. Гавранек, Т. Фрингс и др.). Е. Д. Поливанов считал, что «экономическими факторами всегда бывает predetermined конечная цель языкового развития», экономические и политические события изменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, что влечёт за

²⁰⁰ Кубрякова Е. С. Язык как исторически развивающееся явление // Общее языкознание. Форма существования, функции. История языка. М., 1970. С. 198.

²⁰¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского; перераб. и доп. по VII франц. изд. А. Сухотиным; под ред. и с прим. Р. Шор; вступ. ст. М. Сергиевского. М. –Л.: Соцэргиз, 1938. С. 179.

собой изменение «конкретных отправных пунктов языковой эволюции»²⁰².

Структурная организация системы языка непосредственно не влияет на функционально-стилистическую дифференциацию языка. Тем не менее, необходимость такой дифференциации оказывает интенсивное воздействие на формирование лексической и синтаксической парадигм. Происходит стилистическая дифференциация имеющихся в языке вариантов, возникают новые структурные отношения, и лексические парадигмы в системе языка становятся более сложными по строению, форме, характеру составляющих частей.

С позиции влияния социальных факторов на язык наиболее показательна лексика (синтагма, переменная часть языка), поскольку именно в ней отражаются сущностные социальные явления, совершающиеся в обществе, характеризующие социальную реальность.

Изменяющаяся социальная реальность так или иначе получает соответствующее отображение в словаре языка. В частности, язык обогащается новыми заимствованиями не только через сферы научной и технической терминологии, но и через средства массовой информации, сеть Интернет, публичные выступления, переводы публицистических текстов или художественных произведений. Происходит расширение тематического и семантического круга заимствуемой лексики: появляются и закрепляются в языке не только научные и технические термины, но и слова, относящиеся к политической, социально-экономической, культурной, бытовой сферам.

Главным образом в лексическом составе языка запечатлевается мир материальной культуры социальных субъектов.

Так, например, анализ словарного фонда индоевропейских языков позволяет сделать вывод о том, что основными занятиями его носителей были скотоводство и земледелие, а исследование словарного фонда угро-финских народов выявляет большое количество лексических единиц из области охоты на пушных зверей. Анализ праславянской лексики представляет особый интерес. Проведенные Ф. П. Филиным исследования во главу угла ставят лингвистические аргументы, основанные на анализе состава и областей распространения некоторых слоев праславянской лексики

²⁰² Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., Наука, 1986. С. 212.

(названия природных объектов таких, как озеро, пруд, болото, бор, лес, луг, дуб, береза, осина, липа, орех, ольха, сосна, верба, медведь, волк, лиса, заяц, олень, зубр, соболь, куница, гусь, утка, лебедь, голубь, ворон, соловей, сом, окунь, язь, лещ, щука и многие другие слова из этих же тематических групп), доказывающие, что «... праславяне занимали (по крайней мере, во второй половине I тысячелетия до н. э. – в начале новой эры) лесистые земли умеренного климата, обильные реками, озерами и болотами»²⁰³, а выхода к морям, степям и горам не имели.

Лексическая семантика, отражая различные социальные явления, дает возможность по этимологии слов узнавать особенности картины мира у разных народов. Например, понятие «труд» в индоевропейских языках этимологически связано со страданием, трудностями, тягестями, принуждением, скорбью. В старославянском языке *trudъ* связан с *рвением, заботой, страданием, скорбью*; в литовском *triūsas* – с «работой, хлопотами», *triūsti, triūsiù* – с глаголом «хлопотать»; в латышском языке *trauds* означает «хрупкий»; в готском *us-priutan* имеет значение «отягощать»; древне-исландскому *þraut* соответствует «испытание, беда, искушение»; латинскому *trūdō* – «толкать, теснить»; ирландскому *trot* – «спор», *troscaim* – «пощусь». Разнообразное толкование слова *трудиться* закрепляет значительное преобразование его семантического строения, выделяются следующие основные значения: *работать, трудиться, стараться, заботиться, страдать, прилагать усилия, совершать подвиг*. Процесс труда, представляя собой неотъемлемую значимую часть жизни человека в этих трансформациях выражается как форма самоотверженной деятельности, направленной на достижение каких-либо результатов через усилия, тяготы и страдания. Глагол *трудиться* нередко использовался в отношении самоотреченного образа жизни монахов. Исследования памятников древнерусского языка XIII–XV вв. позволили сделать вывод о том, что слова *трудиться* и *труд* часто употребляются в обобщенном значении трудового процесса. *Трудиться* становится часто употребительным словом не только при описании жизни членов религиозных общин, населяющих монастыри и выполняющих обеты вести аскетический образ жизни, но и обычных людей с их

²⁰³ Филин Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков // Вопросы языкознания. М., 1972. № 5. С. 3–11.

заботами, трудностями, обозначая при этом свободный, труд, не находящийся в условиях принуждения и зависимости. Распространенность этого глагола может объясняться большим влиянием средневековых монастырей на развитие русской культуры. Культура Древней Руси, в отличие от западноевропейского городского типа культуры, имела монастырский уклон, при котором разногласия богословско-церковных и повседневно-практических уровней сознания решались путем наложения монастырского уклада жизни на различные сферы человеческой деятельности. Воздействие монастырской культуры на древнерусскую культуру, о которой говорит развитие содержательной структуры и употребления слов *трудиться* и *труд*, находит подтверждение в работах историков и культурологов. На протяжении последующих исторических этапов значение и употребление данных слов продолжит установленное ранее направление – от номинации физических усилий и страдания к развитию обобщенного значения трудовой деятельности, которая при этом не утратила духовно-нравственного смысла и в современном русском языке воспринимается как значимая и ценная.

Словарный состав языка постоянно обогащается заимствованиями, отражающими те или иные социальные процессы, которые происходят в определенную историческую эпоху. Именно лексические единицы, пришедшие в русский язык из других языков, дают возможность понять, с какими странами устанавливались военные, экономические и культурные связи. Так, во времена Петра I в русский язык в качестве заимствований активно проникали слова из германских языков (германизмы), представленные рядом слов из торговой, военной, бытовой лексики и слов из области искусства, науки. Например, военная лексика обогатилась такими словами, как: *армия*, *канцлер*, *штаб*, *гауптвахта*, *ефрейтор*, *генералитет*, *фельдфебель*, *лагерь*, *фельдшер*, *юнкер*; торговая терминология получила такие неологизмы, как: *вексель*, *штемпель*, *фрахт*; из области искусства были заимствованы термины: *мольберт*, *капельмейстер*, *ландшафт*; из бытовой лексики пришли названия растений, птиц, некоторые элементы одежды: *клевер*, *шпинат*, *вальдишнеп галстук*, *рейтузы*, *штиблеты*; из области производства: *фуганок*, *стамеска*, *верстак*. Из итальянского языка заимствована музыкальная

терминология: *ария, альт, бас, капелла, тенор, форте, ария, альт, бас, капелла, тенор, форте*; из французского пришли слова из области искусства: *режиссер, антракт, болеет, жанр, роль, пьеса, амлуа*.

Советская эпоха так же стала значимой в отношении пополнения словаря русского литературного языка иностранными словами. Процесс заимствования иноязычной лексики был неравномерным, его наивысшие подъемы приходятся на конец 20-х – 30-е гг. и на конец 50-х – 60-е гг. Причинами такой нестабильности выступают социально-политические изменения, возникающие на разных стадиях развития советского общества. Большая часть заимствований приходится на наименования терминологического характера, в значительной мере являющиеся интернациональными, которые обогащают книжный и нейтральный слои лексики литературного языка. Проникновению иностранных слов в язык в значительной степени способствует пресса, а особую активность в распространении заимствований проявляет именно научный стиль речи.

Анализ и детальное изучение изменений, затрагивающих лексические подсистемы современных языков, показывает, что они подвергаются интенсивному воздействию научно-технической революции, наступившей в 40-е, 50-е годы. По мнению многих лингвистов и филологов, взаимообусловленное, поступательное развитие науки и техники, производства и сферы потребления проявляется в активном пополнении терминологии (в среднем в год в языках мира вводится в лексикон не менее 200 тысяч терминов), в появлении новых терминологических значений у старых слов, что, безусловно, является следствием возникновения новых общественных явлений и понятий²⁰⁴. НТР явилась причиной таких нововведений, как автоматизация производства, электронный контроль и управление, информатизация, компьютеризация, радиоэлектронизация, биологизация, геновая инженерия, механизация, химизация, электрификация, применение атомной энергии, производство новых конструкционных материалов, внедрение робототехники и др., что в свою очередь повлияло на появление таких широко распространенных неологизмов, как:

²⁰⁴ Бондалетов В. Д. Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса // Вопросы социальной лингвистики: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1969. С. 398–416.

атомоход, биотоки, виброустойчивый, видеотелефон, водогрязелечебница, гандбол, геронтология, глобальный, голограмма, датчик, дизайнер, запрограммировать, канцерогенный, компьютер, космодром, лазер, луноход, микрофильмирование, нарколог, нефтехимия, околоземный, перфокарта, плавбаза, полиэфирный, прогнозирование, реанимация, рельсоукладчик, самолечение, стеклопластики, стресс, супертанкер, сухогруз, таксопарк, телефильм, транзистор, турпоход, фитонциды, юниор и т. д. Все эти трансформации ведут к преобразованиям в лексико-семантических группировках языка, к модифицированию в его синтагме, переменной части языка, несущей в себе последствия социальных явлений, происходящих в обществе и определяющих отличительные черты социальной реальности.

Отражение социальных процессов в языке отчетливо наблюдается при исследовании изменений в русском языке, вызванных большими переменами в условиях функционирования языка, возникшими во время и вследствие периода перестройки, распада СССР, падения тоталитарной системы и других кардинальных социально-политических изменений.

Условия и состояние новой российской реальности обязывают учитывать социальную и функциональную дифференциацию современного русского языка. С одной стороны, демократизация социальной базы русского языка вызвана активными процессами увеличения количества городов и оттоком сельского населения в них, участвовавшими случаями массовой миграции, повышением уровня образования, активностью СМИ и их установкой на живое и непринужденное общение и влияние на все сферы жизни общества, а также рядом других социальных факторов. С другой стороны, возрастание употребления языковых средств, обладающих различными коммуникативными функциями, в разных сферах общения обусловлено расширением политических, культурных, социально-экономических контактов России с другими странами, что ведет к развитию международных связей. Происходит сокращение социальной основы таких подсистем, как территориальные местные наречия и обиходно-сниженная речь. Усвоение носителями языка социальных ролей по мере социализации в обществе отражается в степени использования языковых средств. Быстрота и легкость перехода с одних языковых

средств на другие зависит от гибкости социального поведения людей, от простоты перехода от одной социальной роли к другой.

Функционирование современного русского языка имеет сложный и многообразный социальный контекст, требующий внимательного изучения совокупности причин и обстоятельств бытования русского языка настоящей эпохи с учетом последовательной смены состояний социальной структуры российского общества, непрерывно происходящей социализации языковых явлений и роли социальных факторов в жизни языка, в характеристиках его структуры и функций.

Новые социальные процессы, происходящие в условиях современного российского общества, обычно влияют на язык опосредованно, но имеют прямое отражение в нем. Некоторые случаи вызывают определенное затруднение в понимании внешних причин, оказавших воздействие, например, на активизацию той или иной словообразовательной модели или синтаксической конструкции. Однако существующие методы исследования могут показать, что инициация такой активизации вызвана социальными факторами.²⁰⁵ Перемены, происходящие в социуме, воздействуют и на взаимоотношения и характеристики подсистем, составляющих парадигму русского национального языка.

Словарный слой языка особенно «открыт» изменениям, возникающим во всех сферах общественной жизни. Именно лексическая подсистема языка в первую очередь отражает социальную динамику. Язык не стационарен, он находится в постоянном процессе, его развитие происходит в тесном контакте с историей и культурой народа. «Каждое новое поколение вносит нечто новое не только в общественное устройство, в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в способы этого осмысления средствами языка. И прежде всего такими средствами оказываются новые слова, новые значения слов, новые оценки того значения, которое заключено в известных словах»²⁰⁶.

По мнению Л. П. Крысина, настоящий этап развития нашего языка имеет значительные отличия от предыдущих. Можно выделить два существенных процесса. Это, во-первых,

²⁰⁵ Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000; изд. 2-е стер. 478 с.

²⁰⁶ Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М.: Логос, 2001. С.154.

жаргонизация литературной речи и, во-вторых, усиление процесса заимствования иноязычных слов²⁰⁷.

Интенсивное расширение употребления сниженных слов и оборотов в русском языке в конце XX века заставило задуматься о состоянии русского языка всех тех, кто имеет дело с языком профессионально. Существующие ранее в России дискурсивные типы «перестраиваются в качественно новый дискурс – агрессивный, риторичный, актуализирующий в языке функцию воздействия и, как следствие, требующий, с одной стороны, новых форм для старых значений, с другой – переосмысления существующих в языке лексем, вытеснения из них прежнего значения новым»²⁰⁸.

Подверженность системы языка социальным изменениям напрямую прослеживается в демократизации жизни, ведущей к демократизации языка, проявляющейся в обострении употребления просторечных и вульгарных, вплоть до нецензурных лексических единиц, в их проникновении в национальную культуру, СМИ, где такое словоупотребление прежде было табуизировано. Демократизация жизни общества создала условия для распространения и укоренения сниженного регистра общения. В. В. Химик, анализируя данное явление, говорит о создании и расширении сферы функционирования «третьей культуры» – массовой, обслуживаемой городским просторечием²⁰⁹. Он утверждает, что слои элитарной культуры в подобной обстановке воспринимают сниженное словоупотребление как средство снятия напряжения, вызываемого высокой моралью и строгой нравственностью, что обуславливает появление сленга как экспрессивного жаргона, общего для всех социальных слоев общества²¹⁰.

Лексическая система на современном этапе развития русского языка реорганизовывается таким образом, что жаргонные лексемы и значения утверждаются в сфере общеизвестной лексики. Причину этих процессов, приобретающих зачастую массовый характер, ученые-лингвисты и филологи усматривают прежде всего в

²⁰⁷ Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.

²⁰⁸ Панов Ю. А. Влияние социально-экономических процессов на экспансию сниженной лексики в современном русском языке // Межвузовский сборник научных трудов студентов / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. 2000, Воронеж: ВГТУ. С.102

²⁰⁹ Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб: Филол. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2000. 269 с.

²¹⁰ См. там же.

миграционных процессах: перемещение и соединение однородных по социальным, культурным и другим признакам групп людей, убывание жителей сельских местностей в крупные населенные пункты, административные, промышленные и культурные центры районов, областей, изменение социального состава городских жителей, активизация и усиление общения между представителями разных групп и т. д. Различные виды жаргонов, которыми пользовалась та или иная группа или общность людей, ранее бывшие обособленными, отдельно существующими системами, теперь проявляют очевидную направленность к активному взаимодействию с кодифицированным литературным языком и разговорным языком. Данные процессы «приводят к образованию специфического функционального слоя в русской лексике – общенационального жаргона, или интержаргона, или общенационального (в отличие от социально замкнутого) сленга»²¹¹. Основу этого пласта лексики составляет тюремно-лагерный жаргон. Он формировался в социально многообразной среде советских лагерей и тюрем в течение нескольких десятилетий. Дореволюционный воровской арг образовывал ядро тюремно-лагерного жаргона, который впоследствии значительно увеличил не только набор выразительных средств, но и расширил социальный состав тех, кто им пользовался. Устоявшийся уголовный контингент был значительно пополнен качественно иными заключенными, расширив слой тех, кто активно употреблял данные лексемы в эпоху карательных мер со стороны государства во время правления И. В. Сталина, а затем Л. И. Брежнева, отмеченный относительной социальной стабильностью, устойчивым снижением темпов экономического роста и ухудшением динамики производительности труда, отсутствием каких-либо серьезных потрясений в политической жизни страны.

Современные реалии российского общества оказывают влияние на то, что тюремно-лагерный жаргон находит себе новую область применения. В первое время жаргонная лексика находила свое применение главным образом в разговорной устной речи, затем произошло уверенное проникновение в язык средств массовой

²¹¹ Панов Ю. А. Влияние социально-экономических процессов на экспансию сниженной лексики в современном русском языке // Межвузовский сборник научных трудов студентов / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. 2000, Воронеж: ВГТУ. С. 100–105.

коммуникации, далее она начала употребляться в публицистике, в публичные выступлениях политических деятелей, депутатов и даже писателей. В последние годы политики и журналисты часто используют такие криминонимы²¹², как *крутой, завсегдамай, тусовка, кинуть, обуть, замочить, гасить, наехать, разборки, крышевать*. Из жаргона наркоманов в политическую речь проникли такие слова, как *ловить кайф, сидеть на игле, ломка, отходняк, оттягиваться*. Многие стремящиеся к успеху политические деятели, государственные служащие, лидеры широко известных в стране крупнейших политических партий, бизнесмены и журналисты употребляют уголовный жаргон настолько часто, что это может показаться вполне приемлемым, а некоторые жаргонные слова могут считаться политическими терминами или публицистическими «штампами». А. П. Чудинов, проведя качественный анализ политического дискурса, предложил рассмотреть следующие примеры: «Ср.: Как Руцкой пытался закозлить генерала ФСБ Суржикова (Н. Варсегов). Мы считаем наезды на Ковпака в подконтрольной Росселю прессе политическим заказом (В. Коршунов). В центре Екатеринбурга продолжает твориться предвыборный беспредел (С. Сыпачев). В. А. Гусинский славен своим искусством разводиться на бабки, а для успеха разводов иногда надо пренебрегать строгими требованиями эстетической цельности действия (М. Соколов). Жириновский, не выбирая, как всегда, выражений, «мочил» Примакова, вспоминая его работу в службе внешней разведки и Министерстве иностранных дел (А. Вартанов)»²¹³. А. П. Чудинов считает, что «использование уголовного жаргона позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность преступного слова, а вместе с тем и преступных порядков, преступного поведения, преступного мировосприятия, а использование подобной лексики – явление вполне традиционное для русской речи и отражает определенные векторы национального сознания»²¹⁴. В обществе с высоким уровнем культуры не должно происходить взаимопересечений политической и криминальной сфер, однако реальность современного российского общества такова, что эти две области

²¹² Химик В.В. Указ. соч.

²¹³ Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. пед. ун-та, 2009. С. 79

²¹⁴ Там же.

соприкасаются, находя свое прямое отражение в языке, а именно в самой подвижной и открытой его части – лексической подсистеме.

В общеупотребительном языке в настоящее время находят широкое применение лексические единицы, использование которых было характерно главным образом для речи преступников или работников правоохранительных органов: *бардак, баксы, бодун, крутой, клеить, колотья, мент, оттягиваться* и др. В качестве примеров сленговой фразеологии приведем следующие: *блеснуть чешуей, козе понятно, на халяву, быть в шоколаде, раскатать губу, включить дурака, гнать туфту, дунуть в ухо, вешать лапшу на уши, мозги компостировать, по жизни, выкинуть финт, испортить кайф, в упор не видеть кого-либо, ноги приделать, мышинная возня, крыша поехала, ушами хлопать, до потери пульса, в жилу, поставить в стойло, подсесть на кого-то/что-то* и др. Эти и другие подобные лексические единицы, формирующие в русском языке наших дней слой общеупотребительного сленга, пополняют дискурсивное пространство новыми по стилистической принадлежности единицами. В иерархии функционально-стилистических слоев сниженной лексики сленг занимает ярус между пластом разговорной и просторечной, жаргонной лексикой. Расширение словарного состава языка происходит и за счет семантических процессов в лексике. Наряду с переосмыслением и сужением значений слов достаточно интенсивно в семантической структуре происходит процесс актуализации уже существующих в общеупотребительном языке значений слов, прежде не занимавших свою нишу в жаргонах. Центральное, привычное значение той или иной лексической единицы заменяется на новое, слова начинают восприниматься в их соотнесенности со сниженными понятиями, хотя намерение говорящего не всегда отражает данную направленность. Так, например, слово *трахнуть* изначально употреблялось при описании явлений, связанных с громкими, резкими звуками или при упоминании о каком-либо быстром, неожиданном действии, произведенном шумно и резко (См.: Трахнул гром. Трахнул графин). В настоящее время вследствие устойчивого параллельного восприятия этой лексемы в значении, связанном с интимной близостью, данное слово переведено в разряд сниженных.

Изменения в русском языке в конце XX века происходят и за счет пополнения словарного состава языка большим количеством общеизвестных лексем, в которых общепринятое значение было активно вытеснено новым, взятым из уголовного, коммерческого, молодежного, профессионального или какого-либо другого вида социального жаргона: *зубрить* – заучивать; *предки* – родители; *кемарить* – отдыхать, дремать; *железный* – надежный; *гнать* – говорить неправду; *ржать* – смеяться; *ишачить* – усердно работать; *завалить* – убить; *бодяга* – нудный, длинный рассказ; *блевотина* – нудный, длинный разговор; *гнать волну* – паниковать; *заезд* – намек; *кипши* – скандал, бунт; *опустить* – подвергнуть унижению или резкой насмешке; *лечить* – врать; *непруха* – невезение; *приход* – начало действия наркотического вещества; *стрела (стрелка)* – условленная встреча; *отоварить* – избить; *приплыть* – попасть в тупик и другие. Большое количество жаргонизмов обладают мобильностью, легко теряют свою социальную прикрепленность, начинают использоваться представителями самых разных социальных группах носителей русского языка, а некоторые получают развитие в литературном языке: например, фразеологизм *сесть на иглу*, попадая из речи наркоманов на страницы газет, обрастает производными: *сесть на дотационную иглу*; *сидеть на игле инвестиций*, *сесть на ипотечную иглу* и т. п.

Наблюдения, проведенные Ю. А. Пановым, показывают, что активно функционирует в современном русском словарном составе пласт усеченных слов, различающихся со словами общего употребления наличием ярко проявляемой сниженности. Большинство усеченных лексем создаются не по правилам словообразования, происходит произвольное усечение коревых морфем: *азер* (азербайджанец), *алик* (алкоголик), *Афган* (Афганистан), *глюк* (галлюцинация), *диссер* (диссертация), *дистроф* (дистрофик), *мент* (милиционер), *преп* (преподаватель), *хрон* (хронически больной человек) и целый ряд других. Приведем примеры усеченных лексем, относящихся к компьютерному жаргону: *админ* (администратор), *комп* (компьютер), *проц* (процессор), *винч* (винчестер), *пров* (провайдер) и другие. Очевидные изменения, происходящие в русском дискурсе в настоящее время, заставляют задуматься о причинах возникновения данного процесса.

С одной стороны, интенсификация процессов внедрения сниженной лексики в современном русском языке обуславливается тем фактом, что язык – это непрерывно развивающаяся и совершенствующаяся система, и как следствие этого внутреннее закономерное развитие национального языка неизбежно. По мнению Б. А. Ларина, «историческая эволюция любого литературного языка может быть представлена как ряд последовательных «снижений», варваризаций, но лучше сказать как ряд концентрических развертываний»²¹⁵.

Однако не вызывает сомнений, что основной причиной постоянного динамизма русского языка выступают экстралингвистические факторы. Являясь прежде всего средством общения в любом социуме, язык может осуществлять данную функцию при условии соответствия определенному историческому периоду и конкретной стадии развития общества. В корне непрекращающегося процесса развития языка лежит отражение постоянного динамизма действительности.

Так, «политическая свобода, свобода слова, политический плюрализм, переход к рыночной экономике, открытость общества, поляризация общества, техническое перевооружение быта» по мнению исследователей З. Д. Поповой и И. А. Стернина являются «основными социальными факторами, определившими существенные изменения в русском языке 80–90-х гг. XX века в России»²¹⁶.

Изменения, произошедшие в материальном мире человека, повлияли и на перемены в идеологической парадигме. Появилась потребность самостоятельно защищать свои интересы, уверенно отстаивать свою позицию в конкурентной борьбе; актуализировался страх субъекта перед окружающим миром. Социальные отношения стали носить своеобразный напряженный оттенок, что нашло свое непосредственное отражение в языке.

Политическая свобода в обществе привела к развитию и укоренению политического дискурса, диалогическая речь все чаще стала носить полемический оттенок, актуализировалась коммуникативная плюрализация, возросла роль публичной и

²¹⁵ Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение. 1977. С. 176

²¹⁶ Попова З. Д. Стернин И. А. Общее языкознание. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С.362

вообще устной речи, наметились основательные перемены в публицистическом языке и т. д.

Общение все чаще стало приобретать агрессивную направленность, которая многими исследователями объясняется приравниванием и смешением понятий свободы («делай, что хочешь, но не мешай при этом другим») и воли («делай, что хочешь»), произошедшим в сознании значительной части российского общества. В процессе коммуникации это выражается в снижении культуры речи, пренебрежении норм речевого этикета, проявлениям резкости и вульгарности в общении и поведении. Свобода слова повлекла за собой ускоренное развитие разговорной речи, существенное увеличение спектра тем устного общения, освоение навыков владения спонтанной устной речью, расширение функций устной формы языка. Устные формы коммуникации вытесняют письменное межличностное общение, что ведет и к снижению уровня владения письменной монологической речью, хотя потребность во владении монологом, в частности публичным, возрастает. Однако, рассматривая процессы трансформации языка, нельзя не принять во внимание и смешение понятий «свобода слова» и «свобода речи», имеющее место в массовом сознании современного российского социума и повлекшее за собой неоправданное освобождение от жестких ограничений в отношении норм языка, особенно в области культуры речи и культуры общения. Степень публично допустимого в процессе коммуникативного поведения значительно увеличивается, ранее существовавшая система табуированных тем во время публичных выступлений разрушается, обуславливая тем самым открытое обсуждение тем, касающихся секса, гомосексуализма и т. д.

Грубая и неприличная лексика настолько живо вошла в обиход в определенных социальных кругах, что перестала быть табуированной и привела к привыканию в ее использовании в процессе коммуникации.

Особый интерес вызывает изучение отдельного политического подъязыка, образующегося и развивающегося по плюралистической модели, когда язык различных политических партий, учреждений и отдельных деятелей, работающих в сфере политики, ведет к значительным изменениям в слое политического лексикона русского языка, к его заметному обновлению, пополнению, структурной трансформации и появлению

политического жаргона. Речевая деятельность политических деятелей индивидуализируется, приобретает персональные признаки, которые становятся важной составляющей предвыборных выступлений.

Не остаются без внимания исследователей и причины возникновения активных семантических процессов, происходящих в лексике рыночных отношений, истоки появления и функционирования понятий, дающих оценку многообразных рыночных отношений и приводящих к интенсивному процессу заимствования современной рыночной терминологии и активизации историзмов. Развитие рыночной экономики, бизнеса, торговых отношений, конкуренции, переустройства системы сервиса в направлении потребителя и клиента ведут к формированию особого подъязыка делового общения, системы деловой документации, устных и письменных деловых речевых шаблонов, делового речевого этикета.

Возникла необходимость в рекламе, что повлекло за собой наработку шаблонов рекламного текста, развитие рекламы как раздела бизнеса, а также науки о рекламе. Язык рекламы оказывает очевидное воздействие на общество – рекламные лозунги и обращения, реплики героев рекламных роликов становятся поговорками и присловьями, широко цитируются, становятся компонентами анекдотов и юмористических рассказов.

Значительные изменения, происходящие в быту россиян, связаны прежде всего с широким распространением в повседневной жизни сложной бытовой, офисной, компьютерной оргтехники, мобильных телефонов преимущественно иностранного производства. Русский язык заметно обогащается большим количеством новых понятий и заимствований вследствие появления и активного внедрения в жизнь россиян компьютеров, DVD-проигрывателей, видеокамер, видеорегистраторов, телевизоров нового поколения, факсов, копировальной и множительной техники, современной бытовой техники, смартфонов, планшетов, нетбуков и зарубежных автомобилей.

Произошло резкое и значительное увеличение количества иностранных заимствований в русском языке, особенно из английского языка. Учащается использование английских наименований, слов, возникающих для обозначения новых реалий, понятий, предметов, функционирующих в

общественной жизни и обусловленных открытостью общества, что в свою очередь приводит к существенному расширению кругозора и объема знаний россиян, к значительному улучшению знания иностранных языков. З. Д. Попова объясняет это, «с одной стороны, действием общемировой тенденции к интернационализации и глобализации лексического фона развитых языков, с другой – потребностями в номинации новых предметов и понятий, вошедших в российскую жизнь в период перехода к рынку»²¹⁷.

По мнению многих исследователей, анализ состояния русского современного языка может быть полным только при детальном исследовании процесса, происходящего в современном российском дискурсе и характеризующегося усилением процесса заимствованной лексики.

В своем историческом развитии практически все языки мира вступали и продолжают вступать в языковые контакты, что является необходимым условием для развития почти каждого естественного языка. Взаимодействие двух и более языков, влияющих друг на друга в отношении структуры и объема своего лексического слоя, ведет к интенсификации процесса заимствования слов из других языков. Часто иностранная лексема воспринимается как нечто чужое или враждебное. Однако нередко временные промежутки, когда страна и общество в целом открыты воздействиям извне, когда преобладает более толерантное отношение к внешним влияниям и, в частности, к новым заимствованиям. Таким исторически активным можно считать конец XX и начало XXI века, когда стали усиливаться информационные потоки, появилась и активно внедрилась в жизнь глобальная сеть Интернет, расширялись межгосударственные и международные отношения, начал развиваться зарубежный туризм, возникли другие политические, экономические и культурные условия, которые обусловили предрасположенность российского социума к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Л. П. Крысин в своей работе «О русском языке наших дней» выявляет некоторые из этих условий. Он говорит о том, что большинство жителей Российской Федерации воспринимает свою страну как компонент цивилизованного мира; «в идеологии и

²¹⁷ Попова З. Д. Стернин И. А. Теория языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. С.365

официальной пропаганде объединительные тенденции преобладают над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; происходит переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки характерна открытая (иногда чрезмерная) ориентация на Запад. Все эти процессы и тенденции, несомненно, послужили важным стимулом, который облегчил активизацию употребления иноязычной лексики»²¹⁸.

Очевидно, что это способствовало активизации коммуникативной деятельности носителей русского языка с носителями других языков, что является необходимой предпосылкой не только для процесса заимствования лексики из этих языков, но и для принятия носителями русского языка международных (в большинстве случаев базируемых на английском языке) терминологических систем, например, в области экономики, финансов, коммерции, спорта, моды и др.

Тематически можно выделить следующие группы неологизмов:

- правовая лексика и лексика государственного управления: парламент, кабинет министров, премьер-министр, вице-премьер, мэр, вице-мэр, администрация, пресс-секретарь, инаугурация, спикер, импичмент, спичрайтер, аншлюс, брандер, муниципалитет и т. д.;

- общественно-политическая лексика: пресс-конференция, пресс-релиз, брифинг, интервью, рейтинг, электорат, консенсус;

- научно-техническая лексика: гаджет, дисплей, файл, интерфейс, принтер, блюминг, крекинг, шепинг, ноу-хау, web-паутина, USB-модем, FM-радио, файл, IP-адрес, фейк, флэшка, мейл и др.;

- интернет-лексика: автопостинг, авторег, база, блокировка, взаимопиар, контент, масс-подписка, масс-лайкинг, офферы, пост, прокси, токен, трафик, фолловер, хэштэг и т. д.;

²¹⁸ Крысин Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] // Изменяющийся языковой мир. Пермь, 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>.

- экономическая и финансовая лексика: концерн, бартер, акция, брокер, ваучер, вексель, дилер, дистрибьютор, брокер, аудитор, инвестиция, маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты, демпинг, лизинг; оффшор, девелоперская фирма, фрахт, хинтерланд, девальвация, опцион;

- спортивная лексика: допинг, кикбоксинг, полдансинг, стретчинг, шейпинг, овертайм, виндсерфинг, скейтборд, армрестлинг, плэй-офф, панчер, файтер, боулинг, шорт-трек, хавпайп, маунтинбординг, слоупстайл, скиатлон и т. д.;

- обиходная лексика: имидж, презентация, номинация, спонсор, видео, шоу, триллер, хит, дискотека, колорирование, блэйддинг, шопинг, дансинг, рингтон, прайм-тайм, ростер, тостер, шейкер, гриль, несесер, кофр, лифтинг, пилинг, скраб;

- лексика современного поп-искусства: кантри, сингл, диджей, шоу, ток-шоу, римейк, клип, аншлаг, шлягер и т. д.

Большое количество неологизмов были заимствованы давно, но применялись преимущественно в среде специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились привычными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Н. С. Валгина выделяет несколько основных причин, которые способствуют всеобщему, беспрепятственному и быстрому проникновению иноязычных неологизмов в русский язык. Среди первых исследователь называет необходимость в номинации предметов, явлений, понятий, ранее не существовавших в обиходе: франчайзи (компания, которая покупает право на ведение бизнеса (франшизу) под именем или торговой маркой, возможность обучения и помощь при создании бизнеса у франчайзера и выплачивает сервисную плату (роялти) за использование товарного знака, ноу-хау и системы ведения работ франчайзера); директ (термин словаря инстаграм, означающий внутренний сервис в приложении Instagram, позволяющий отправлять прямые сообщения выбранному собеседнику или группе лиц); вендинг (продажа товаров и услуг с помощью автоматизированных систем (торговых автоматов) и др. Также указывается, что разграничение понятий зачастую становится причиной пополнения лексической подсистемы языка неологизмами: плейер –

проигрыватель (плейер – проигрыватель небольшого размера, снабженный наушниками, проигрыватель – аппарат для воспроизведения музыки на пластинках); спонсор – меценат (спонсор – физическое или юридическое лицо, оказывающее финансовую поддержку кому-либо в обмен на рекламу своей деятельности, меценат (старое заимств.) – богатый покровитель наук и искусств); ресепшен – приемная (ресепшен – место, куда прежде всего попадает или обращается клиент, заходящий или обращающийся в любое учреждение – от парикмахерской до ресторана, приемная – комната для посетителей в каком-либо официальном учреждении) и т. д. Предпосылками активного употребления неологизмов также называется наличие в международном использовании устоявшихся систем терминов, однотипных по происхождению, например компьютерная терминология, спортивная, современная эстрадная на базе английского языка; танцевальная – на основе французского языка, и др. Процесс эвфемистических подмен понятий в том числе способствует стремительному проникновению иноязычной лексики. Это связано с психологической стороной употребления нового слова, так как в определенной степени оно вуалирует отрицательный или прямой смысл того или иного понятия: канцер (рак – болезнь), педикулез (вшивость – заболевание) и т. п. Легкое и активное употребление неологизмов происходит и за счет стремления носителей русского языка к употреблению модных, современных лексических единиц, которые придают речи оттенок интеллектуальности и престижности. В подобных ситуациях и само понимание слова становится необыденным: презентация (не просто представление чего-либо, а торжественная акция); кюлоты (не просто укороченные брюки, а модные широкие брюки); бутик (не просто магазин, а элитный салон-магазин).²¹⁹

Многие исследователи задаются вопросом о пользе и вреде набирающего темпы процесса заимствований, влекущего за собой вытеснение русских, исконных слов иноязычными заимствованиями. По поводу интенсификации процесса заимствования мы разделяем мнение Л. П. Крысина, считающего, что «язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными

²¹⁹ См. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.

закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного»²²⁰. История русского языка показывает, что с иноязычными словами происходит все именно таким образом. Состояние любого языка закономерно рассматривать с позиции двух основных процессов: эволюции (внутренний процесс постепенного непрерывного изменения) и развития (результат внешних воздействий). Анализ русского языка на современном этапе его развития указывает на то, что основные изменения, происходящие в нем, могут быть классифицированы как развитие. К явлению эволюции возможно отнесение процесса формирования сленга как заполнения пробелов в стилистических парадигмах языка; остальные модификации характеризуют состояние языка как «развитие».

Развиваясь, язык выступает в качестве особого индикатора изменений происходящих в жизни общества в каждой конкретной социально-исторической эпохе. Язык пронизывает и затрагивает все слои социума; одновременно формируя целостность и подчёркивая различия и характерные особенности каждой социальной группы.

Являясь социальным феноменом, язык очень мобилен, главным образом в своем лексическом слое, подвергается трансформациям, инициированными экстралингвистическими действиями: какими-либо изменениями в области политики, экономики или культуры. Подобные изменения имеют тенденцию происходить во время сравнительно небольшого временного исторического промежутка, равного примерно жизни одного или двух поколений. Другой их характерной чертой является стремительность, ведущая к тому, что люди старшего возраста, не имеющие высшего образования и не изучавшие, например, английский язык (три четвертых всех неологизмов составляют именно англицизмы), воспринимают их как нечто чуждое, показывают психологическое отвержение к их безоговорочному принятию. Новые реалии российского пространства, выражаемые неологизмами, остаются им непонятными. Очевидно, что роль прессы, радио, телевидения, а в последнее время Интернета в распространении новых слов, экономических, политических и международных терминов и в дальнейшем будет возрастать.

²²⁰ Крысин Л. П. Указ. соч.

Таким образом, в соотношении социум – язык есть лишь одно магистральное направление: от социума к языку. Обратное влияние языка на культуру, социальную реальность, социальные институты общества, на общественное сознание является ограниченным и возможно лишь в тех сферах, которые недоступны непосредственной эмпирической проверке.

Язык не определяет социальную реальность, культуру и содержание мышления социальных субъектов, он отражает эту социальную реальность, культуру и это мышление, объективирует его.

Заключение

Исследование социальных феноменов и процессов, особенностей социальной динамики представляет собой достаточно сложную процедуру, включающую в себя множество различных методологических компонентов и концептов. Что касается исследования проблемы концептуализации социальной реальности в контексте семантической коммуникации, то именно теория систем, структурно-системный подход в качестве методологической базы позволяют провести более глубокий анализ процесса конституирования социальной реальности, выявить механизмы создания концептуальной картины мира и некоторых составляющих и представлений системного подхода, поскольку социальная реальность обладает системной природой.

По своей сути социальная реальность может быть охарактеризована как открытая, динамичная, высокоорганизованная целостность, включающая инвариантную и вариативную части, объединяющая в себе личность, собственно социальную подсистему и культуру, отражающая в константах культуры и в языке специфику существования социальных явлений.

Семантическая коммуникация, в контексте которой раскрываются особенности социальной реальности, представляет собой знаково-символьную сущность, систему знаков и их связей, через которую координируются ценностно-смысловые формы и структурируются уже имеющиеся или снова появляющиеся представления, образы, воззрения и иные смысловые конструкции. Главная роль в семантической коммуникации принадлежит языку, который, будучи уникальным феноменом человеческой реальности, социально обусловленным средством, играет ключевую роль в поддержании общих определений реальности, создает особую символическую среду, структурирующую социальные трансформации, создает тезаурус для актуализации потенциальных возможностей понимания смысла происходящих изменений. Язык сам создает условие наличия социальной реальности, объективируя её в языковых знаках. Он является средой социальных трансформаций, а рецепция и генерация информации – механизмом конструирования социальной реальности. Язык сопровождает все

социальные процессы и охватывает все социальные сферы, значит, в нем должно быть закодировано определенное объективное знание о социальной реальности, которое, имея специальный инструментарий в виде теорий и методик, можно дешифровать. Язык - это обязательная часть жизни человека: человек сообщает о себе как о личности, проявляет себя в мире главным образом посредством языковой коммуникации, с помощью языка человек как личность вступает в социальные отношения, подчиняется определенному порядку и правилам межличностные связи, язык хранит в себе все накопленные народами знания и жизненный опыт, передающийся из поколения в поколение.

Можно утверждать, что социальная реальность представляет собой коммуникативный процесс, реализуемый коммуникативными (языковыми) личностями, носителями культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных действий, ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. В процессе коммуникации социальная реальность конструируется на уровне типизаций, (парадигм, инварианта) и уровне ситуативности (синтагм, вариативности). Данные уровни взаимосвязаны.

Литература

1. Аванесова Г. А. Образец культурный // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 325–326.
2. Аглуллин И. А. Синергетическое представление социальных систем: концепция моделирования и управления // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции: в 4 т. Т. 2. / сост. В. Лещенко. М., 1996. С. 17.
3. Александер Дж. После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество / пер. с англ. Т. В. Дорофеевой // Социология на пороге XXI века. М.: Интеллект, 1998. С. 231–249.
4. Аналитическая философия: Избранные тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. 191 с.
5. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 550 с.
6. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Политика», 1992. 607 с.
7. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества: сборник / пер. с нем., англ.; вступ. статья, сост. и общая ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 63–78.
8. Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление М., 1981. С. 21–23.
9. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. М.: Едиториал УРСС, 2003. 144 с.
10. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М, 1994. 616 с.
11. Барулин В. С. Социальная философия: учебник. М., 1993. С. 194.
12. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана (вступительная статья) // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 7–58.
13. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 159–206.

14. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее приемственности и изменении / пер. с англ. В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова. М.: 1961. 895 с.
15. Белич А. И. Внутренняя и внешняя языковая форма // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. 3. М., 1946. С. 179–182.
16. БергерП., ЛукманТ. [Berger P. L., Lukman T.] Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. М.: Медиум, 1995. 323 с.
17. Берталанфи, Л. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. 520с. (с. 23-82)
18. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти// Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Прогресс, 1995. С. 88–120.
19. Бланшо М. Взгляд Орфея. Неописуемое сообщество. Пение сирен [Электронный ресурс]. М.: Директ-Медиа, 2008. 146 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=41224 (дата обращения: 26.01.2017).
20. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
21. Бодуэн де Куртенэ И. Э. Очерки истории языкознания или лингвистики (глоттологии) // Теория и история языкознания. М., 1974. Вып. 2, С. 36–45.
22. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Издание 3-е. М.: Сов.энцикл., 1969–1978.
23. Бондалетов В. Д. Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса // Вопросы социальной лингвистики: Сб. науч. тр. Л.: Наука, 1969. С. 398–416.
24. Бурдые П. Начала / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
25. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
26. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. т.1. Вып.2. С. 137–151.
27. Буслаев Ф. И. Сочинения: в 3 т. СПб.; Л., 1908–1930.

28. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
29. Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю / пер. с фр. Ж. Вандриес, проф. Парижского ун-та; примеч. П. С. Кузнецова; под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 410 с.
30. Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО, 2000. 320 с.
31. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003. 220 с.
32. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание 45 языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки рус. культуры, 1999. 780 с.
33. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
34. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109–136.
35. Виноградов В. А. Избранные труды: в 7 кн. М.: Наука, 1975–2003.
36. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И.Добронравова и Д. Лахути; Общ.ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
37. Волкова В. Н. Основы теории систем и системного анализа. Спб., 2004. 520 с.
38. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929. 188 с.
39. Гавранек Б. О проблематике смешения языков // Новое в лингвистике: Сб. науч. тр. М., 1972. С. 94–111.
40. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение: в 2 т. Том 2. 2002. № 1. С. 42–70.
41. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. 2-е изд. СПб.: Наука, 2005. 799 с.
42. Гидденс Э. Новые правила социологического метода / пер. с англ. С. П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 2 / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и

- общ.ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 424 с.
43. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
44. Гиддингс Ф. Основания социологии / пер. с англ. Н. Н. Спиридонова. М., 1898. С. 3–22, 400–418.
45. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 59–81.
46. Голанова Е. И. Изменения в жанре интервью // Русский язык 1997. С. 81–103.
47. Гольдман Л. Структурно-генетический метод в истории литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. – М., 1987. С. 335–348.
48. Горелов И. Н. Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. Изд-е 3-е, переработанное и дополненное. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. 304 с.
49. Гоулднер Алвин. Наступающий кризис западной социологии / пер. А. С. Фомина, В. В. Кузнецова, М. Г. Ермаковой. СПб: Наука, 2003. 575 с.
50. Гофман И. Первичные системы фреймов // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 122–137.
51. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 217–237.
52. Гришаева Л. И. Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. 4-е издание. М.: Академия 2007. 336 с.
53. Гулыга А. В. Гердер. М.: Мысль, 1963. 198 с.
54. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 400 с.
55. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн., М., 2000. 752 с.
56. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2 / под ред. С. И. Соболевского. М.: Государственное

- издательство иностранных и национальных словарей. 1958. 860 с.
57. Делез Жиль. Логика смысла. М.: Издательский Центр «Академия», 1995. 298 с.
 58. Деррида Ж. «Голос и феномен» и другие работы по теории знака Гуссерля / пер с фр. С. Г. Калинина, Н. В. Сулова СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
 59. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / пер с англ. А. М. Корбута; под общ.ред. А. А. Полонникова. Мн.: БГУ, 2003. 232 с.
 60. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / пер. снем. под ред. В. А. Куренного. М.: Три квадрата, 2004. 413 с.
 61. Добреньков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005. 704 с.
 62. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение: М., 1995. 352 с.
 63. Ермакова А. В. Марксистский подход к исследованию социальной реальности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2013. С. 129–140.
 64. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.: Наука, 1964. 316 с.
 65. Залевская А. А. Введение в психолингвистику М., 1999. 349 с.
 66. Запесоцкий А. С., Марков А. П. Становление культурологической парадигмы. СПб.: СПбГУП, 2007. 56 с.
 67. Запесоцкий А.С., Марков А.П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии, 2010, № 8. С. 76–88.
 68. Знанецкий Ф. Исходные данные социологии // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 33–41.
 69. Илгун А. В., Харитоновна С. В. Коммуникативное поведение: понятие, основные элементы [Электронный ресурс] // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований. URL: <https://interactive->

- plus.ru/ru/article/79948/discussion_platform (дата обращения: 30.03.2017).
70. Кабахидзе Е. Л. Лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук / 09.00.11. Кабахидзе Екатерина Львовна. М., 2013. 26 с.
 71. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Арзаканяна. М.: Эксмо, 2007. 736 с.
 72. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К.: «София»; М.: ИД «София», 2003. 336 с.
 73. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // В. И. Карасик Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
 74. Карнап Р. Философские основания физики: введение в философию науки. М.: Прогресс, 1971. 387 с.
 75. Кассирер С. Опыт о человеке. М., Гардарика, 1998. 784 с.
 76. Конт О. Дух позитивной философии. М.: Директ-Медиа, 2002. 201 с.
 77. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
 78. Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Изд-во «Экзамен». 2002. 511 с.
 79. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. М.: Гнозис, 2003. 375 с.
 80. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
 81. Кребер А. Л. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. 2004, М.: РОССПЭН. 1006 с.
 82. Крылова М. Н. Антиномии как движущая сила языка [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2014. № 3. URL: <http://philology.snauka.ru/2014/03/710> (дата обращения: 26.01.2017).
 83. Крысин Л. П. О русском языке наших дней [Электронный ресурс] // Изменяющийся языковой мир. Пермь,

2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>
(дата обращения: 26.01.2017).
84. Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.
 85. Куайн У. В. О. Референция и модальность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII / пер. с англ. Е. В. Падучевой. М., 1982. С. 87–109.
 86. Кубрякова Е. С. Язык как исторически развивающееся явление // Общее языкознание. Форма существования, функции. История языка. М., 1970. С. 197–302.
 87. Кузнецова А. П. Показатели социальной системы // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции: в 4 т. Т. 2. М, 1996. С. 28.
 88. Кузьмина Е. О. Метафизическая сущность «авось», «небось» и «как-нибудь» как средство выражения ментальности русского народа // Филология и лингвистика в современном обществе. М., 2012. С. 33–38.
 89. Культурология как наука: за и против (материалы обсуждения) // Вопросы философии, 2008, № 11. С. 26–27.
 90. Кун Т. Структура научных революций: монография / пер. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
 91. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Баранова, А. Морозовой. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
 92. Лалетин Д.А. Культурология. Учебное пособие. Воронеж: ВГПУ. 2008. 264 с.
 93. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение. 1977. 224 с.
 94. Лафарг П. Язык и революция: Французский язык до и после революции. (Lalanguefrancaiseavantetapreslarevolution) / пер. с фр. Т. Фалькович и Е. Шишмаревой; под ред. и со вступ. ст. В. Гоффеншефера «Лафарг и проблемы языка». М. – Л.: «Academia», 1930. 100 с.
 95. Леви Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Серия «Психология без границ»).
 96. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

97. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 58 т. Т.18. М.: Изд-во политической литературы, 1968. 526 с.
98. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во политической литературы, 1975. 304 с.
99. Лиотар Ж. Ф.. Ответ на вопрос: Что такое постмодерн? // AdMarginem. Ежегодник-93. М., 1994. С. 307–323.
100. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
101. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 28–37.
102. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
103. Лурье С. Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.
104. Майминас Е. З. Процессы планирования в экономике. М.: Экономика 1971. 400 с.
105. Макаров В. И., Коготкова Т. С. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) // Отечественные лексикографы: XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 189–220.
106. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.
107. Макушева М. О. Языковая репрезентация социальной и институциональной структуры: автореф. дис. ... канд. соц. наук / 22.00.01. Макушева Мария Олеговна. Рос.гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб, 2013. 228 с.
108. Мамардашвили М. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 269–282.
109. Мангейм К. Очерки социологии знания (теория познания – мировоззрение – историзм). М., 1998. 249 с.
110. Маркс К. Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. 3. С. 471–568.

111. Мартынюк И. Соболева Н. Символическая социальная реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 126–146.
112. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
113. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания // Социологический журнал. Институт социологии РАН (Москва). 2003. № 2. / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 168–179.
114. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. Д. Кудрявского; перераб. и доп. по VII франц. изд. А. Сухотиным; под ред. и с прим. Р. Шор; вступ. ст. М. Сергиевского. М. –Л.: Соцэкгиз, 1938. 510 с.
115. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М., 1973. 344 с.
116. Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социология / под ред. В. И. Добренькова М., 1994.
117. Момджян К. Х. Системно-теоретический подход к объяснению социальной реальности. Философская или социологическая методология? / К. Х. Момджян, Д. Г. Подвойский, В. С. Кржевов, А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 17–43.
118. Оводова С. Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 101–104.
119. Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический Проект, 2004. 480 с.
120. Орлова Э. А. Понятие «Образ жизни» в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. 2011, № 2. С. 28–36.
121. Паниткова Э. Ю. Понятие «языковая личность» и проблема социального конструирования реальности: автореф. дис.... канд. филос. наук / 09.00.11.Паниткова Эллина Юрьевна. Сев. (Арктический) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2012. 23 с.
122. Панов Ю. А. Влияние социально-экономических процессов на экспансию сниженной лексики в современном русском языке // Межвузовский сборник научных трудов

- студентов / под ред. д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. 2000, Воронеж: ВГТУ. С. 100–105.
123. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект. 2000. 880 с.
124. Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков / пер. с англ. В. В. Кирюшенко, М. В. Колопотина СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского в-та СПбГУ; Алетея, 2000. 352 с.
125. Платон. Евтифрон / Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1986. 607 с.
126. Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания: дис. ... д-ра филос. наук / 09.00.11. Платонова Светлана Ипатовна. Российский ун-т дружбы народов. М., 2014. 271 с.
127. Пойзнер Б. Н. Незаметное присутствие: репликация в социокультурных процессах и их схемах // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс–Традиция, 2009. С. 85–95.
128. Поливанов Е. Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. М., 1968. 116 с.
129. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., Наука, 1986. 376 с.
130. Попова З. Д. Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002. 250 с.
131. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание: учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 408 с.
132. Попова З. Д. Стернин И. А. Теория языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 408 с.
133. Потебня А. А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. 192 с.
134. Пржиленский В. И. Онтологический статус социальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук / 09.00.11. Пржиленский Владимир Игоревич. Ставрополь, 1999. 251 с.
135. Рассел Б. История Западной философии и ее связи с социальными условиями от античности до наших дней. Изд-е 3-е испр. Новосибирск: Сибирское университетское издательство новосибирского университета, 2001. 954с.

136. Рассел Б. Проблемы философии. Новосибирск: Наука, 2001. 111с.
137. Режабек Е. Я., Филатова А. А. Когнитивная культурология: учебное пособие. СПб.: Алетейя, 2010. 316 с.
138. Резник Ю. М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007. С. 317.
139. Розов Н. С. Структура социальной онтологии // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 6–12.
140. Русская языковая картина мира и системная лексикография / сост.: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
141. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / под ред. Е. А. Земской. М.: Языки русской культуры, 2000; изд. 2-е стер. 478 с.
142. Руткевич М. Н. Общество как система. Социологические очерки СПб., 2001. 144 с.
143. Рябинская Н. С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. 2002. №4. С. 78–91.
144. Санжеева Л. В., ТоузНойманн Б. М. Язык культуры как константа // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1–2. С. 50–57.
145. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. д-ра филол. наук проф. А. Е. Кибрика. Изд. 2-е. М.: Прогресс, 2002. 656 с.
146. Словарь практического психолога. Минск, Харвест, 1988. С. 239–240.
147. Соммерфельт А. Язык и общество. М.: Просвещение, 1938. 371 с.
148. СоссюрФ. де. [Sossure F. de.]. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 1999. 432 с.
149. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. М., 1990. 280 с.

150. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер с англ. под ред. Н. А. Рубакина. Минск: Совр. литератор, 1998. 1407 с.
151. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 991 с.
152. Стросон П. Ф. Референция и определенные дескрипции. М.: Языки русской культуры, 1999. 244 с.
153. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания М., 1996, С. 7–22.
154. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Учеб. пособие / Под ред. В.Н. Волковой и А.А. Емельянова. М., 2006. 848 с.
155. Терентьев И. А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 37–39.
156. Терентьев И. А. Социальная реальность как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук / 09.00.11. Терентьев Игорь Александрович. Краснодар, 2007. 153 с.
157. Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология (вступительная статья) // Мифы народов мира. Энциклопедия: 2 т. Т. 1 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия. 1991. С. 11–21.
158. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с франц. Е. А. Самарской; ред. пер. М. Н. Грецкий. М.: Научный мир, 1998. 133 с.
159. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 82–119.
160. Уорф Б. Л. Наука и языкознание. М. – СПб: Terra Fantastica, 2003. 214 с.
161. Филин Ф. П. К проблеме происхождения славянских языков // Вопросы языкознания. М., 1972. № 5. С. 3–11.
162. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, Л. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 836 с.
163. Фихте И. Г. Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. 798 с.

164. Флиер А. Я. Феномен культурологии: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры, 2011, № 2. С. 4–12.
165. Фрагменты ранних греческих философов: в 2 ч. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А. В. Лебедев; Институт философии АН СССР. М.: Наука, 1989. 576 с.
166. Фреге Г. Логические исследования: научное издание. Томск: Водолей, 1997. 127 с.
167. Фуко М. Слово и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. 408 с.
168. Хабермас Ю. Модерн незавершенный проект // Вопросы философии, 1992, № 4. С. 40–52.
169. Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. Антология. М.: Аспект Пресс, 1995. С. 283–289.
170. Хазагеров Г. Г. Ось интенции и ось конвенции: к поискам новой функциональности в лингвокультурологических исследованиях // Социологический журнал. 2006. № 01–02. С. 40–62.
171. Харре Р. http://ec.chelib.ru:8080/cgi/irbis64r_12/cgiirbis_64.exe?LNG=&Z21ID=&I21DBN=SKS&P21DBN=SKS&S21STN=1&S21REF=&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR=Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 94–103.
172. Хоманс Дж. Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 24–33.
173. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: учебное пособие. 2-е изд., перераб и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2006. 512 с.
174. Цит. по: Теория систем и системный анализ в управлении организациями: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. М., 2006. 848 с.
175. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. 292 с.
176. Шеллинг Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 637 с.

177. Шеллинг Ф. Философия откровения: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. А. Л. Пестова. СПб.: Наука, 2000. 699 с.
178. Шоркина Е. Ю. Проблема вариативности языковой картины мира [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2015. № 9. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/09/1690> (дата обращения: 26.01.2017).
179. Шоттер Дж. Конструирование «ресурсных или взаимодействующих» сообществ: внедрение новой (диалогической) практики в наши практики // «Коммуникативный поворот» современного образования: Сб. научн. статей. Мн.: Пропилеи, 2004. С. 90–138.
180. Шрейдер Ю. А Семантическая информация и принцип фокализации // Общение в свете теории отражения Фрунзе, 1980. С. 32–48.
181. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
182. Шютц Альфред. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
183. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В. Г. Николаев и др.; сост.: Н. М. Смирнова; общ.и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1055 с.
184. Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М, 2004. С. 401–455.
185. Эдвард де Боно. Я прав – вы заблуждаетесь. М.: Изд-во «Попурри», 2006. 368 с.
186. Эдвард де Боно. Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач = LateralThinkingAnIntroduction. М.: Альпина Паблишер, 2015. 172 с.
187. Ядов В. А. Социальная теория в поисках выхода из кризисного состояния // Социология. 1998. № 3. С.11–14.
188. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

189. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук, 1933. С. 17–58.
190. Baudrillard. Simulacres et simulation. P., 1981. P. 236
191. Berger P., Kellner H. Sociology Reinterpreted : An Essay on Method and Vocation. N.Y. 1981. 49 p.
192. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 249 p.
193. Comte A. Systeme de Politique Positive, Ou Traite De Sociologie, Instituant La Religion De L'humanite: Vol. 1–4. 1851–1854.
194. Fishman J. A., Solano F. R. Cross-Polity Linguistic Homogeneity and Per-Capita Cross National Product: An Empirical Exploration // Language Problems and Language Planning. 1989. № 13. P. 103–118.
195. Herder J.G. Herders Samtliche Werke. Bd. 13 / Hrsg. von Bernhard Suphan, J.G. Herder. Weidmann, 1887. 485 p.
196. Kiernan J., Meier J., Xiqiao W. Negotiating Languages and Cultures: Enacting Translingualism through a Translation Assignment // Composition Studies. 2016. Vol. 44. Issue 1. P. 89–107.
197. Meillet A. Aperçu d'une histoire de la langue grecque. Paris, 7ed., 1965. 282 p.
198. Patterns of Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p.
199. Philosophical Method / ed. by Rorty R. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 1–40.
200. Rorty R. The Linguistic Turn; Recent Essays in Philosophical Method, ed. with an Introduction by R. Rorty. Chicago, University of Chicago Press, 1967. 393 p.
201. Searle J. R. What is a Speech Act? // Philosophy in America / ed. By M. Black. London. 1965. P. 221–239.